

 ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вторая мировая война в славянских литературах и языках

Тезисы докладов международной
научной конференции
10–11 ноября 2015 г.

Москва
2015

Ответственные редакторы:
д.ф.н., профессор Н.Е. Ананьева
д.ф.н. Н.Н. Старикова

Переводы: С.Н. Мещеряков, Г.П. Тыртова, Е.В. Шатько

Вторая мировая война в славянских литературах и языках. Тезисы докладов международной научной конференции, 10–11 ноября 2015 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. 104 с.

Сборник материалов международной конференции «Вторая мировая война в славянских литературах и языках» содержит тезисы докладов участников конференции, посвященные лингвистическим и литературоведческим аспектам заявленной проблематики.

The collection contains abstracts of the participants taken part in the international conference «World War II in the Slavic languages and literatures». The abstracts focused on the linguistic and literary aspects of the stated problems.

ISBN: 978-5-7576-0351-3

© Институт славяноведения РАН
© Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ Повествование как аутопсихотерапия: польская проза «детей выживших»	6
Н.Е. АНАНЬЕВА Полонизмы и польские реалии в военных стихах Давида Самойлова	7
А.Ф. БАЛАШОВА Представление о чуде в нарративах о Великой Отечественной войне	9
Н.В. БОЛЬШАКОВА Жанровая специфика текстов о войне (к вопросу об электронной базе данных на основе псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива)	11
З.И. БОРАНБАЕВА Исторические основы стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом...»	12
Л.Н. БУДАГОВА Стихи не «по случаю», а по зову души: чешская поэзия о ратном подвиге советского солдата (к проблеме ревизии Второй мировой войны)	15
Г.М. ВАСИЛЬЕВА «Фауст» в милитарном дискурсе Пауля Целана	16
Л. ВЕСКОВИЧ Новопрочтения романа Михаило Лалича «Лелейская гора»	18
И.А. ГЕРЧИКОВА Трансформация темы освобождения страны в 1945 г. в чешской прозе	18
Т.В. ГРОМКО Особенности употребления словакизмов в новелле Олеся Гончара «Модры Камень»	20
Б. ДЖАН ЭМИР Психология войны и тема «немец тоже человек» на примере повести Бориса Васильева «В списках не значился»	22
М. ДЖЕЛИЛОВИЧ Сила женщины и Вторая мировая война в произведениях Ясины Мусабегович	24
А.Й. ЗОБЕНИЦА Вторая мировая война в сербской детской литературе	26
Е.Ю. ЗУБАРЕВА Парадигма бытия и трагическая амбивалентность войны в произведениях К.М. Сиимонова	28
А.А. ИВАНОВА Великая Отечественная война в «устной истории» жителей оккупированных территорий (по материалам фольклорных экспедиций в Калужскую и Орловскую обл.)	30
А.И. ИЗOTOB Журнал «Slovo a Slovesnost» в годы Второй мировой войны	32
А.И. ИЛИАДИ Словообразовательные инновации в украинских диалектах периода Великой Отечественной войны	35
Г.Я. ИЛЬИНА Вторая мировая война в современной хорватской прозе (Д. Дрндич «Sonnen-schein», 2007; М. Ергович «Род», 2013)	37
П.В. ЙОВАНОВИЧ, Р.И. ЧУТУРА Женщина в военных повестях Антоние Исаковича	39

В.В. КАВЕРИНА	
Буква Ё до и после приказа от 24 декабря 1942 года	41
С. КАДИЧ	
Вторая мировая война в современном хорватском политическом дискурсе	43
З.И. КАРЦЕВА	
Пороховые будни войны в болгарской прозе («Пороховой букварь» Йордана Радичкова)	45
С.Д. КНЕЖЕВИЧ	
Сербское восстание в поэзии Филиппа Вишнич и прозе Бранко Чопича	47
М.С. КНЕЖЕВИЧ	
Вторая мировая война в сербской литературе	49
Е.Н. КОВТУН	
Мировая война в прогнозах чешских фантастов (Карел Чапек, Ян Вайсс, Иржи Гауссманн)	52
Б. КОСАНОВИЧ	
Лермонтовские темы и мотивы в военной прозе Михаило Лалича	54
М.Ю. КОТОВА	
Стилистика военной темы в прозе Йозефа Шкворецкого	54
О.В. ЛАПШИНА	
Вторая мировая война в судьбе Георгия Эфрона (по дневникам и письмам)	56
Э. ЛЬЯЙИЧ	
Трагизм войны (рассказ Ч. Сиярича «Женщина в ночи»)	58
А.Д. МАГЛИЙ	
Военная лирика «двадцатилетних» поколения «времени бурь» (К. Бачинский, Т. Гайцы, А. Тшебинский)	59
О.А. МЕЩЕРЯКОВА, Н.В. ШЕСТЕРКИНА	
Поэтика стихотворения В.И. Лебедева-Кумача «Священная война»	61
В.Г. МОИСЕЕВА	
Военные рассказы В.П. Некрасова 1950-х – 1960-х годов	63
О.В. МЯКШЕВА	
Воспоминания о Второй мировой войне в устных и письменных текстах одного автора	65
В.О. НЕЧАЕВСКИЙ	
Влияние событий Второй мировой войны на изменение и унификацию польской военной терминологии	66
А.С. НОВИКОВА	
Живые помощи. Из воспоминаний о войне проф. В.К. Журавлева (03.07.1922–12.02.2010)	68
Л. ПИСАРЕК	
Вторая мировая война в «Польско-русском словаре переводных пар» („Polsko-rosyjski słownik par przekładowych”, Opole 2014)	70
И.Г. РОДИОНОВА	
Особенности газетного дискурса в годы Великой Отечественной войны (на материале пензенской региональной газеты «Сталинское знамя»)	71
О.В. РОЗИНСКАЯ	
Война глазами очевидца. О «Дневниках военных лет» Зофьи Налковской	73
Д. РОТТ	
Изображение Варшавского восстания 1944 года в современной массовой культуре	74

А. СЕЛИМОВИЧ Способы воссоздания женской идентичности в романе Иво Андрича «Барышня» и в поэме Скендера Куленовича «Стоянка, мать из Кнежеполя»	76
Е.Р. СКВАЙРС Средневековые немецкие документы по русской истории: о послевоенном состоянии источниковедческой базы	77
Н.Н. СТАРИКОВА Тема Второй мировой войны и ее последствий в творчестве словенских писателей-эмигрантов	79
Н.А. СТАРОДУБЦЕВА Средства выражения экспрессии в воспоминаниях жителей Волгоградской области о войне	80
Е.В. СУРОВЦЕВА «Зося»: Ф.Ф. Торнау и В.О. Богомолов	82
С.З. ТАНАСИЧ Язык и юмор в романе «Случаи из жизни Николетины Бурсача» Бранко Чопича	83
Н.А. ТУПИКОВА Лингвостилистические средства формирования информационного поля хроникальных сообщений о нефронтовой жизни в «Сталинградской правде» военного времени	84
М.В. ТУРИЛОВА Представления о <i>победе</i> о данным русского языка и диалектов	86
Е.В. ФЕДЮКИНА Динамика конфессионально-языковой ситуации в Польше в результате переселенческой акции «Висла»	88
Ч. ХАНИФЕ Взаимодействие концепта «война» с другими концептами в русских пословицах и поговорках времен Второй мировой войны	90
А.Л. ХОРОШКЕВИЧ Детство и отрочество в годы Великой Отечественной (заметки историка об автобиографической отечественной литературе)	91
З.К. ШАНОВА Болгарский язык после Второй мировой войны	96
И.А. ШЕЛКОВА Имена собственные в романе Б.Л. Васильева «В списках не значился»	98
А.Г. ШЕШКЕН Тема Второй мировой войны в македонской литературе (1945–2010-е гг.)	100
Л.Ф. ШИРОКОВА Жанровое многообразие словацкой прозы о войне в динамике литературного развития (вторая половина XX – начало XXI в.)	101
И.Е. ЮДИНА Функционирование лексико-семантических разрядов обстоятельств в информационных заметках о Великой Отечественной войне	103

ПОВЕСТВОВАНИЕ КАК АУТОПСИХОТЕРАПИЯ: ПОЛЬСКАЯ ПРОЗА «ДЕТЕЙ ВЫЖИВШИХ»

Военная тема, одна из центральных для польской литературы второй половины XX в., в XXI не утратила ни актуальности, ни художественного потенциала. Причиной тому, в частности, – длительное замалчивание ряда вопросов, в первую очередь, – проблемы Холокоста в контексте польской истории. О войне и ее последствиях начинают писать и представители следующих поколений, не пережившие ее сами, т.е. литература запечатлевает работу пост-памяти, опирающейся не на реальные воспоминания, а на воображение, эмпатию, чувство долга.

Середина 2000-х гг. – момент, когда возникает потребность высказаться у детей тех, кто уцелел во время Холокоста – Э. Курьлюк («Гольди. Апология звероватости», 2004; «Фраскати. Апология топографии», 2009), А. Тушиньской («Семейная история страха», 2005; «Упражнения по утрате», 2007), Б. Кефф («Произведение о Матери и Отчизне», 2008), М. Тулли («Итальянские шпильки», 2012; «Шум», 2014); выходит также книга бесед М. Гринберга с подобными ему представителями так называемого «второго поколения детей Холокоста» («Я обвиняю Освенцим. Семейные повести», 2014). Все эти тексты повествуют о *наследовании* травмы Холокоста. Именно второму поколению пришлось в своей личной повседневности столкнуться с проблемой непостижимости, невыразимости и, по сути, непереживаемости Освенцима.

В докладе рассматриваются приемы, используемые в автобиографических текстах разной степени художественности и документальности (от мемуарно-эссеистских книг Тушиньской и Курьлюк до гротескной оратории Кефф, обращающейся к различным стилям, культурным кодам, системе масок и пр.), с помощью которых авторы совершают попытку преодолеть травму, унаследованную от переживших Холокост матерей.

Сверхзадачей повествования второго поколения детей Холокоста оказывается переработка посттравматического опыта, которая включает в себя разные аспекты и уровни. Это встраивание себя в семью, род, и одновременно семьи, рода – в свое сознание. Повествование, заполняющее «белые пятна», дает иллюзию восстановления утраченных звеньев цепи, сломанных ветвей генеалогического древа. Это и чувство долга перед жертвами: потребность оставить о них память, с одной стороны, и стремление очистить *их* память от клейма стыда и страха, с другой. Наконец, это работа с собственно симбиотической травмой, потребность найти в себе силы простить. Прощение

становится возможным благодаря не просто пониманию, но эмпатическому *воспроизведению* в повествовании тех моментов в опыте матери, которые сделали ее такой, какой ее знала дочь. Текст Кефф, кроме того, – свидетельство борьбы за собственную идентичность и собственную историю, против шантажирования этосом жертвы. Преодолеть травму в этом случае помогает дегероизация и деконструкция (многоголосие, использование кодов-масок и пр.). Авторы также неизбежно повествуют о травмированном послевоенном польском обществе, демонстрируют универсальный механизм воспроизведения насилия, порождающего или самоощущение жертвы, или потребность сделать жертвой другого – механизм, действующий и на уровне государственной политики, и в повседневной жизни.

Таким образом, тексты второго поколения детей Холокоста – акт своеобразной аутопсихотерапии. Неслучайно многие из представителей второго поколения детей Холокоста становились художниками, писателями, психоаналитиками. Это объясняется потребностью в диалоге, которого многие из них были лишены, поскольку родители оказались к нему неспособны. Повествование в этом случае становится и инструментом, и результатом осмысления межпоколенческой травмы.

Н.Е. АНАНЬЕВА

(МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА)

ПОЛОНИЗМЫ И ПОЛЬСКИЕ РЕАЛИИ В ВОЕННЫХ СТИХАХ ДАВИДА САМОЙЛОВА

Польша занимает особое место в творчестве Д. Самойлова (1920–1990), особенно в его стихах военного периода и посвященных войне. Можно сказать, что у поэта представлен целый цикл стихов о Польше. Участник Второй мировой войны, «польских смут невольный современник» очарован этой страной и объясняется ей в любви в одном из стихотворений, называя ряд реалий, связанных с Польшей, и своего рода стереотипов (в частности, прекрасной и коварной «полячки»):

Как странны польские эмблемы:
Седой орёл или *сирены*,
Картавой готики *орган*,
Старинной Венгрии кафтан, (т.е. кунтуш – Н.А.)
Мазурка или *краковячек*
И воркование полячек –
Коварных, мстительных, разумных, –
Но кто прекрасней, чем они,
.....
О, если не было бы Польши,
Её придумали бы после,
Потом, уже придя с войны, –
То краткое очарованье,

То женственное обаянье –
Война и молодые сны¹.

Стихотворение «1939-й» посвящено началу войны. В нём описывается польский «молодой офицерик с улыбкой и розой в зубах», идущий с полком «на последний, последний / Последний, последний парад»². Собственный военный опыт отражён в стихах 1944-го года и других: «1944-й», «Дом на Седлецком шоссе», «Рубеж». Польские реалии представлены топонимами: астионимы *Мендзыжец*, *Седлиц* – польск. *Siedlce* (хотя в дромониме правильное *e* – Седлецкое шоссе), гидронимы *Висла* и *Буг*, отгидронимическое прилагательное *привисленский*. В ономастическое пространство включены также антропонимы, в том числе прецедентные (Сырокомля, Мицкевич). Ср. также номинации персонажей стихотворения «1944-й»: *Марыля Адамовичувна*, *Станислав Адамович*. Из нарицательной лексики шире всего представлены наименования лиц (*пан*, *панна*, *жолнеж* «солдат», *детско* «ребёнок»). Неясна дважды повторенная в стихотворении «Дом на Седлецком шоссе» форма *кохано* («Моё детско, спи кохано»)³, если это прилагательное, то должно быть *коханэ* (польск. *kochane*), если существительное, то *кохане* (польск. *kochanie*). В стихотворении «Дворик Мицкевича» латиницей представлена пять раз повторенная цитата из вступления к поэме «Пан Тадеуш», причём трижды с отсутствующим у Мицкевича междометием «О», эмоционально усиливающим обращение, один раз без междометия и один раз с опущенным «Litwo» и подчёркиванием тем самым дважды повторенного слова «Ojczyzno» (Родина), обозначающего существенное при этой модификации не столько для Мицкевича, сколько для воина-поэта понятие родины:

Здесь жил Мицкевич. Как молитва
Звучит пленительное: *Litwo*,
Ojczyzno moja. Словно море
Накатывается: *O, Litwo*,
Ojczyzno moja.
Квадратный дворик. Монолитно,
Как шаг в забое,
Звучит звенящее: *O, Litwo*,
Ojczyzno moja!
И как любовь, как укоризна,
Как признак боли,
Звучит печальное: *Ojczyzno*,
Ojczyzno moja.

.....
Он слышал зароженье ритма.
Еще глухое,
Еще далекое: *O, Litwo*,
*Ojczyzno moja!*⁴

Примечания

¹ Самойлов Д. Обычные слова. М., 2000. С.52.

² Самойлов Д. Мне выпало всё... М., 2000. С.184.

³ Там же. С.21.

⁴ Самойлов Д. Обычные слова. М., 2000. С. 88.

А.Ф. БАЛАШОВА

(КОЛЛЕДЖ «ЦАРИЦЫНО», МОСКВА)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧУДЕ В НАРРАТИВАХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В фольклоре, как и в человеческой жизни, важной оказывается категория *чудесного* – выходящего за рамки естественного в нашем понимании течения события; нередко воспринимаемого как синоним *фантастического*. Согласно определению В.И. Даля, *чудо* – «всякое явление, кое мы не умеем объяснить, по известным нам законам природы»¹.

В докладе на примере устных рассказов о Великой Отечественной войне рассматривается категория чуда как проявление неожиданной помощи из реального мира и как помощь, оказанная силами из иного мира. Таковыми оказывается помощь предков или предопределенность судьбы (языческая схема); помощь христианских святых или артефактов (православная схема). Во многих текстах появляется чудесный помощник (как правило, в образе пожилого человека), выводящий на правильную дорогу, спасающий от преследования, дающий кров и еду.

Актуальность изучения подобных текстов связана с вопросами мировоззренческого характера, неотделимых от представления о нормах поведения, когда помощь свыше расценивается как благодарность за достойное поведение, смелость, спасение товарищей; а также как шанс начать новую жизнь – с другими приоритетами и иной системой ценностей.

Источниками послужили тексты из личного архива, сделанные во время фольклорных и диалектологических экспедиций филологического факультета МГУ записи, материалы из сборников устных рассказов, яркие примеры из периодических изданий и тематических подборок семейных преданий из соцсети. Во всех рассмотренных текстах выделена фольклорная составляющая. Совмещение различных источников правомерно, так как отмечены именно характерные для фольклора сюжеты и мотивы, отражающие понимание чудесного спасения.

Понятие «чудо» в воспоминаниях о Второй мировой войне является значимым, что связано с постоянной близостью смертельной опасности. В рамках данной категории следует выделить два аспекта (интерпретация респондентом событий связана с одним из них). Во-пер-

вых, как чудо трактуются события, которые предполагают **неожиданную, но реальную помощь**, когда рассказчик не надеялся на спасение, а оно приходит от тех, от кого и должно прийти. Во-вторых, «чудо» приходит **из иного мира**, самим фактом своего явления показывая его наличие. Здесь существуют два варианта: помощь предков или предопределенность судьбы (языческая схема); помощь христианских святых или артефактов (православная схема).

Спасение приходило **из реального** мира, когда люди теряли надежду выжить. Чудом стала победа советского народа. **Спасение людьми** происходило **благодаря**: а) советским войскам; б) героизму людей, в т.ч. незнакомых; в) помощи знакомого человека.

Спасение являлось и **от животных**. Так, обученные собаки вытаскивали людей из завалов.

Чудом считают, когда **нужный человек оказывается в нужное время в нужном месте**. Профессионализм врачей и представителей других профессий спасает. К **помощи небесных сил** относится представление о том, что святой человек сам себя спасает, утверждая веру в чудо.

Согласно картине мира советского человека в военные годы, «конец света равнозначен поражению в войне и потому немислим. «Иной мир» располагается в стане врага, пограничье обозначается как передовая. Земля населена людьми и нелюдьми – врагами-фашистами. Человеческие отношения строятся по военному уставу и подчинены командам»², что, как правило, совпадает с нравственными приоритетами. Поэтому чудесным мыслится как сам факт выживания в условиях ада, так и воля случая, судьбы. Несмотря на провозглашённый атеизм и работу политруков, чаще всего чудо связывается в народном сознании с традиционными религиозными представлениями.

Примечания

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., СПб, 1882. С. 630.

² Самоделова Е.А. Фольклор Великой Отечественной войны // «Идёт война народная...»: литература Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 2005. С. 319–320.

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ О ВОЙНЕ
(К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОЙ БАЗЕ ДАННЫХ
НА ОСНОВЕ ПСКОВСКОГО ДИАЛЕКТНОГО
И ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АРХИВА)**

Коллекция псковских архивных материалов, посвященных военной теме, включает небольшое количество песен, как правило, вторичных, созданных на мелодии городских романсов, гораздо большее число частушек и устные рассказы, составляющие основу корпуса текстов. Несмотря на то, что сбор рассказов на военную тему находится в русле давней фольклорной традиции¹, псковские фольклористы, как и диалектологи, не занимались специально собиранием информации на тему о Великой Отечественной войне, мало отличаюсь в этом отношении от полевых исследователей других мест: «В те годы рассказы о прошлом, о жизни и войне почти не записывали. [...] Устные рассказы в лучшем случае считались “периферийным” жанром фольклора. Рассказы о прошлом, воспоминания о жизни были лишь контекстом, из которого изымались “собственно фольклорные жанры”. К тому же времена были трудные, технически малообеспеченные: каждой паре студентов выдавалось всего три-четыре аудиокассеты, их старались заполнить сказками и песнями»². Однако, как показывает многолетний опыт общения диалектологов и фольклористов с псковскими диалектоносителями, особенно старшего поколения, воспоминания о войне занимают большое место в коллективном сознании жителей псковских деревень. Тема войны постоянно возникает в экспедиционных беседах как одна из наиболее важных, особенно для пожилых информантов 1970-80-х – начала 1990-х гг.

Великая Отечественная война – сложный период в жизни людей XX века. Псковская область была оккупирована в течение трех лет (с июля 1941 г. по июль 1944 г.). Здесь велись бои, люди, в основном женщины и дети, жили в постоянном страхе от бомбежек и обстрелов, молодежь массово увозилась в соседнюю Прибалтику и в Германию. Из выделенных фольклористами тематических групп: «рассказы фронтовиков, партизан, жителей освобожденных от фашистской оккупации территорий»³ – в псковском материале представлена в основном третья группа; специфику пограничной области составляют рассказы бывших «остарбайтеров», узников концлагерей. Тексты о войне, особенно мемуарные воспоминания, пронзительны по своей правдивости. Достоверность фактических сведений усиливается благодаря живому языку, на котором «звучат» рассказы. Все записи – это невыдуманные исто-

рии очевидцев, рассказанные простым языком, без каких-либо художественных изысков, нередко с самоперебивами, отступлениями и повторами либо, наоборот, с пропусками, паузами и другими свойствами, характерными для живой спонтанной устной речи. Разговорная диалектная речь содержит яркие местные псковские черты, проявляющиеся на всех уровнях – в фонетике, лексике, грамматике. Все это заставляет по-особому отнестись к собранному материалу.

В 2010 г. был опубликован сборник текстов, созданный на основе материалов фольклорного архива и содержащий рассказы псковских сельских жителей, в основном женщин, о событиях войны, записанных псковскими фольклористами в период с 1977 г. по 2009 г. в разных районах Псковской области⁴. Тогда же была начата работа по созданию электронной базы данных «Устные рассказы о Великой Отечественной войне», получившей в 2012 г. свидетельство о государственной регистрации (№ 2012620528). За прошедшие после этого годы содержание базы было дополнено новыми материалами нарративного характера, расширен жанровый состав текстов за счет песен и частушек о войне. Но самое главное – оцифрованный аудиоархив дал возможность подготовить новый сборник с аудиоприложением, материалы которого размещаются на сайте «Язык и культура в коммуникативном пространстве Псковщины».

Примечания

¹ Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия / Составитель В.Н. Морохин. Учебное пособие для филологических специальностей университетов. М., 1977.

² Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев. М., 2010. С. 142-143.

³ Русский фольклор Великой Отечественной войны / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1964. С. 198.

⁴ Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи: Сборник текстов о Великой Отечественной войне из фольклорного архива лаборатории ПГПУ / Редактор-составитель Н.В. Большакова, составитель Н.Г. Савина. Псков, 2010.

З.И. БОРАНБАЕВА

*(КАЗАХСКАЯ АВТОМОБИЛЬНО-ДОРОЖНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Л.Б. ГОНЧАРОВА, АЛМАТЫ)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО «Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ...»

Стихотворение А. Твардовского «Я убит подо Ржевом...» имеет особое значение не только в его творчестве, но и во всей послевоенной русской литературе в целом. Оно было написано поэтом в конце 1945 – начале 1946 г. Как известно, ржевская операция, начавшаяся 8 января

1942 г., закончилась 31 марта 1943 г. т.е. длилась 15 месяцев. Эта битва, как пишет российский политолог Г. Бовт, «советской историографией умышленно делилась на несколько операций и никогда особо не выпячивалась: уж слишком кровавой была та мясорубка, когда порой советские войска должны были бороться не только с врагом, но и с голодом в собственных рядах, когда приходилось есть лошадей и подбирать гниль на брошенных полях. Уж слишком очевидны были некоторые явные просчеты Верховного Главнокомандующего. Так возникли мифы о «локальных боях местного значения», за которым скрывалась многомесячная бойня»¹. Битва под Ржевом явилась не только самой трагической страницей в истории Великой Отечественной войны, но и стала самой кровавой битвой за всю историю человечества. К. Симонов назвал эту битву «Долиной смерти», «ржевской мясорубкой». Свидетельствуют, что это был самый настоящий ад на земле: «даже через 40 лет говорили, что на территории Тверской и Псковской областей все ещё имеются незахороненные останки погибших в этой “Долине смерти” солдат»². Как писал В. Кожин, «без противоборства под Ржевом иначе сложилась бы и ситуация под Сталинградом [...]. Танковые дивизии врага потеряли во время тогдашних боев под Ржевом более 80 % машин и не годились для переброски в направлении Сталинграда и Кавказа»³.

Книга фашистского генерала Х. Гроссмана так и называлась «Ржев – краеугольный камень Восточного фронта». Он писал, что в ходе боев под Ржевом возникали «очень опасные моменты, которые смогли устранить только благодаря доставке трех танковых и еще большего числа пехотных дивизий, предназначенных для военных действий...»⁴. Огромные потери были и в советской армии: «Официальные источники называют 362 тысячи 644 человек, санитарные – 746 тысяч 485 человек (всего 1 млн 109 тыс 149 человек)»⁵. В битве под Ржевом, пишет С. Баймухаметов, сражались и казахстанцы, шесть или семь соединений. В том числе, сотая и сто первая национальные казахские стрелковые дивизии, сформированные в Алматы и Актюбинске⁶. Полковник КГБ К.Абенев в своей книге «Операция “Марс”. Казахи в “Долине смерти”» пишет: «Их задача заключалась в том, чтобы исключить угрозу наступления гитлеровцев на Москву и сковывать значительные силы врага с целью недопущения их под Сталинград»⁷. Автор подчеркивает, что Сталинградская битва и бои под Ржевом «заложили основы начала изгнания гитлеровцев с нашей территории, основы будущей реконструкции мира»⁸. В этой «ржевской мясорубке» погибли до 80 % казахов-сарбазов. Они «были принесены в жертву войне, значит победе, ибо в этом огненном аду почти не суждено было выжить»⁹. В Псковской области похоронены юные Маншук Маметова и Алия Молдагулова, два Героя Советского Союза, гордость казахского народа. Этой трагической странице в истории Великой Отечественной войны А. Твардовский посвятил стихотворение «Я убит подо Ржевом...».

Прототипом лирического героя стихотворения стал солдат Владимир Бросалов, мать которого получила похоронку. Но впоследствии выяснилось, что боец жив и находится в госпитале имени Н.Н. Бурденко. Мать красноармейца В. Бросалова показала А. Твардовскому похоронку и рассказала эту историю. Поэт сказал, что обязательно напишет стихотворение о боях под Ржевом. Известно, что А. Твардовский ездил под Ржев осенью 1942 г. Он писал: «Впечатления этой поездки были за всю войну одними из самых удручающих и горьких до физической боли в сердце. Бои шли тяжелые, потери были очень большие, боеприпасов было в обрез [...]. Форма первого лица в “Я убит подо Ржевом...” показала мне наиболее соответственной идеи единства живых и павших ради жизни на земле»¹⁰. Лирический герой стихотворения рассказывает о себе, говорит об обстоятельствах своей гибели:

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете...

Он перечисляет важнейшие этапы войны, которые «срослись» с его жизнью и жизнью миллионов людей: средний Дон, Волга, Москва, пределы Европы... Больше всего он переживает о том, что не может больше воевать; но у погибших есть «отрада одна»:

Мы за Родину пали,
Но она спасена...¹¹

Примечания

¹ Бовт Г. Сталину присвоили маршала не за Сталинград, а за ржевскую мясорубку // «Комсомольская правда». Казахстан, 2013, 26 марта. С. 6.

² Абенов К. Операция «Марс». Казахи в «Долине Смерти». Алматы, 2010. С. 17.

³ Кожин В. Великая война России. М., 2006. С. 151.

⁴ Гроссман Х. Ржев - краеугольный камень Восточного фронта. Ржев, 1996. С. 86.

⁵ Бовт Г. Указ. соч. С. 6.

⁶ Баймухаметов С. Восточнее Крюкова карты для нас нет. История далекая и близкая // «Русский базар». Русская газета в Нью-Йорке, № 43 (810). С. 15.

⁷ Абенов К. Указ. соч. С. 15.

⁸ Там же. С. 53.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Твардовский А. О стихотворении «Я убит подо Ржевом...» // Статьи и заметки о литературе. М., 1972. С.207–208.

¹¹ Твардовский А. Избранное. М., 1957, С.188.

**СТИХИ НЕ «ПО СЛУЧАЮ», А ПО ЗОВУ ДУШИ: ЧЕШСКАЯ
ПОЭЗИЯ О РАТНОМ ПОДВИГЕ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА
(К ПРОБЛЕМЕ РЕВИЗИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)**

Многие выдающиеся поэтические произведения, создававшиеся во время и сразу же после войны в славянских странах, страдавших от гитлеровского нашествия, вошли в историю литературы XX в. Объективно сопротивляясь фальсификации итогов и хода Второй мировой в процессе ее ревизии, они сами подвергаются пересмотру, превращающему достижения родной культуры в нечто третьестепенное, а произведения, которыми можно гордиться, в те, которые лучше забыть. Все они связаны с темой благодарности СССР и советскому солдату за освобождение своих стран от немецко-фашистской оккупации. Очевидно, что здесь задействована политика, – падение рейтинга идеологии Советского государства, массовые разочарования в том строе, который устанавливался после Второй мировой войны в странах советской сферы влияния. Все это косвенно задевало (задевает) и произведения, создававшиеся по горячим следам событий во славу советского оружия.

Однако противоречия и трудности послевоенной ситуации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где устанавливались тоталитарные режимы советского образца, не умаляют роли СССР в разгроме Третьего рейха, в спасении мира от коричневой чумы, грозившей гибелью современной цивилизации, базирующейся при всех своих издержках на гуманистической основе.

Нередко приходится слышать, что «наша победа нуждается в защите». В первую очередь, в этом нуждаются наши солдаты. Их горячей защитницей выступает славянская, в том числе чешская поэзия военных лет, которой посвящен доклад. Вопросы современной историографии, кем же были советские воины, отвоевывавшие у вражеской силы захваченные ею земли и устанавливая там просоветские режимы, – оккупантами или освободителями, – у поэтов не возникали. В поэмах и стихах Ф. Грубина («Сталинград», «Пражский май» – сб. «Хлеб со сталью», 1945), В. Голана («Благодарность Советскому Союзу», 1945; «Красноармейцы», 1947), Ф. Галаса («Баррикада», 1945) В. Завады («Солнце с Востока», 1946) и др. вставал образ Армии-освободительницы. В этих произведениях преобладала не патетика, а лиризм. Наряду с сакрализацией русских воинов на основе самых общих, былинных представлений, утверждались и вполне земные образы советских солдат, отражавшие личный опыт общения автора с ними. Здесь особенно показателен стихотворный цикл В. Голана «Красноармейцы» – галерея сло-

весных портретов тех, с кем познакомился и подружился поэт сразу же после освобождения.

Подобные произведения не просто явления искусства, но и важный источник информации об атмосфере и настроениях военных и первых послевоенных лет, это документы эпохи, которыми нельзя пренебрегать. Их нельзя отредактировать или переписать в угоду новым веяниям или политической конъюнктуре. Обоснование документальной ценности непосредственных свидетельств событий, по сравнению с их позднейшими ретроспективными оценками, дают зарубежные специалисты по нарратологии, теории повествования (Л. Долежел и др.). Реконструкция (ревизия) истории далеко не всегда способствует воссозданию более правдивого образа прошлого. Одно дело, когда в этом участвуют новые, накопленные беспристрастной наукой знания, другое дело, когда «новые знания» подменяются «незнанием», субъективизмом, заблуждениями или сознательным искажением фактов. На этом фоне не меркнет, а лишь проясняется с годами значение непосредственной реакции на события военных лет, отразившейся в поэзии того времени.

Адекватность восприятия красноармейца, советского воина как освободителя, а не оккупанта, подтверждают и цветы на могиле неизвестного солдата в Александровском саду у Кремлевской стены. Особенно много их было 9 мая 2015 г., когда поклониться победителю, не дожившему до Победы, пришли не только сограждане, но и главы многих зарубежных стран. Неоднозначное отношение к нашему отечеству не мешает здравомыслящим людям признать его решающую роль в защите мира от того абсолютного зла, каким являются теории и практика фашизма.

Г.М. ВАСИЛЬЕВА

*(НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ)*

«ФАУСТ» В МИЛИТАРНОМ ДИСКУРСЕ ПАУЛЯ ЦЕЛАНА

Целан говорил о себе, что, в сущности, является русским поэтом. Иногда он подписывался «Павел Львович Целан»¹. Поэт полагал, что за всеми конкретными языками скрывается один универсальный язык. Он сравнивал себя с Петронием, вскрывшим вены по приказу императора, с Гёте, Пушкиным. Цитирование в творчестве Целана имеет литературную и юридическую коннотации. Оригинал существует в цитате, текст – в новых контекстах истолкования и перевода. Прошлое превращается в этически значимый прецедент, в источник права, в основание для предъявления иска о высшей милости. «Фауст» Гёте становится одним из гарантов распознавания необратимых изменений тканей

организма, социальных тканей события. Трагедия немецкого писателя сохраняет целостную прикосновенность к мерилу истины.

Технологии уничтожения жизни устраняют саму возможность выбора. В мире тотальной необходимости возникает тирания буквальных значений. Гетто, плен – предельный случай деметафоризации всех смыслов. В лагере – под предлогом правил гигиены – человека возвращали миру нагим и налысо остриженным. В стихотворении «Мир, этот мир...» («Die Welt, Welt») Целан пишет: «ich, ich, / bei dir, dir, Kahl – / geschorne» («я, я, / с тобой, тобой, налысо / остриженная»)². Исчезает пространство для тропов и поэтического переосмысления. На лицо фатальная блокированность: символическое тело атрофируется, метафоры истощаются и умирают. Ритуалы утрачивают свою культуuroобразующую сложность.

Целан создает тревожные, двусмысленные тексты. Они населены призраками Холокоста, образами радикальной деструкции, уничтожения справедливости. Восстанавливая себя, поэт стремится вернуть тропы. С их помощью можно отступить от буквального значения насильственной смерти. В стихотворении «Глаз времени» («Auge der Zeit») Целан замечает: «[...] und die Toten / knospen und blühen» («[...] и мертвые / распускаются и расцветают») (I, S. 127). Голоса мертвых вплетены в его голос. Метафорический язык превращается в язык истории, который, в свою очередь, является средой памяти. Целан понимает свою работу как историческую, и это отражается на качестве слов. Поэт искажает их ясность и прямоту, прибегает к автодеформации слов – до границы крипторедукции (безъязычия). «Выкогтившееся» («bekrallter») слово «процарапывается» изнутри поэта (II, S. 323). Он чертит «миметическим когтем Фауста-патрона!» («mit mimetischer Panzerfaustklaue!») (I, S. 278). Целан называет себя тем, «кто выталкивает из себя когтистого праякута Пушкина»³. Ключ к прочтению спрятан в лабиринте иносказаний. «Этот / вольный, / ускоряющий горечь / Фауст (он прокладывает себе путь): / так / знаю / желает он быть, / как то, что тебе сияет, / когда ты, паря, / начинаешь, / расшифровывать, / с закушенной / губой, проникнутый / сном, выходящим из пор моих / пред громким сплошным / Ты-знаешь-и-ты знаешь» (III, S. 137).

Исследователи отмечали, что Целан строил свои произведения, опираясь на законы сочетания голосов в музыкальных произведениях, как, например, в «Фуге смерти» («Todesfuge»). «В доме живет человек который играет со змеями / который пишет когда стемнеет в Германию золотые волосы твои Маргарита» (I, S. 41). Образ Маргариты звучит диссонансом триумфальному тону милитаристского мужского шовинизма. Слезы уже не принадлежат одной героине, но Веронике, Беренике II, Суламифи: как в средневековой аллегории о семи возрастах

женщины. Гибель близких, пленение, мольба у ног победителя становятся этапами судьбы человека.

Примечания

¹ Целан П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 2008. С. 716.

² Celan P. Gesammelte Werke: in 5 Bd. Frankfurt am Main, 1992. Bd. 3. S. 119. Переводы автора тезисов – Г.В. Далее в тексте указаны том и страница.

³ Целан П. Указ. соч. С. 621.

Л. ВЕСКОВИЧ

(САРАЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БИГ)

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ РОМАНА МИХАИЛО ЛАЛИЧА «ЛЕЛЕЙСКАЯ ГОРА»

В докладе будет сделана попытка предложить альтернативный вариант прочтения романа М. Лалича «Лелейская гора» с точки зрения нового историзма и культурного материализма. Сам текст произведения не подтверждает ранее распространенную его интерпретацию как иллюстрацию политической легитимности Национально-освободительной войны в Югославии, скорее, о нем можно говорить как о диссидентском произведении. В то же время это экзистенциальный роман, так как он рассматривает универсальные идеи тревоги, отчуждения, бунта и взаимодействия, связанные с экзистенциальной прозой. В жанре экзистенциальных романов Лалич проявляет себя новатором, исследуя возможность анархического бунта и достижения космического миропорядка. Поднятые в романе проблемы борьбы за свободу личности и общества стилистически связывают его с традицией героического эпоса, которая способствовала зарождению культа борьбы за либертарные идеалы. В докладе будут также рассмотрены образы женщины и романтической любви, воплощающие гуманистические идеалы абсолютной свободы человека от биологического, социального и космического порядка.

И.А. ГЕРЧИКОВА

(ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТРАНЫ В 1945 Г. В ЧЕШСКОЙ ПРОЗЕ

Сегодняшняя Чешская республика – один из последних регионов Европы, освобожденных весной 1945 г. от нацистской оккупации. Причины этого были как чисто военными, так и политическими. Еще до вступления советских войск в Прагу решалось, каким будет полити-

ческое развитие страны в ближайшие годы. Сразу после изгнания нацистов совершаются действия, приведшие к коммунистическому перевороту февраля 1948 г. Но несмотря на все то, что последовало далее, освобождение от фашизма – одно из самых значительных, светлых событий в истории Чехии и Словакии.

Помимо истории, интерпретирующей по-разному события, есть и литература, отразившая в особом эмоциональном свете тему освобождения. Три этапа освещения темы освобождения Чехословакии советской армией.

Литература конца 1940-х – начала 50-х гг., воздавшая дань уважения советскому воину и воплотившая исключительно позитивный образ освободителя. Ф. Грубин, В. Голан, В. Воклек, Я. Заградничек. «Песня великой весны» (1953) – симптоматичный поэтический сборник Иво Флайшмана.

Проза первых послевоенных лет об освободительной миссии Советского Союза. Рассказы Яна Дрды. «Немая баррикада» (1946) – патетика, героические образы освободителей, лишённые индивидуальности. Повести Марии Пуймановой «Игра с огнем» и «Жизнь против смерти» – гимн уважения «великой стране», с которой связаны и благодарность, и мечты о будущем. Повесть Честмира Ержабека «Кому-то жизнь, кому-то смерть». Уважительное отношение к «старшему брату», представление о двух мирах, бесчеловечного фашизма и светлого коммунистического будущего.

Приход психологизма в литературу о войне. Индивидуализированный образ советского солдата в повестях Людвика Ашкенази (1921–1986). Проза Яна Отченашека, Иржи Марека, драмы Франтишека Тетауэра. Социальная типизация.

Репрессии и появление антисоветских настроений в общественном сознании чехов во второй половине 1950-х гг. Представление образа советского человека и освобождения страны в негативном свете. Роман Йозефа Шкворецкого «Малодушные» (1958). Открыто враждебное отношение к СССР, борьба с догматизмом, цензурой и механическим переносом советского опыта. «Письма из тюрьмы пропавшему без вести» Карела Пецки как отождествление фашизма и коммунизма, образ советского военного как врага.

1968 г. – рубеж в отношении к СССР, пересмотр истории и идеологическая борьба в литературе. Выставка в Праге 2008 г. «1945 Освобождение... 1968 Оккупация». Новая волна дискуссий в связи с 70-летием Победы над фашизмом. Ян Немечек versus Адриан Портман. 1945 год, принесший освобождение и одновременно новую несвободу. Термин «onesvobození».

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВАКИЗМОВ В НОВЕЛЛЕ ОЛЕСЯ ГОНЧАРА «МОДРЫ КАМЕНЬ»

События дней Великой Отечественной войны отражены во многих произведениях выдающегося представителя украинской литературы XX века – Олесь Терентьевича Гончара. Огромное творческое наследие автора, прошедшего дорогами войны, характеризует его прежде всего как патриота, оберегавшего и приумножавшего энергию гуманности, доброты, национальной чести и достоинства. В качестве примера лингвистической интерпретации сказанного возьмем его новеллу «Модры Камень»¹.

Напомним фабулу произведения «Модры Камень». Солдат-фронтовик случайно встретился с девушкой Терезой из Словакии. У обоих возникают первые чувства. Но Тереза гибнет от руки полицая. Радость и счастье обрываются вмиг, остался только силуэт чувства, которое так и не успело наполниться высоким содержанием.

Герой все время говорит с Терезой. Он вспоминает каждый шаг, каждый взгляд и движение девушки с Рудных гор, которая говорила языком, таким близким и понятным рожденному по эту сторону Карпат. Словацкие слова в речи Терезы придают ее образу естественность, ведь словацкий и украинский языки являются родственными. Один из солдат, Илья, войдя в дом, где проживает словацкое семейство, удивленно вслушивается в «напевный словацкий язык» и, услышав в нем родные нотки, в восторге восклицает: «Так мы же дома! – поражённо выкрикивает он. – Я все понимаю». Лингвистически понимание в данном случае – исторически обусловленный феномен, возникший как по причине древних тесных контактов носителей украинского и словацкого языков, так и вследствие их тесного генетического родства.

Ставя перед собой задачу проанализировать элементы словацкого языка в новелле «Модры Камень», мы выделяем около двух десятков словакизмов. Так, наиболее частотная лексема *пан*, использование которой вообще является нормативным для западных славян. У словаков, например, обращение принято строить по формуле «*пан* (рус. *господин*), *панна* (рус. *госпожа*) + фамилия или название человека по профессии / должности» приобретает этическое содержание, значительно расширив свою валентность.

О.Т. Гончар выступает как замечательный знаток словацкого языка. Об этом свидетельствует и следующий факт. В словацком языке украинской лексеме *просимо*, *прошу* со значением ‘пожалуйста’ отвечает формула вежливости *prosim* (в тексте это гостеприимство по отноше-

нию к русским солдатам). Например: хозяйка словацкого жилища спрашивали, когда к ним в окно стучали советские войны: «*Просим, кто вы?*»; Тереза со щедростью предлагала кофе своим гостям: «*Просим, еще одну квартиру, – говорила ты, когда я выпил!*»; «*Просим, господина – не надо, не надо его в усадьбе! Вы будьте, а его не надо*», – умоляла мать не заносить в жилище радио (по тексту «баян»).

В диалогах новеллы используются личные формы словацкого глагола *mat'* (укр. глагол-инфинитив *мати* 'иметь'): – *Я хочу насмотреться на Модры Камень. – Маи там кавалера?* (ср.: укр. диалектный юго-западный вариант *Маши там кавалера?* – рус. литературный перевод: *У тебя есть там кавалер?*). – *Мам.* (Ср.: укр. диалектный юго-западный вариант *Маю.* – рус. *Имею.*).

Словацкая словоформа «видел», транслитерирующая соответствующую темпоральную форму словацкого глагола *vidiet'*. Напр., укр. «*Ми виділи ноги на снігу*» – рус. «*Мы видели следы на снегу*». В украинском и словацком языках функционируют одинаковые древние славянские глаголы с корнем *-вид-/-vid-* (ср. укр. *видіти*, слвц. *vidiet'*, пол. *widzieć*, болг. *виждам*, серб./хорв. *видети* и др.).

Выявляемые в тексте новеллы словацкие лексемы по степени формальной близости соответствующим украинским диалектным можно разделить на две группы: собственно словацкие лексемы: *днесь* (слвц. *dnes* 'сегодня'), *кварта* (слвц. *kvarta* 'четверть, четвертая часть'), *кам* (слвц. *kat* 'куда'), *модры* (слвц. *modrý* 'синий, голубой'), лексемы, которые в словацком и украинском языках отличаются лишь звуковым или морфемным составом: *руски* (слвц. *ruski* 'русские'), *вояк* (слвц. *vojak* 'воин'), *одну* (слвц. *jednu* 'одну').

Писатель нигде не перевел названия новеллы, он ее вложил в саму новеллу: «Далеко внизу, как в подземелье, гремит, не утихая, фронт. Туманные мутные зарева желтеют за Модры Каменем. Модры Камень – это по карте. «Мудрый Камень» называют городок бойцы, ибо долго не можем взять его. Справа и слева от него стоят высоты, как бастионы». В наше время географический объект Модры Камень (слвц. *Modrý Kameň*, венг. *Kékkő*, рус. *Синий Камень*) – городок в центральной Словакии около Велького Кртиша.

Мастерство О.Т. Гончара проявляется и в передаче словацкого ударения, которое является фиксированным и всегда находится на первом слоге: «*Мамку моя! Пан бог видить, кого я виглядаю!*». Да и название растения «нёбовий ключ» автор передает по-словацки. Эти просодические особенности словацкого языка задают определенный ритм предложению. Напр., словаки, в отличие от украинцев, по другим моделям строят предложения, которые содержат возвратные глаголы с компонентами *sa* или *si* наподобие *bat' sa* (укр. *боятся*), *mit' sa* (укр. *митися*) и под.: «*Как вы сия именуєте*», – спрашивает Тереза имя вои-

на. Хотя эта фраза не является точной словацкой (должно бы быть *Ako sa voláte?* – укр. *Як вас звать?*), но именно такое расположение возвратного краткого местоимения *ся* представляет определенное подобие словацкого эквивалента.

Следовательно, О.Т. Гончар наполнил новеллу «Модры Камень» лексическими, фонетическими и синтаксическими элементами словацкого языка, которые наиболее полно помогают передать речь словаков и интересны славистам.

Примечания

¹ Укр. вариант: Гончар О. Модри Камень // Гончар О. Твори в шести томах. К., 1978. Т. 1. С. 463–469; рус. Гончар О. Модры Камень / О. Гончар [пер. с укр. Марички Минисовой] // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/12/08/1132>.

Б. ДЖАН ЭМИР

(КАРАДЕНИЗСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ТУРЦИЯ)

ПСИХОЛОГИЯ ВОЙНЫ И ТЕМА «НЕМЕЦ ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК» НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА «В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ»

Великая Отечественная война была народной трагедией, оставившей неизгладимый след в русской истории. Во время войны литература обогащается разнообразной тематикой и несёт память об этой трагедии в будущее. Особого внимания заслуживает тема психологии солдата на войне. Люди хотят знать, как, при каких условиях и с какими чувствами солдаты берут в руки оружие и убивают людей. В связи с этим примечательны слова Льва Толстого: «Война всегда интересовала меня. Но война не в смысле комбинаций великих полководцев. [...] интересовал меня самый факт войны – убийство. Мне интереснее знать, каким образом и под влиянием какого чувства убил один солдат другого, чем расположение войск при Аустерлицкой или Бородинской битве»¹. Многих писателей, как и Толстого, интересовала психология человека на войне, и многие писатели-фронтовики, прошедшие войну и сформированные опытом войны, отобрали эту психологию на страницах своих произведений. Одним из таких писателей-фронтовиков был Борис Львович Васильев. Борис Васильев добился больших успехов в военной прозе, создавая образы героев, непохожих на привычных для читателя военных героев, и изображая все стороны их психики. В этой связи интересной представляется повесть Васильева «В списках не значился».

В повести «В списках не значился» читатель видит, как мгновенно происходит перемена в человеке, взявшем в руки оружие на войне.

Под угрозой смерти, ранения и плена герои повести переживают новую реальность в прежде неизвестном для них мире. Вдруг оказавшись на войне, эти люди терпят её невзгоды, не могут понять её причин, не могут её принять. Их угнетает страх смерти, что ещё более усугубляет их положение. Страх смерти – самое тяжёлое умственное бремя солдат на войне. Он ярко проявляется в чувствах лейтенанта Плужникова, когда тот в начале войны попадает в руки немецкого солдата. *«Он кричал тонко, визгливо, а немец, улыбаясь мертвой улыбкой, всё волок его к себе и волок, и Плужников вдруг с поразительной ясностью понял, что это – смерть, и сразу вспотел, и продолжал визжать, а немец всё тащил его и тащил, медленно и неуклонно, как во сне. И совсем как во сне, у Плужникова не было сил, а был только липкий, чёрный, лишающий рассудка страх»*.² По свидетельству военных психиатров, у четверти солдат на Великой Отечественной войне бывали приступы рвоты, вызванные страхом смерти³. Это подтверждается в повести состоянием Плужникова, когда ему удаётся спастись от немца. *«Плужников сидел у стены, с трудом приходя в себя. Ломило голову, тошнота волнами подступала к горлу, и он всё время глотал, а слюны не было, и сухие колючие спазмы сжимали гортань. Он понимал, что бой закончился, что сам он уцелел и, кажется, даже не ранен, но не испытывал сейчас ничего, кроме тошноты и усталости»*.⁴

Заслуживает внимания отказ солдат убивать врага в повести Васильева. Причиной такой реакции является понимание того, что враг тоже человек, и желание вопреки всему сохранить чистую совесть. Эта человеческая реакция открывает новую тему в военной прозе – «немец тоже человек». В повести «В списках не значился» молодой солдат Вася Волков, впервые оказавшись на войне, не видит смысла в убийстве; он руководствуется в своих поступках сознанием того, что враг, которого он должен убить, – тоже человек. *«И для него даже немецкие солдаты ещё оставались людьми, в которых нельзя стрелять, по крайней мере, пока не прикажут»*.⁵ Плужников не убил взятого в плен немца, и поступил он так ради своей совести: *«Потому что он не застрелил этого немца всё-таки для себя. Для своей совести, которая хотела остаться чистой, несмотря ни на что»*.⁶ Понятно, что врага убивают для того, чтобы выжить на войне, но и убийство оказывается тяжёлым бременем, так как совесть солдата и осознание того, что убитый им – тоже человек, приводит его к психическим расстройствам. Фактически, в повести говорится, что и воинская честь не может отрицать того, что враг тоже человек. В этой связи примечателен следующий пример: *«Двое ещё шевелились, ещё куда-то ползли в пыли, но Плужников не стал по ним стрелять. Это были раненые, и воинская честь не допускала их убийства»*.⁷

В заключение отметим, что война затрагивает все области души человека, истощая его как психически, так и физически. Одним из самых тяжелых переживаний солдат-героев на войне было осознание неизбежности положения, в котором каждый из них оказывался либо убийцей, либо убитым; и особенно когда солдат был в положении убийцы, та истина, что враг тоже человек, становилось для него настоящей катастрофой.

Примечания

¹ Цит. по: *Grossman D. On Killing. The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society.* New York, 1995 P. XI.

² *Васильев Б.Л.* В списках не значился. М., 1986. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/prose/russian/vasilyev2/index.html>.

³ *Тимофеева М.А.* Личность человека на войне. Минск, 2011. С.2.

⁴ *Васильев Б.Л.* Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

М. ДЖЕЛИЛОВИЧ

(САРАЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БИГ)

СИЛА ЖЕНЩИНЫ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЯСМИНЫ МУСАБЕГОВИЧ

На протяжении последних сорока лет имя Ясины Мусабегович неизменно встречается в трех наиважнейших сегментах функционирования художественного текста (в литературном (прозаическом) художественном творчестве, в эссеистике или литературной критике, и, наконец, в редакторском деле) в боснийской, боснийско-герцеговинской и южнославянской литературной жизни. Благодаря глубине ее погружения в идеи феминизма и популяризации переводов виднейших мировых писательниц и поэтесс эпохи модернизма и постмодернизма, в нашей среде зарождается новый тип женской творческой мысли и меняется отношение к традиционно недооцененному вкладу женщин в сферу культуры. Мусабегович воспринимают как пронизательного автора, способного в условиях суровой исторической турбулентности балканского мира на глубокие аналитические суждения, постоянно и последовательно формулирующего и обогащающего «альтернативную, женскую историю» страданий и возрождения собственного (на)рода. Вторая мировая война, сорок семь лет мира, а затем опять война, отягощенная немислимыми преступлениями, особенно по отношению к женщинам, представляют собой межпоколенческую кумулятивную травму, ставшую «костью в горле и у рассказывающей, и у читающей женщины». Именно

этот подход мыслящей женщины, на собственном горьком опыте осведомленной о неизбежном грядущем насилии, пренебрежении к женскому голосу и крику, является своего рода императивом Ясины Мусабегович, благодаря которому она, едва ли не единственная из современных прозаиков, может донести до читателя свои суждения, ранее сформулированные ею в эссеистических и критических работах.

Среди художественных текстов, которые мы условно могли бы отнести к «поэтике свидетельства», особую ценность представляет рассказ женщины, не скрывающей своего авторского «я», который не относится к ряду популярных сегодня описаний автобиографического и личного характера, чьи авторы любой ценой стремятся к литературной и эстетической актуальности. Женский голос – это голос самой истории, голос не тех, кто пишет академическую историографию, а тех, кто страдает от ужасающих фактов. Именно так, опираясь на сугубо женский опыт (осквернение женского тела, сила материнства) Мусабегович написала все свои романы; «Переключатели», «Мост» и «Женщины. Голоса» читаются как трилогия. Эта трилогия рассказана от лица того, кто на одной войне был ребенком, нуждающимся в матери, а на другой – матерью, ищущей детей. Войны, о которых пишет автор в своих эссе, – это картина повторения истории, как правило, ставящей целые народы на грань полного физического уничтожения. Пройдя через испытания, осквернение тела и раны души, именно женщины вновь вдыхают жизнь в разрушенный мир.

«Переключатели» (1986) – большая романная форма, где тесно переплетены сюжетные линии. Особенности фабулы, композиции, причинно-следственных связей между отдельными эпизодами, психологизм, функции портрета при создании персонажа, точность в пространственно-временной организации произведения, согласованность сюжетных линий, глубокое чувство конкретной детали, периодическое растворение ужасного опыта войны в лирических пассажах – отличительные черты, которыми Мусабегович приятно удивила часть литературного сообщества, уже знакомую с ее работами. Многочисленные критики считают роман новаторским, так как он не ориентирован на внешнюю картину поворотных моментов истории, как это принято в нашей «мужской» литературной традиции. Роман можно считать модернистским, но при этом автор не настаивает на том, что социальная дезинтеграцию и разруху в современном мире сопровождает обязательный «распад семьи» как молекулы социального организма. Напротив, в романе утверждается сила, значимость, красота и тепло семьи, то, что даже в самые трудные моменты необходимо сохранять не только женское лоно, внутри которого зарождается новая жизнь, но и саму жизнь, достойную человека. Это, конечно, не утопически идеальная картина семьи: случаются и недоразумения, и конфликты, но

самые впечатляющие страницы романа посвящены описанию силы, преодолевающей недоразумения и связывающей Фатиму с ее мужем Незиром, с детьми, братьями, и, конечно же, отцом. В сердце семьи, на «входе и выходе из мира», для защиты жизни, на страже человечности в нечеловеческих условиях стоит женщина. В мире, где идет война, мужчина является отцом всех вещей, женщина – матерью. Несмотря ни на что, она физически всегда рождает новую жизнь путем слияния с землей как прародительницей всего.

Труднее всего иметь дело с тем злом, которое «невидимо». Против видимых проявлений зла: военных кампаний, массовых убийств, пыток и изнасилований можно и должно бороться. У Мусабегович именно женщины острее воспринимают невидимое, «капиллярное» зло, потому что патриархальное доминирование в течение тысячелетий заставляло их воспринимать мир через капилляры, маленькие «трещины» жизни, а не через большие исторические события, которые фиксирует «мужская» историография. Единственный способ бороться со злом – начать с себя. Только это делает существование жизнью, как крона дерева во дворе, голос женщины во время родов, первый крик ребенка, звук железнодорожной стрелки. Все эти черты делают произведение Мусабегович «романом братства», братства людей, которых не сломала война. Роман «Переключатели» – история человеческой эмансипации, декларация независимости женщины, пребывающей в классовой и религиозной изоляции. Атмосфера войны представлена здесь как атмосфера революции и имеет два смысловых пласта. В ней есть оптимизм убежденности, что «революция в умах» еще возможна, и одновременно ощущается предчувствие новой кровавой бойни, которая разразится через пять лет после издания романа.

А.И. ЗОБЕНИЦА

(НОВИСАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, СЕРБИЯ)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СЕРБСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Литературные произведения влияют на развитие личности ребёнка таким образом, что дети часто формируют свои представления о жизни на основании поступков литературных героев. Детская литература, посвящённая событиям Второй мировой войны, воспитывает патриотизм, воспекает героизм партизан, но в то же время нередко она излишне идеологизирована. Основная функция некоторых произведений на военную тему – политическая. Им противостоят пронизанные гуманизмом и патриотизмом произведения, достигающие художественных высот в изображении войны. Среди авторов таких произведений выделим Бранко Чопича, писателя, который в описаниях суровой военной

действительности соединяет юмористические ноты и ноты высокого служения героическому делу. Ему, поэту революции, вдохновлённому народно-освободительной борьбой, участнику главных военных сражений, удаётся с юмором рассказывать о самых тяжёлых событиях, что делает их для читателя более близкими, понятными и даже привлекательными. Многочисленные произведения Чопича о партизанской борьбе отличаются простотой и близостью к народному творчеству. Они написаны народным языком и понятны самому широкому кругу читателей. Эти произведения часто используются в преподавании сербского языка и литературы в начальной и средней школе. Дети знакомятся с событиями Второй мировой войны по произведениям Чопича, но не воспринимают их как страшную действительность благодаря юмору и элементам игры. Чопич не только писатель революции, он ещё и социолог детства, который своими произведениями не обременяет детей; наоборот, события, о которых его герои рассказывают со смехом, шутками, иногда издёвками, вызывают не страх, а светлое настроение, «как будто бы смерть – это ничто». Особенно ярко проявляются эти особенности в сборнике рассказов «Приключения Николеттины Бурсача». «Таких, как Николетина, – замечает П. Зорич, – было много в народной революции, великие события пробудили дремавшие в нём силы, морально его возвысили и сделали героем. Николетина Бурсач не только бесстрашный солдат, но и мягкий, трепетный, подетски наивный человек. В нём одновременно живут ненависть к врагу и безмерная любовь к матери и друзьям»¹.

Произведения Чопича пронизаны лирическими и юмористическими нотами. С теплотой и юмором описывает он своих детей-героев и их «славную войну». Примером такого описания служит, в частности, роман «Орлы взлетают рано». Первая часть произведения хронологически предшествует второй, где речь идёт о первых месяцах войны. В начале романа кукование кукушки как бы предсказывает предстоящие трагические события. Рассказ о Йоване и его отряде заставляет вспомнить о гайдуках, которым дети подражают, когда несправедливость и недостойное поведение учителя «Паприки» заставляет их бежать из школы. С появлением немцев в их деревне отряд становится участником боевых действий. Чопич мастерски показывает быстрое взросление своих героев: «Они стали разведчиками, учениками политической школы, курьерами партизанского отряда. Хотя маленькие бывшие ученики понимают всю серьёзность ситуации, в которой они оказались, в их разговорах слышится грусть по поводу прекрасных, беззаботных школьных дней»². Дети – наследники и продолжатели дел своих предков, о чём участии в войнах они много знали из разговоров, которые велись в их семьях. Так же, как и их предки, они защищают свою родину. Творчество Б. Чопича обогатило сербскую детскую

литературу, его произведения о суровой военной действительности, которая затронула и младшие поколения, дали литературе новое измерение.

Примечания

¹ *Топич Б.* Доживљаји Николетине Бурсаћа, Београд, 1963. С.9.

² *Топич Б.* Орлови рано лете, Београд, 2006. С.189.

Е.Ю. ЗУБАРЕВА

(МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА)

ПАРАДИГМА БЫТИЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К.М. СИМОНОВА

Война в человеческом сознании всегда соотнесена с понятием смерти. Именно она безжалостно с жестокой предопределенностью выбирает свои жертвы. Но так ли уж беспомощен человек перед ее мистической властью? Что может стать залогом выживания в этой экзистенциальной схватке?

Эти вопросы ставили перед собой многие писатели. Одним из тех, кто размышлял о тайне человеческого противостояния смерти, был и К.М. Симонов. В одном из его писем есть такая строка: «Человечество никогда не было лишено здравого смысла»¹. Речь шла об умении отличить правду от лжи, однако контекст письма предполагает и более широкое понимание смысла этой фразы. «Здравый смысл» – это ощущение перспективы жизни, ее бесконечности. В произведениях Симонова, прежде всего в его военной прозе, степень понимания этого всепечения жизни отдельным человеческим существом, зависит от меры его витальности. Писатель воссоздает в своих произведениях очень разные психотипы, но ни один из них не воспринимается художником всего лишь как объект наблюдения. Каждый из его героев – это человеческая личность, обладающая разной внутренней силой. В художественном мире Симонова смерть бессильна перед человеческой волей к жизни. Прошедший всю войну и не раз находившийся в эпицентре самых страшных событий, он знал немало примеров, которые определялись одним словом – «чудо». Не случайно писатель верил в правдивость историй, кажущихся необыкновенными, о чем свидетельствуют его проза и письма.

Война испытывает человека на прочность. Эта аксиома воплощается в произведениях Симонова в сложных и противоречивых образах. Любой человек может быть психологически искалечен войной: не только слабый, но и сильный. Только линия внутреннего надрыва обретает разную форму в их душах. Эта мысль раскрывается в образах

помешавшегося молодого солдата, выходца из крестьянской семьи, из «Ста суток войны» и открывшего «счет мести» Алексея Хлобыстова, героя рассказа «Русское сердце». Симонов пережил свои минуты страшного прозрения, изменившего прежние представления о жизни. Одним из таких мгновений, когда война впервые обожгла его своей трагической амбивалентностью, стало впечатление, полученное еще на Халхин-Голе. Он стал свидетелем того, как офицеры, искавшие в захваченной штабной палатке документы, разглядывали и обсуждали личные фотографии, оставленные бежавшим врагом. И вдруг за привычной ненавистью к этому врагу открылось ощущение бессмысленности чужой смерти, собственной причастности к разрушению гармонии чужой жизни. Минутное впечатление вызвало чувство незащищенности собственного мира, хрупкости всего того, что дорого тебе самому, отраженное Симоновым в стихотворении «Фотография». Жизнь и смерть, как две экзистенциальные категории, здесь не противопоставлены, а трагически спаяны, образуя единую парадигму бытия и делая условными любые выдуманные людьми границы.

Эта мысль воплощена, например, в рассказе «Свеча» в образе старухи Марии Джокич, хоронившей в Белграде погибшего русского красноармейца. Пули и смерть были бессильны перед духовной силой старой вдовы, с материнским упорством не желавшей оставлять убитого без погребения.

Внешняя слабость в симоновских героях может быть отражением внутренней силы, как, например, в герое трилогии «Живые и мертвые», командире дивизии Зайчикове, обреченном на смерть, но плачущем от счастья при виде спасенного знамени в руках старшины Ковальчука, и тот, огромный могучий человек, тоже плачет, испытывая такой же душевный подъем.

Психологизм Симонова – явление особого рода. Он часто избегает использования прямого психологического анализа, отдавая предпочтение косвенным формам (несобственно-прямая речь, пейзаж и т.п.). Одной из них становится отражение происходящего через призму сознания героя, которое предстает как своеобразное зеркало. Система таких зеркал создает особенный оптический эффект во многих художественных текстах Симонова (трилогия «Живые и мертвые», «Из записок Лопатина» и др.), не только формируя мозаичную картину мира, но и уводя линию человеческой жизни в бесконечность.

Примечания

¹ Симонов К.М. Письма о войне. 1943 – 1979. М., 1990. С. 466.

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В «УСТНОЙ ИСТОРИИ»
ЖИТЕЛЕЙ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ (ПО
МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ В
КАЛУЖСКУЮ И ОРЛОВСКУЮ ОБЛ.)**

В отечественном научном дискурсе интерес к устным рассказам (oral history) о Великой Отечественной войне (ВОВ) зримо проявился в период празднования 60-летия победы¹. С тех пор он остается неизменно устойчивым, постепенно вовлекая в исследовательский процесс специалистов разного профиля – историков, психологов, социологов, культурологов, фольклористов и др.² При различиях в подходах, методологических установках и методиках все они рассматривают «устную историю» как один из способов архивирования исторического прошлого в коллективной и индивидуальной памяти, который позволяет взглянуть на исторический процесс не только с позиций официальной доктрины (grandnarrative), но и с неофициальной (личностной) точки зрения.

Поскольку «[...] уникально прожитые жизни оставляют в памяти людей достаточно схожие воспоминания»³, к изучению устных нарративов о войне может быть адаптирована категория «культурный жизненный сценарий» (КЖС)⁴. Под последним понимаются «разделяемые большинством членов культурной общности представления о типичном содержании и “расписании” жизненных событий, а также приписываемой им значимости и валентности»⁵. В КЖС преодолевается континуальность исторического времени и связанного с ним событийного ряда; их отражение в индивидуальной и коллективной памяти становится дискретным и селективным. Поскольку обычно отбору подвергаются наиболее значительные, с точки зрения социума / индивида, события, последние наделяются определенными аксиологическими характеристиками. В итоге КЖС способен выполнять функцию базовой когнитивной модели, многократно редуцируемой рассказчиками в конкретных устных воспоминаниях, соединяющих социотипический и индивидуальный эмпирический жизненный опыт.

Для КЖС о ВОВ, легшего в основу устных рассказов, записанных полевыми экспедициями кафедры русского устного народного творчества МГУ от жителей оккупированных территорий, составными структурными элементами можно считать следующие типовые события: начало войны, приход немцев, период оккупации (немцы на постое; лишения и способы выживания; насильственная депортация в Германию; партизанское движение; карательные операции; отступле-

ние немцев и принудительная эвакуация ими гражданского населения в целях самообороны и др.), освобождение оккупированных территорий советскими войсками или партизанами. Их набор и порядок следования в нарративе, способ переживания и оценка в каждом конкретном случае в немалой степени зависят от половозрастных характеристик рассказчика. В согласии с последними можно выделить «женскую» и «детскую» версии КЖС о жизни на оккупированной территории в период ВОВ. «Женскую» версию отличает коллективистическая (общесемейная) ориентация мемората⁶ (в условиях войны ответственность за судьбу детей и стариков легла на плечи женщин), высокая эмоциональность, сближающая рассказ-воспоминание с традиционным фольклорным жанром ламентации (причети)⁷, хронологическое и причинно-следственное соотнесение событий, отчего композиция рассказа приобретает линейный характер. «Детская» версия КЖС мозаична: события передаются слайдово, как правило, без соблюдения хронологии, в эмоциональном отношении нейтрально, почти буднично (причину первого психологи усматривают в эффекте детской амнезии, второго – в непонимании маленькими детьми таких сложных концептов, как «смерть» и «взрослого» мира войны в целом)⁸.

Примечания

¹ Юсупова Л.Н. Мир крестьянского детства в период Великой Отечественной войны в Карелии: опыт интерпретации устных воспоминаний // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования: Материалы XVI научной конференции. М., 2004. С. 386–389; Человек и война: Материалы научной конференции преподавателей и студентов КГПУ, посвященной 60-летию освобождения Карелии от фашистской оккупации (21–23 апреля 2004 г.). Петрозаводск, 2004; Шайде К. Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941–1945 гг.) // Ab Imperio. 2004, № 3. С. 1–26; Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005; Фольклор Великой отечественной войны. Тверь, 2005; Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический анализ. На материалах Краснодарского края. Автореф. ...канд. исторических наук. Краснодар, 2005; Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология: ежегодник, 2003/2004. М., 2005. С. 345–351; Юсупова Л.Н. Образ матери в воспоминаниях крестьянских детей о Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война 1941–1945: опыт изучения и преподавания: Межвузовская научная конференция. М., 2005. С. 91–96; Юсупова Л.Н. Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении: феномен военного детства // Человек и война: Страницы военной истории России, Петрозаводск, 2005. С. 24–33; Кормина Ж. Герои и предатели. Симптомы коллективной травмы в народных песнях Великой Отечественной войны // Ab Imperio. 2005. № 1. С. 311–346 и др.

² Опыт истории – опыт литературы. Вторая мировая война. М., 2007; Голубев А.В. Повседневная жизнь женщин в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Карелии: к постановке проблемы // Устная история Карелии. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007. С. 7–16; Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Краснодар, 2010; Рыблова М.А. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4.

История. 2014. № 4 (28). С. 37–50; *Теклева Л.А.* Композиция устного народного рассказа периода Великой Отечественной войны как целостная система отображения фронтовой действительности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 194–197 и др.

³ *Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С.* Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2012, т. 5, № 25. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nourkova25.htm>.

⁴ В качестве альтернативного для выражения данного содержания предлагался также термин «культурный концепт биографии» (Bluck S., Habermas T. Extending the study of autobiographical memory: Thinking back about life across the life span. Review of General Psychology, 2001, 5(2). P. 135–147).

⁵ *Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С.* Указ. соч.

⁶ Для коллективистического мемората характерно повествование от 1 л. мн. числа: «Как немцы пришли к нам, они у нас в хате стали, а потом мы в сарай с племяшом перешли. И раз ночью стащили автомат, закопали на огороде и патроны к нему. Немцы схватились, где пистуля ихняя, искали, искали, но не нашли. Недолго пошумели и ушли в другую деревню, а через два дня к нам партизаны пришли. А мы еще раньше автомат перехоронили: в капусте закопали [...]» (д. Белашовка Куйбышевского р-на Калужской обл., А.Е. Максимова, 79 л.; АКФ 1987, т. 29, № 151).

⁷ «Немцы-то, как туда шли, были добрые, а обратно – ох, злые! Деревни все были жженые! Только наша деревня и Мельяновичи остались. В окружение зашли, надо ж было жить! В кустах жили, кто в землянках, кто в повозке. А немцы еще и скот угоняли. Худо! Хоронились так: кто у болоте, кто у лесе, кто у логу, где-нибудь к воде поближе. Надо скот – скот заберут, лошади надо – лошадь заберут, надо молодежь – молодежь заберут, угонят. Насбирали у нас молодых-то, гнали бугром и порасстреляли их усих! Ямное – мужчин усах пожгли! А женщины были в ригу загнаны! А в селе Григорьино молодежь усю пожгли! Буграми лежали один на другого сцепленные! Так и горели. А вот детей пустили в баню и потравили всех! То еще в колодезь маленьких! А вот еще уродовали: на штык при матке ребенка и смотри, как ребенок кричит. А не смотришь, по морде: мол, подымай глаза» (д. Рубеженка Куйбышевского р-на Калужской обл., Е.Ф. Драенкова, 1912 г.р.; АКФ 1987, т. 26, № 190).

⁸ «Мать держать за поводок корову, подходить немец отбирать корову. Мать не даёт. Он начал ее бить. Мать не отдаёт. Корова начала топтаться. Погоптала ей ноги, всё вот. Он выкручивает с винтовки шомпол и начинает шомполом бить матерю по спине – мать опять не отдала. Снимает, только не вытащил этом, острым, а с ремня снимает кинжал с этом, с чехлом, матери пробил здесь вот, тупым этом концом, руку. Мать опять не отдала. Он начал драть с ей одежду всю, да. Мать опять не отдала...» (с. Жерелёво Куйбышевского р-на Калужской обл., П.А. Антонов, 1931 г.р.; АКФ 2006, т. 1, № 309).

А.И. ИЗOTOV

(МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА)

ЖУРНАЛ «SLOVO A SLOVESNOST» В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Основанный в 1935 году в качестве основного научного издания Пражского лингвистического кружка, журнал «Slovo a Slovesnost» и

сегодня остается ведущим чешским лингвистическим журналом, индексируемым и в Scopus, и в WoS.

Мы решили обратить внимание на статьи, напечатанные в данном журнале в годы Второй мировой войны, вернее, в период с 15 марта 1938 г., когда в Прагу вступили гитлеровские танки, до 1943 г., когда деятельность журнала была прекращена (и возобновлена уже после войны в 1948 г.). Всего за эти неполные 6 лет было опубликовано 89 статей в рубрике «Články», 53 обзора в рубрике «Rozhledy» и 132 заметки в рубрике «Kronika».

Даже в бегло взгляда на содержание названных номеров достаточно, чтобы оценить стремление редакции продолжать нормальную издательскую деятельность, то есть с широким охватом тем, с привлечением зарубежных авторов и т.д.

Уже во втором номере за 1938 г. печатается статья Л. Ельмслева о Расмусе Раске и о его роли в становлении сравнительно-исторического индоевропейского языкознания (Hjelmslev L. Rasmus Rask, jeho život a dílo // Slovo a slovesnost. 1938. № 2. S. 65–72).

В этом же номере мы находим скрупулезный обзор работ, посвященных истории литературоведческой мысли в Англии (Wellek R. Vývoj anglické literární historie // Slovo a slovesnost. 1938. № 2. S. 96–105), размышления А. Мартине о фонологии французского языка (Martinet A. Fonologie francouzštiny // Slovo a slovesnost. 1938. № 2. S. 111–113) и Б. Трнки о фонологии датского языка (Trnka B. Fonologie dánštiny // Slovo a slovesnost. 1938. № 2. S. 113–117).

Отметим и резко полемическую статью Р. Якобсона и Фр. Травничека «Неправда, что... (Ответ Биттнеру)» (Jakobson R., Trávníček F. Není pravda, že... (Odpověď Bittnerovi) // Slovo a slovesnost. 1938. № 2. S. 117–124), вскрывающую многочисленные искажения фактов в брошюре доцента немецкого университета в Праге К. Биттнера «Deutsche und Tschechen. Eine Erwiderung», которую тот опубликовал в защиту своей концепции зависимости чешской литературы от литературы немецкой.

В третьем номере за 1938 г. мы, в частности, находим статью П. Богатырева о символике драматургического произведения (Bogatyrev P. Znaky divadelní // Slovo a slovesnost. 1938. № 3. S. 138–149) и статью А. Гартла о языковой ситуации в Подкарпатской Руси (Hartl A. K jazykovým sporům na Podkarpatské Rusi // Slovo a slovesnost. 1938. № 3. S. 160–173), в четвертом номере за тот же год – статью Р. Якобсона о роли русской филологии для богемистики (Jakobson R. Význam ruské filologie pro bohemistiku // Slovo a slovesnost. 1938. № 4. S. 222–239) и статью А. Флоровского об опубликованной в 1690 г. в Силезии (за шесть лет до знаменитой грамматики Лудольфа) брошюре с основами русской грамматики, автором которой А. Флоровский считает чеш-

ского иезуита Иржи Давида (1647–1713), который некоторое время жил в Москве как представитель ордена (Florovskij A. Ruská mluvnice českého jesuity z r. 1690 // Slovo a slovesnost. 1938. № 4. S. 239–245).

В первом номере за 1939 г. своё видение славянских литератур предлагает Ф. Воллман (Wollman F. Dvě polské polemiky o slovanských literaturách // Slovo a slovesnost. 1939. № 1. S. 40–47), во втором номере того же года статью о символике китайского театра публикует эмигрировавший сначала во Францию, а оттуда в Англию К. Брушак (Brušák K. Znaky na čínském divadle // Slovo a slovesnost. 1939. № 2. S. 91–98).

Целый ряд публикаций 1939 г. посвящен югославянской тематике, ср. Hrabák J. Kniha o slovinském verši // Slovo a slovesnost. 1939. № 3. S. 159–160; Pavlović Mil. Význam roku 1839 ve tvoření srbského spisovného jazyka // Slovo a slovesnost. 1939. № 4. S. 175–179; Havránek B. Nový časopis pro slovinský jazyk a literaturu // Slovo a slovesnost. 1939. № 4. S. 219–221; Isačenko A.V. Instrumentálně fonetická studie o spisovně slovinštině // Slovo a slovesnost. 1939. № 4. S. 221–222.

По мере усиления военной цензуры тематика публикаций неизбежно сужалась, всё более ограничиваясь собственно чешским материалом и прежде всего древне-чешским, ср., например: Trost P. Kunhutina píseň a sekvence Tomáše Akvinského „Lauda Sion“ // Slovo a slovesnost. 1940. № 1. S. 35–37; Horálek K. Rozbor verše a staročeský přízvuk // Slovo a slovesnost. 1942. № 2. S. 57–80; Kyas V. Jazykové rozdíly Nového Zákona v překladě Blahoslavově a v bibli Kralické z r. 1593 (K 350. výročí dokončení šestidílné bible Kralické) // Slovo a slovesnost. 1943. № 2–3. S. 57–68.

О гражданском мужестве и авторов, и редакции свидетельствует, по нашему мнению, публикация в 4 номере за 1942 г. принадлежащих перу В. Матезиуса двух рецензий, одной положительной (на монументальную монографию Фр. Худобы о Шекспире – Mathesius V. První díl Chudobovy knihy o Shakespearovi // Slovo a slovesnost. 1942. № 4. S. 194–202) и одной критической (на только что вышедший немецкий роман о драматурге – Mathesius V. Německý román o Shakespearovi // Slovo a slovesnost. 1942. № 4. S. 204–207), в первом номере за 1943 г. рецензии Зд. Ванчуры на новый чешский перевод «Кентерберрийских рассказов» (Vančura Zd. Český překlad Canterburských povídek // Slovo a slovesnost. 1943. № 1. S. 52–53), а в сдвоенном 2–3 номере за 1943 г. (предпоследнем вышедшем при протекторате номере журнала) – весьма информативного сообщения о женевском структурализме (В.Т. а S.L. Nové středisko linguistiky // Slovo a slovesnost. 1943. № 2–3. S. 166–167).

В журнале продолжали активно печататься члены Пражского лингвистического кружка. Одни лишь В. Матезиус, Б. Гавранек, Б. Трнка, Р. Якобсон и Я. Рыпка (то есть те пять человек, встреча которых 6-го октября 1926 г. в английском семинаре на улице Велеславина и стала осно-

ванием кружка) опубликовали в названных номерах 51 статью, не считая мелких заметок типа В.Нк. Černé bílým // Slovo a slovesnost. 1939. № 1. S. 64 или Mts. O skloňování jména Mathesius // Slovo a slovesnost. 1943. № 1. S. 51.

Среди авторов мы находим также М. Докулила, Вл. Скаличку, Я. Мукаржовского, А. Едличку, Й. Вахека, Й. Курца. В. Махека, Д. Чижевского, Я. Белича и других, одно перечисление статей которых заняло бы многие страницы.

Суммируя сказанное, следует констатировать, что журналу удалось и в тяжелых условиях гитлеровской оккупации сохранить высочайший научный уровень своих публикаций, многие из которых остаются востребованными и сегодня.

А.И. ИЛИАДИ

(КИРОВОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ВИННИЧЕНКО)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В УКРАИНСКИХ ДИАЛЕКТАХ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Окончательное освобождение Украины советской армией от немецко-фашистской оккупации в 1944 году стало первым шагом возвращения УССР к мирной жизни, вторым шагом было восстановление экономической инфраструктуры на местах. Строительство или восстановление стратегических объектов промышленности и народного хозяйства в Центре и на Востоке взамен разрушенных войной потребовало притока рабочей силы из разных территорий освобожденной Украины, потому здесь появились группы переселенцев из Винницкой, Одесской, Хмельницкой, Черновицкой и некоторых др. областей. Часть из мигрантов осталась в районах строительства и в послевоенные годы, внося в местную речь новые элементы, как это было, напр., в Новоархангельском р-не Кировоградской обл. К таковым можно отнести обогащение местного диалектного словообразования двумя довольно редкими моделями с суфф. *-ой-* и *-ус-*, ранее, насколько нам известно, не употребительными в ареале степных говоров.

В частности, ср. такие примеры, как: 1) *чорно́я* ‘овца с черной шерстью’, *добро́й* ‘откормленный боров’, *дідо́й* ‘дед’ и др. (всего 19); 2) *білу́с* ‘ребенок со светлыми волосами’, *чорну́с* ‘замарашка’, *горбу́с* ‘горбун’, *лобу́с* ‘о человеке с широким лбом’, *дригу́с* ‘проворный ребенок’, *малу́ся* ‘малыш’ и др. (всего 30). Отметим сразу, что исконными, органичными для местной речи являются дериваты с суфф. *-ух/-ух-и-*, *-ан’-*, *-иг-* или бессуффиксальные образования, отмечаемые в докумен-

тах XIX в. (ср. данные исторической антропониимии – *Дідух, Чорнига, Чорнушенко*, которой совершенно неизвестны *-ой-, -ус-*): *чорну́ха* (= *чорно́я*), *до́брий кабан(чик)* (= *до́бро́й*), *ді́дх, ді́дхно* (= *ді́до́й*) и *біла́нь* (= *білу́с*), *чорні́га* (= *чорну́с*), *горба́нь* (= *горбу́с*), *лоба́нь* (= *лобу́с*), *мали́га* (= *малу́ся*). В пользу того, что перед нами не лексические вкрапления из речи переселенцев в словаре местных идиомов, а именно новообразования, возникшие в говорах указанного района под внешним влиянием, свидетельствуют следующие факты: а) однокоренные формы с суффиксом *-ой-, -ус-* отсутствуют в словаре юго-западных говоров, чьи носители участвовали в восстановлении промышленности Кировоградской обл. (исключение составляет префиксальное *подригус, подри́гус* ‘выкрутас’, ср. *вклонитися з подригусом* ‘расшаркаться с выкрутасами’); б) за пределами местного диалектного словаря суффикс *-ой-* существует только в связанном виде – в составе суффиксальных комплексов *-ой-к-, -ой-онь-к-* (ср. бойк. *воло́йки, воло́йоньки* ‘волы’, *діво́йки, діво́йоньки* ‘девушки’, *брато́йко*, ‘брат’, гуц. *свато́йко* ‘сват’ и пр.), тогда как в инновационных образованиях, о которых идет речь, он представлен в «чистом» виде – как *-ой-*. Было бы заманчиво толковать подобные случаи как результат влияния сербской диалектной речи, в которой суффикс *-oj-* часто функционирует без дополнительного наращения (примеры см. ниже), однако ареал сербских переселенческих говоров (территория Новой Сербии) не имеет общих границ с ареалом исследуемых украинских диалектных инноваций, располагаясь на значительном удалении от него.

2. Специальное внимание к названным моделям позволяет выделить, помимо перечисленных выше *новообразований* с суффиксами *-ой-, -ус-*, также несколько *архаичных* дериватов¹, представляющих сепаратные изолексы, ср.: **bogoъь*: болг. *Богой*, серб. *Богој* (в документах Бухарестской митрополии), *Богоје* – ЛИ, *Vogojevo*, XIX в. – мест. назв., пол. *Bogój* – совр. фамилия ~ **bogъь*; **l'uboja/*l'uboъь*: др.-серб. *Любо" – антропоним, производящий для топонима Любоина («оу Любоинн»), 1345–1346 гг., серб. *Ljuboje* – ЛИ, укр. диал. бойк. *любойко* ‘любимый’ ~ **l'ubъь*; **maloja*: (произв.) серб. *Malojka*, пол. *Malojec* – ЛИ ~ **malъь*; **slavoja/*slavojъь*: серб. *Славоја*, XIX в., пол. *Slawoj* – ЛИ ~ **slava, *slavъь*; **gъrbusъь*: пол. *garbus* ‘с выделяющимся горбом’, *Garbus*, укр. *Горбус* – совр. фамилии ~ **gъrbъь*; **kъrn'usъь*: хорв. *Krnjus* – совр. фамилия, укр. диал. *корну́с* ‘карлик’ ~ и.-е. **(s)ker-* ‘гнуть, искривлять’, ‘резать’ + суфф. *-n-* и др.

3. В связи с рассматриваемой группой дериватов на *-ус-* привлекает внимание ст.-укр. *Безъотусенко*, 1649 г. – ЛИ. Отбросив поздние словообразовательные наслоения в виде последовательности суффиксов *-н-* и *-енко*, мы выходим на возможное пл. диал. **bezotusъь*: сложение **bez* и **otusъь* как суффиксальное производное от основы **ot-*,

чаще выступающей с другим суфф. расширением, ср. **ot-ьсь* ‘отец’. Но не исключено, что в ЛИ отражена поздняя форма к изначальному **Безьотухненко*, содержащему диал. вариант к названию отца, т.е. производное **отухно*, ср. деривационно близкие термины кровного родства типа укр. диал. *mátixna* – уменьш. к *мать* ‘мама’, *Матухна* – совр. фамилия, *дедүхно* ‘дед’, зап.-полес. *дóхна* ‘дочь’, пол. *Matuchno* – совр. фамилия и т. п.

4. Дистрибуция словообразовательных инноваций в диалектной речи указанной территории не исчерпывается упомянутыми случаями: целый комплекс явлений уровня слово- и формообразования еще ждет своего исследователя.

Примечания

¹ Подробнее о приводимом материале см.: *Илиади А.И.* Праславянская реконструкция и славянская антропонимия. Кировоград, 2015. С. 256, 271 (в печати).

Г.Я. ИЛЬИНА

(ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В СОВРЕМЕННОЙ ХОРВАТСКОЙ ПРОЗЕ

(Д. ДРНДИЧ «SONNENSCHN»¹, 2007; М. ЕРГОВИЧ «РОД», 2013)

По прошествии десятилетий после Второй мировой войны в художественной литературе существенно сменился ракурс ее освещения. В центре внимания оказывается не открытое идеологическое противостояние борющихся сторон, а жизнь во время войны во всех ее проявлениях в эпоху господства зла, насилия и страха: в любви и ненависти, рождении детей, работе, болезни и смерти, необходимости выбора активной или пассивной позиции по отношению к происходящему вокруг. В одной семье были антифашисты и коллаборационисты, а также те, кто просто выживали, не ведая о творившемся вокруг или делая вид, что не знают, почему исчезают соседи-евреи, сербы или сослуживцы, что-то сказавшие или сделавшие не так. Этот подход определяет построение произведения, когда основной сюжет обрастает мозаикой множества биографий и историй из жизни отдельных людей, будь то палачи или жертвы разного социального круга, их прошлого, родовых корней и перипетий в настоящем. Ибо, по мнению Дрндич, за каждым именем кроется своя история.

Документальный роман «Sonnenschein («Солнечный свет»), в переводе на другие языки он назван «Триест»¹ – так сама Д. Дрндич определяет его жанр, – это беспощадная, откровенно политически и морально ангажированная книга о Холокосте на территории итало-сло-

венской границы (Триест – Гориция и Нова Горица). Суть ее выражает предпосланный эпиграф из Х.Л. Борхеса: «Довольно одного мгновения, чтобы раскрыть тайну жизни. А ключ всех тайн лежит только в Истории, в том вечном и превосходном повторении того, что зовется ужас». Шестьдесят два года героиня романа Хайя Тедеша ищет украденного у нее сына, рожденного от эсэсовского офицера и отданного на усыновление в немецкую семью. Лишь в 1998 г. ему, уже почти шестидесятилетнему человеку, приемная мать открывает, что он не родной ее сын, и с этого момента он тоже начинает поиски своей семьи, которые в 2002 г. приводят его к родной матери. Заклучая свой рассказ, Антонио Траубе-Тедеша обещает продолжить, теперь уже с родной матерью, расследование судеб лишенных родителей и родины детей, чтобы разрушить равнодушное забвение истории всеобщего бесчестья.

Тысячестраничный роман М. Ерговича «Род» (что не помешало ему стать бестселлером) строится на истории четырех поколений семьи писателя, начиная от прадеда немца Карла Стублера, переселившегося из румынского Баната в Боснию, когда та стала территорией Австро-Венгрии, его детей и внуков, вступавших в брак с хорватами и словенцами, до правнука – автора произведения, то есть, практически охватывающей весь XX и начало XXI века. Концентрическими кругами неоднократно возвращаясь к тем или иным эпизодам семейной саги, писатель рассказывает, именно рассказывает, истории множества так или иначе связанных с членами его семьи близких и не очень, а то и совсем далеких, но живших в то же время других людей. Вторая мировая война – важнейший период в каждом таком эпизоде-новелле, будь то биография конкретного человека, места (города, улицы, здания), события, вынуждавшего в это жестокое время сделать нравственный выбор. Ергович не раз повторяет ключевые моменты в характеристике своих персонажей: таких, например, как предоставление старшим Стублером во время усташских погромов в своем доме убежища сербам (а они спасут его в 1945 г. от депортации в Германию); помощь его зятем, дедом автора, итальянским и словенским антифашистам. Но среди ключевых также фигурируют эпизоды гибели одного дяди писателя в рядах немецкой армии, рассказ о другом дяде, воевавшем в домобранах НГХ, о родственнике, начавшем военную карьеру летчиком в армии НГХ, перелетевшем к англичанам и потом воевавшем на стороне партизан. Лейтмотивом романа стала и очень болезненная для писателя тема национальной идентичности в многонациональной среде и этического кодекса в отношениях людей разной социальной, этнической и религиозной принадлежности, что с особой очевидностью проявлялось в годы военных испытаний, в том числе и войны 1990-х гг.

Оба названных романа опираются на две художественные традиции – реалистическую, повествовательно-рассказывательную (но без

единой фабулы, с дробными сюжетами), тяготеющую к большим жанровым формам, и постмодернистскую, основанную на жанрово-стилевой гибридности. Документальная основа и новеллистическая структура, психологически мотивированные портреты и интертекстуальные аллюзии, совмещение реально выверенного материала и вымышленного, повествование от третьего и первого лица – все эти структурные элементы объединяются в единое повествовательное целое, включенное в исторический контекст.

Примечания

¹ За этот роман Дридж получила в 2007 г. две национальные премии и в 2013 г. – международную премию «Independent Foreign Fiction Readers' Prize» за лучшую иностранную книгу по мнению читателей.

П.В. ЙОВАНОВИЧ, Р.И. ЧУТУРА
(КРАГУЕВАЦКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, СЕРБИЯ)

ЖЕНЩИНА В ВОЕННЫХ ПОВЕСТЯХ АНТОНИЕ ИСАКОВИЧА

В суровый мир военной прозы Антоние Исаковича этические коррективы вносят женщины. Они – нестандартные героини с многочисленными особенностями, они непривычны для современной литературы, их образы ближе эпическому пониманию. Они – далекий след патриархального понимания женщины как матери и защитницы, матери всего нового, обновительницы, они будто визуализированные инстинкты в облики человека. В образах этих женщин мы узнаем «архетип матери», своим присутствием и действиями они смягчают военную действительность, пытаются уменьшить ее жесткость, приносят надежду на возможное избавление.

В рассказе «Двое», неназванные героини, *Он* и *Она*, оказываются в ловушке в пещере и пока они прислушиваются к лаю собак, в юноше и девушке просыпаются простейшие инстинкты жизни и смерти. Он испуган, одержим воспоминанием о ноже. Она не сдаётся, по-женски, по-матерински инстинктивно стремится продлить жизнь. В архетипическом пространстве, сжатом как зародыш, каждый, защищая свое аутентичное существо, – она интуитивно, он рационально, – в конце концов уклоняется от «угрожающей, черной полосы», давая жизни шанс: «Пойми, [...] что это и есть жизнь: эта пещера и эти двое в ней. И что все в порядке, и что они здесь, и те, что их гонят, там. Нужно просто привыкнуть, и снова сказать себе: почему бы и нет»¹. Сам Иакович пишет: «Я намеренно раздел, раскрыл этих двоих и поставил их в одну их невозможных ситуаций. Я намеренно создал такие условия: место дей-

ствия – пещера, что многие вещи скрыты от глаз, герои не могут двигаться, говорить, они надеются хоть на какой-то выход из ситуации»².

В рассказе «Небо через ветви» медсестра Бранка продлевает жизнь умирающим раненым не только своей заботой, но и символическими записями в дневнике. «Может, останется только это, – с тревогой констатирует она, – только тогда мне стало ясно, почему сегодня один раненый остановил меня и сказал: „Меня зовут Джоре Митрович”»³. Действия героини дают раненым надежду на то, что их земное существование будет увековечено, а жертва осмыслена.

В рассказе «Дыни» две женщины подобны двойному портрету единого существа, созданного из духа и тела (одна худая слабая и мягкая как святая, другая же прозрачная, белая и тонкая как «травя в пруду»), и каждая по-своему борется за сохранение жизни. «Когда военные сыты, они не злы», поэтому селянка, черная, «спокойная и мирная, как дерево на льдине, пахнущая сухим базиликом» приносит дыни, ароматные, сочные фрукты, чтобы победить зло, чтобы его успокоить, укротить: «Это все – наш мир. Мне так говорят. Нас мало. Немного нас осталось. И мы всегда больше всех страдаем в войнах. Мы очень злы, очень, может, поэтому»⁴. Двое мужчин, один опустошённый, как пустой ящик, на котором он сидит и наблюдает за происходящим, другой – безвольный, без сил, относятся к своим пленным соотечественникам как к теням, ещё живым, но теням; все они в равной мере виновны. Заставляет двигаться по сути уже мёртвую тень женщина, она поворачивается к Янко, что-то говорит, начинает чудовищный танец соперничества жизни и смерти. Эта танцующая женщина – сама природа, утверждающая своё присутствие и неприкосновенность, она пришла в этот мир ради продолжения рода. Потные тела в экстазе, густые запахи знойного лета, разбитые дыни, раздавленные корки, фрукты, скошенная осока и пленные, которых ее движения притягивают и заставляют неосознанно склониться перед ней. Перед женщиной, которая вместо того, чтобы рожать, оказывается в сырой земле. Янко ничего не может сделать. Женщина, мать, чьи механизмы выживания подчинили себе всю вселенную, проигрывает в битве с мужчиной – носителем нового миропорядка, а, по сути, хаоса, нарушающего гармонию мироздания. Таким образом, в рассказе Исаковича поражение нового мира означает поражение женского начала, которое для автора является основой существования мироздания, стремящегося к сохранению и продлению жизни.

Примечания

¹ Исаковић А. Папрат и ватра. Београд, 1962. С. 203.

² Цит. по: Марковић М. Дијалог с временом. Загреб, 1976 С. 202.

³ Исаковић А. Велика деца. Београд, 1953. С.62.

⁴ Исаковић А. Папрат и ...С.275.

БУКВА Ё ДО И ПОСЛЕ ПРИКАЗА ОТ 24 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА

Буква Ё, появившаяся в русском письме в конце XVIII в., так и не была узаконена ни «Русским правописанием» Я.К. Грота в 1885 г., ни реформой 1917–18 гг. В течение XX в. вопрос о введении в русский алфавит буквы Ё поднимался неоднократно, однако до сих пор употребление данной буквы не является обязательным. Более того, сомнению подвергалось определение Ё как самостоятельного буквенного знака. Так, в статье «Буква ё» 1937 г. А.А. Реформатский писал: «Есть ли в русском алфавите буква ё? Нет. Существует лишь диакритический значок «умлаут» или «трема» (две точки над буквой), который употребляется для избежания возможных недоразумений [...]». Тем удивительнее появление в разгар Сталинградской кампании Приказа Наркомпроса РСФСР от 24.12.1942 № 1825 «О применении буквы “ё” в русском правописании». Этот приказ вводил обязательное употребление ё в школьной практике, во всех вновь выходящих учебниках, учебных пособиях и книгах для детского чтения. Приказ регламентировал обстоятельное изложение правил употребления ё в школьных грамматиках русского языка, а также издание школьного справочника всех слов, в которых употребление ё вызывает затруднения. Справочник «Употребление буквы ё» (сост. К.И. Былинский, С.Е. Крючков, М.В. Светлаев под ред. Н.Н. Никольского) был издан в 1945 г. (в 1943 г. на правах рукописи). Приказ был опубликован в газете «Правда» от 7 декабря 1942 г., и все точки над Ё в этом номере были расставлены пунктуально, тогда как в предыдущем номере, от 6 декабря, этой буквы не было. Несмотря на то, что инициатива данного постановления принадлежала самому Сталину, факультативность Ё так и не была устранена, а дискуссия о целесообразности применения данного знака возобновилась даже до смерти вождя.

Очевидно, что обязательное употребление Ё в именах собственных, введенное наконец-то недавно, совершенно необходимо. Не вызывают сомнения и другие позиции, рекомендуемые для Ё современными правилами. А вот нужно ли и, главное, можно ли ввести Ё повсеместно, как этого требуют так называемые «ёфикаторы»? На наш взгляд, данный вопрос требует внимательного рассмотрения всех последствий такого решения.

С одной стороны, при обязательном употреблении Ё орфоэпическая норма получила бы серьезную поддержку орфографией. Известно, что в современном обществе тотальной грамотности правописание нередко оказывает влияние на произношение. В ситуации неопределенности [’о] ушли в прошлое отмечавшиеся в Справочнике 1943 г.

различия в произношении многих слов, например: наречие *ещё* (повтори ещё раз) и частица *еще* (Ничтожный призрак или еще москвич в Гарольдовом плаще); *бобёр* (мех) и *бобр* (животное); *истёкший* (кровью) и *истекий* (год); *иступленный* (сделанный тупым) и *иступлённый* (крик); *перёд* (сущ.) и *перед* (предлог); *сложенный* (в чемодан костюм) и *сложённый* (как Аполлон); *солитер* (крупный бриллиант) и *солитёр* (червь); *угрёвый* (отн. к рыбе, напр. суп) и *угревой* (сыпь). Изменение произношения таких слов обеднило язык, лишило его простого средства лексической дифференциации.

Необязательность употребления Ё ведет к орфоэпическим ошибкам в современном русском языке. Одна из самых распространенных – произношение через [’о] слова *афера*. Нередко так произносят и слова *бытие, гренадер, двоеженец, житие, недоуменно, опека, оседлый*. Напротив, ошибочно не употребляют [’о] в словах *включенный, врученный, жернов, забытье, незаконнорожденный, несший, ничемность, новорожденный, оговоренный, одноименный, острое* и под. Пренебрежение буквой Ё за короткий срок привело к серьезному изменению орфоэпической нормы. Так, слова *белёсий, блёклый, задымлённый, повторённый, окунёвый, планёр, мёртвы, твёрды, пёстро, дрёма, тополёвый, свёкла* и др. в последнее время получили так называемые акцентные варианты, некоторые из которых стали даже предпочтительнее исходных.

Вместе с тем обязательная постановка Ё не только неудобна, но и в некоторых случаях невозможна. В первую очередь, это касается произведений классиков. Вряд ли кто-нибудь возьмет на себя смелость поставить Ё хотя бы в таких строках:

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.

Однако произношение [’о] не вызовет трудностей в случаях, где это подсказано рифмой:

Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чувством,

Ни поэтическим огнем,
Ни острогою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умён.

С. КАДИЧ

*(МИНИСТЕРСТВО НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ
И СПОРТА ХОРВАТИИ, ЗАГРЕБ)*

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОМ ХОРВАТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Конец XX в. был в Хорватии необыкновенно бурным. В течение нескольких десятилетий менялась дефиниция дискурса, а его использование становилось более широким. В самом общем виде дискурс – это абстрактная семиотическая категория, охватывающая семиотические элементы общественной жизни, вследствие чего она является объектом изучения и нелингвистических дисциплин, как, например, политологии. Изучение политического дискурса предполагает, по меньшей мере, два направления. Первое направление связано с изучением языка выступлений политиков, политических дебатов, суждений о какой-либо политической теме. Второе направление – это анализ действий политиков, общественных и политических институтов, правительств, людей, которые, преследуя определённые политические цели, действуют в том или ином политическом окружении. Не надо думать, что в гуманитарных науках мы можем предложить полностью объективный анализ происходящего, но можно и нужно рассматривать отдельные события, например, в истории современной Хорватии те, которые являются следствием процессов Второй мировой войны.

Ещё бывший президент Хорватии Иво Йосипович подчёркивал, что Первая мировая война в памяти всех европейских народов оставила печальный след, а Вторая мировая, ставшая продолжением Первой, существенным образом определила судьбы мира, а значит, и Хорватии (появление двух военных блоков и Движения неприсоединения, среди основателей которого была Югославия). При этом президент выразил надежду, что XXI век станет временем мира, а не временем сведения счётов.

Именно Вторая мировая война оставила глубокий след в истории всех народов бывшей Югославии. В современной Хорватии её последствия чувствуются и сейчас, причём они проявляются не только в политике и деятельности политических партий, но и в литературе и искусстве. Каждое время хочет оставить память о себе как на плёнке,

так и на бумаге. Как когда-то снимали фильмы о сражениях Второй мировой войны, так теперь снимают кино об Отечественной войне*.

В начале сентября 2015 г. состоялся Третий фестиваль альтернативного и левого искусства и политики, посвящённый 70-летию окончания Второй мировой войны и победе над фашизмом. Особое внимание было уделено 1316 партизанам Шибеника, которые участвовали в битве на Сутеске. Участники проходивших во время фестиваля дискуссий задавались вопросом, почему защитники современной Хорватии не могут считаться антифашистами. Это один из вопросов, в решении которых представители хорватского общества занимают противоположные позиции. Вторую мировую войну и войну Отечественную многое связывает. И партизаны, и защитники Хорватии боролись со значительно более сильным противником, и в ходе этой борьбы произошло нивелирование идеологий. Не удивительно, что партизанскую униформу носили и Франьо Туджман (первый президент Хорватии) и Добрица Чосич (первый президент СРЮ).

Вторую мировую и хорватскую Отечественную войну связывают также совершённые в них преступления, ставшие толчком для определённой ревизии истории. Связывает их и то, что определённая часть защитников Хорватии превратилась в «идеологическую метлу», т.е. стала исполнять функцию, которая раньше была прерогативой Союза организаций-участниц народно-освободительной войны (СУБНОРА).

В 2015 г. был открыт памятник антифашизму, представляющий собой инсталляцию, выполненную художником из Шибеника Борко Челаром. Это довольно большая мемориальная доска, сделанная из обёрточной воздушно-пузырчатой плёнки. Издали она напоминает обычные мраморные доски, однако при ближайшем рассмотрении видно, что на ней ничего не написано, в ней нет никакой идеологии, так что подобную доску могли бы установить в любом хорватском городе без опасений, что её разобьют или сбросят.

Итоги Второй мировой войны повлияли и на деятельность многочисленных политических партий, хотя некоторые не хотят этого признавать. Так, руководители Хорватского демократического союза участвуют в траурных мероприятиях, проходящих в Бляйбурге (Австрия), где вспоминают о потерпевших поражение сторонниках НДХ и о хорватском гражданском населении, бежавшем от новой власти. В мае 1945 г. близ Бляйбурга эти люди были выданы Югославской армии. С другой стороны, Социал-демократическая партия Хорватии, правопреемница Союза коммунистов, правящей партии в социалистической Хорватии, с гордостью говорит о Хорватии как о победитель-

* Имеется в виду война Хорватии против Югославии 1991–1995 гг. (прим. переводчика).

нице во Второй мировой войне, и этим должен гордиться каждый гражданин Хорватии. Любая другая точка зрения – пересмотр истории.

З.И. КАРЦЕВА

(МГУ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА)

ПОРОХОВЫЕ БУДНИ ВОЙНЫ В БОЛГАРСКОЙ ПРОЗЕ («ПОРОХОВОЙ БУКВАРЬ» ЙОРДАНА РАДИЧКОВА»)

Болгарии «повезло». Вторая мировая война обошла ее стороной. На территории страны, ставшей союзницей нацистской Германии по воле трусливого, профашистски настроенного правительства, не было грозных танковых сражений, артиллерийских и минометных обстрелов, рукопашных кровавых схваток. Здесь все шло как обычно. Население страны, обыватели изо всех сил цеплялись за привычные устои прежней, мирной жизни, рушившейся на глазах под напором неумолимого немецкого Ordnung'a, насаждавшегося в стране-вассале, старательно не замечая при этом «другой» жизни, параллельного мира, полного ненависти к фашистам, в котором тайно сражалась «другая» Болгария – подпольщики, партизаны, коммунисты и комсомольцы-ремсисы, члены РМС – рабочего союза молодежи, для которых 40-е гг. стали страшным, но прекрасным временем подпольной борьбы, огневых лозунгов, героических партизанских походов, дерзких, заветных слов у виселиц.

И болгарская литература в основном описывала именно эти, *свои*, «*тыловые*» грани большой войны, идущей где-то очень далеко от болгарских границ. Она взволнованно реагировала на события из жизни *этой*, *героической* Болгарии, сумевшей в короткие сроки объединить все прогрессивные силы в мощное Спротивление, ведущее неравную и кровопролитную борьбу с фашизмом – своим и чужим.

Первой эмоциональной реакцией литературы, конечно же, стала ее «легкая кавалерия» – *поэзия*: антивоенные и революционные стихи авторов старшего поколения, юных поэтов-партизан и подпольщиков (в 1969 г. их не очень умелые, но пронзительные стихи войдут в антологии «Недопетые песни» и «Кровью своей мы ночи тревожим»); песни-марши, песни-призывы так наз. «партизанского фольклора», выдержанных в старой гайдуцкой песенной традиции и ставшие весомой частью литературы Спротивления. По-своему (несколько отстраненно, но честно) реагировали на болгарские будни войны молодые интеллигенты, «поколение 40-х». Но лучше всех отразил это тревожное предвоенное и военное время поэт-рабочий, поэт-коммунист Никола Вапцаров, расстрелянный по приговору фашистского суда в августе 1942 г. В сб. «Песни мотора» и предсмертных стихах, написанных перед казнью, он озвучил это время своей страстной и яростной мело-

дией *гнева* и светлой, простой, человеческой *веры* в то, что «жизнь придет прекрасней песни, ярче солнечного дня».

Сразу после войны будет написано много «громких», пафосных, очень оптимистичных и откровенно публицистических стихов по «горячим следам» войны, а позже, в середине 50-х гг., на новом витке обращения к военной теме уже непосредственных участников военных действий болгарских частей в составе Советской армии, прошедшей через Болгарию дальше, на Запад, появится другая поэзия – более человеческие, искренние стихи без громких слов о самом значительном и сокровенном – о родине и о любви.

Проза Сопrotивления появится в конце 40-х. Она возникнет из «литературы человеческих документов», дневников, писем расстрелянных или замученных антифашистов, партизан, узников концлагерей, из документально-мемуарных очерков участников тех героических событий, подготовивших почву для более серьезных художественных открытий – главным образом в жанрах «малой» прозы: рассказах и повестях Г. Караславова, П. Вежинова и Э. Станева (создавшего в своей камерной повести «Тихим вечером» на «правильном» материале с социальным звучанием великолепный образец новой психологической прозы).

И все же самым ярким и по-настоящему талантливым стало *третье* по счету обращение к военной теме Сопrotивления, антифашистской борьбы и партизанского движения в болгарской прозе 60-х гг. Это был спокойный, трезвый и более осмысленный взгляд на те далекие события уже с солидной исторической дистанции. Писатели этого десятилетия, пережившие развенчание культа личности и «апрельскую оттепель» 50-х, начали нелицеприятный, философский по сути своей разговор о *нравственных критериях поведения человека* на войне (во время войны, рядом с нею) – его *подвига* или *предательства*. Таковы, в частности, роман «Звезды над нами» П. Вежинова, сумевшего увидеть «звездную» высоту подвига человека и неизбежность моральных законов в его душе – две вещи, вызывавшие когда-то «удивление и благоговение» философа И. Канта; и, конечно же, пронзительный и ироничный «Пороховой букварь» Й. Радичкова.

Страны Балканского полуострова уже давно приобрели славу «порохового погреба» Европы. Об одном из таких трагических периодов балканской истории – времени Второй мировой войны – и рассказывает Й. Радичков в своем цикле.

Болгарские крестьяне, жители далекого села, в эти годы мучительно, «по слогам» постигали правду своего времени. И наступая на горло собственному страху, эгоизму и равнодушию, освобождаясь от патриархальных привычек устоявшегося быта, они приходили к пониманию новых идей и новой жизни, активному участию в ней или «мол-

чаливому согласию» с тем, что она несла с собой. Учились читать «по-роховой букварь» эпохи.

Рассказывая о трудной, совсем не героической жизни своих персонажей, полной тяжелой работы от зари до зари, невежества, суеверий, забавных и грустных приключений, но и робких надежд на лучшую жизнь, за которую сражались другие, но слово правды о которой все же доходило и в их «глухую провинцию», автор пытается ответить на главный для него вопрос – *кто* и *как* принимал участие в грозных событиях войны и Сопrotивления, почему так *по-разному* – порой героически, порой глупо-наивно, а порой и расчетливо-подло встречали болгарские крестьяне в 1944 году новую жизнь, подготовленную подвигами борцов Сопrotивления.

С момента публикации цикла рассказов Й. Радичкова прошло полвека. Уже давно новая Болгария, член ЕС и НАТО, под влиянием национальной заикленности на психотравмах социалистического прошлого мстит ему из своего «сегодня», с исторически безопасного расстояния, сознательно изменяя тем самым семантическое поле собственной истории, а по сути, – предавая ее. И некоторые современные писатели, как А. Попов, автор скандального «партизанского» романа «Сестры Палаевеы» (2013), написанного им под влиянием разрушительной постмодернистской иронии, позволяют себе «новое прочтение» своей истории, походя, глумливо перечеркивая значение скромного подвига своих отцов и матерей, вольных и невольных участников Второй мировой войны.

С. Д. КНЕЖЕВИЧ

(ВОСТОЧНОСАРАЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БИГ)

СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПОЭЗИИ ФИЛИПА ВИШНИЧА И ПРОЗЕ БРАНКО ЧОПИЧА

Слепой певец из Боснии Филип Вишнич, находясь в сремском монастыре Шишатовац с лета 1815 г., посвятил Вуку Стефановичу Караджичу двенадцать стихов на тему Первого сербского восстания, окончившегося поражением сербов. Вук, в свою очередь, ясно указал на то, что Вишнич повстанческие стихи «пропел сам», то есть здесь он показывает себя не как рапсода, а как аэда. Герхард Геземан назвал Вишника «последним аэдом Европы»¹, подняв его на пьедестал, на котором он остается и по сей день. Его повстанческая эпопея представляет собой классический поэтический памятник Восстанию и его героям, и прежде всего вождю-Караджичу.

Еще одной из характерных черт стихов Вишника является изображение бедных крестьян главными героями восстания, что становится основой его лучшего стихотворения «Начало восстания против

дахий». Вишнич представил восстание как революцию в самом широком понимании, но в первую очередь как революцию народного сознания. Веками угнетаемые народные массы представлены носителями космического превращения:

Кад се наше по земљи Србији,
По Србији земљи да преврне
И да друга постане судија,
Ту кнезови нису ради кавзи,
Нит' су ради Турци изјелице
Ал' је рада сиротиња раја²

Как задумали вдруг в земле сербской,
В земле сербской сменить все, исправить
И других себе судий поставить.
Тем раздорам все кнезы не рады,
И не рады насильники турки,
Рада лишь горемычная райя*

Крестьяне-бедняки становятся мощной силой, которая поднимается против великого царства, «мстя туркам за все их обиды», но дахии не понимают, кто их главный враг:

Турци мисле да је раја шала,
Ал' је раја градовима глава³

Турок думал, что райя им – шутка!
Райя – голова над городами

(перевод П.Эрасова⁴)

Этот же образ использует и сербский писатель из Боснийской Краины Бранко Чопич в своей прозе о Второй мировой войне. В биографиях обоих авторов много схожего. Вишнич в детстве остался сиротой, когда турки убили его отца и других родственников-мужчин, после чего его мать снова вышла замуж. Чопич остался сиротой в возрасте пяти лет, когда его отец, вернувшись с Первой мировой войны, умирает от испанки, а его мать тоже вышла замуж повторно. Оба, пусть и по-разному, но провели всю свою жизнь в поисках утраченного дома. Чопич в начале войны вернулся в родной край и присоединился к партизанским бригадам. Войну он прошел, будучи комиссаром и членом Агитпропа во Второй Краинской бригаде. Как и у Вишница, его роль в войне прежде всего заключалась в поднятии морального духа солдат.

Сначала Чопич писал лирику, подражая сербской народной поэзии, за что снискал славу среди партизан. Свое видение борьбы, которое по сути совпадает с видением Вишница, он выразил в романе «Прорыв» (1952). Как и Вишнич, в своей эпопее он воспел только часть воюющей Сербии, точнее ее западный фронт. Чопич фокусируется на событиях в своем небольшом родном крае. Оба автора, таким образом, являются непосредственными свидетелями и активными участниками событий, воплощая увиденное и пережитое в своем творчестве. Оба пишут «по горячим следам» и при этом создают художественные произведения неопределимого значения.

В данном докладе мы проанализируем все двенадцать повстанческих стихов Вишница, а также роман Чопича «Прорыв» и сборник

* Райя – бедняки, крестьяне.

рассказов «Случаи из жизни Николетины Бурсача» (1956). Используя метод сравнительного анализа, мы попытаемся с чисто поэтической точки зрения показать, как и почему Бранко Чопич получил звание народного писателя.

Примечания

¹ Геземан Г. Jedном мртвом певачу // Зборник у славу Филипа Вишњића и народне песме. Београд.1935. С. 38.

² Караџић, В. С. Српске народне пјесме књ. 4. Београд, 1987. С. 110.

³ Там же. С. 119.

⁴ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nb.rs/collections/index.php?id=1917>.

М.С. КНЕЖЕВИЧ

(НОВИСАДКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, СЕРБИЯ)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Литература отражает жизнь, смерть, любовь, веру в Бога и веру в человека. Она описывает исторические события – те, что прошли, и те, которые еще происходят. Военная литература, по самой своей тематике связанная с реальными событиями, кроме литературного и этического имеет историческое значение. В сербской литературе о Второй мировой войне знаковыми авторами, участниками и свидетелями военных событий, являются Добрица Чосич, Бранко Чопич, Джордже Лебович, Десанка Максимович. Стихотворением «Кровавая сказка» Десанка увековечила злодеяние, совершенное в XX в. в Сербии. Она посвятила стихотворение крагуевским ученикам, безбородым гимназистам, которых немцы прямо из-за парты вывели под дуло автоматов, на смерть. Если бы это не было правдой, это могло бы быть сказкой.

Поэт Десанка Максимович выразила свои чувства боли и горечи через невозможность поверить в то, что страшные преступления действительно происходят и невинные дети мученически погибают. В то же время она выразила свою храбрость, упорство и готовность идти на жертвы ради отчизны. Названия ее стихотворений ясно говорят об их теме, в них грусть и предостережение, призыв к борьбе, вера в победу, осуждение преступлений и крик матери, печаль о человеке и его судьбе. Это рассказы, мольбы и обвинения. Десанка в духе народной поэзии подчеркивает ценность свободы, любви к родине, призывает к героизму, ссылается на Косово и Старого Вуядина: «Кровавая сказка», «Я верю», «Мне жаль человека», «Матери обвиняют», «Матерям», «Кричат мертвые матери из гробов», «На гробе застреленных учеников», «Повстанць», «Воспоминание о восстании». Стихотворение «Кровавая сказка» написано в стиле сказки, но его сюжет – реальное, кровавое событие, встреча детства со смертью:

Било је то у некој земљи селџака
на брдовитом Балкану,
умрла је мученичком смрћу,
чета ђака у једном дану.¹

Это случилось в одном государстве
балканском – в горном, крестьянском.
Горькое там приключилось
злосчастье с группой ребят –
целым классом пали они в одночасье
смертью героев².
(перевод Б. Слуцкого)

Там, в какой-то бедной земле крестьянской, на Балканах, были убиты невинные дети: «все – одногодки» и «пали они в одночасье». В духе традиционной народной литературы, убедительно, с болью, хотя и дерзко Максимович ответила неприятелю на его преступления. Поэт переживает трагедию лично, но неотделимо от своего народа, от всех славянских народов. Слияние традиционного и современного в полной мере выразилось в этом стихотворении, что по-особому воплотилось в строках, посвященных свободе и родине: «Оклевалe ни часа нису руке њихових убица, / јер шта су сви ти српски грлати, чурави ђаци, /јер шта су сви ти Словени, / икад били у свом веку, / до разбојници и занесењаци». (С. 173). Стихотворение «Крoваяя сказка» доказывает, что поэзия опередила историю великого преступления, что чувства поэта слились с чувствами сербского народа и всех славян.

Строки «Крoваяя сказки» врезались в сердце народа, как вырезаны в здании Крагуевацкой гимназии. Десанка Максимович благодаря своей поэзии принадлежит своей стране, своему народу, а человеку – благодаря сборнику «Мне жаль человека». Когда речь идет о свободе, истине и правде, она категорична: «али, ако слобода и на живот моје браће чека,/ ако треба бранити истину неку, спокојни будите,/нећу им рећи да са бојног поља утеку» (С.187). Свои чувства к родине, Сербии, поэт переживает интимно, тайно, превращая их в миф:

Србија је велика тајна;
Не зна дан, шта ноћ кува,
нити ноћ, шта зора рађа...
(С. 202)

Сербия – великая тайна:
День не знает, что ночь отковала,
А ночь – что на заре родится...³
(перевод Б. Слуцкого)

Вторая мировая война принесла много жертв. Славянские народы заплатили высокую цену за свободу. Бойцы Красной армии прошли путь от России до Сербии, до Берлина. За собой они оставляли могилы своих боевых товарищей. Они боролись за свободу. На кладбище в Сомборе 2000 солдат нашли вечный покой после известной Батинской битвы. Стоян Бербер, рассказывая об этом историческом событии в сборнике стихов «Небесный паром», показывает героизм этого времени:

Забиякин поручник
јури самохотком
небом батинским,
стреља
из челичне гробнице
ко му на нишан дође⁴

Поручник Уразов
привлачи се рукама,
баца бомбе,
чисти непријатељско гнездо⁵.

Забиякин лейтенант
мчится на самоходке
в батинское небо,
стреляет
из стальной могилы
когда оно попадает на глаза

Лейтенант Уразов
руками собирает,
бросает бомбы,
чистит гнездо врага.

(перевод Е. Шатъко)

Литераторы на основе реальных событий воплощали реальность и мечты целого поколения, чья молодость была отдана войне. Добрица Чосич в своем романе «Солнце далеко» показывает трудности и противоречия Расинского партизанского отряда, окруженного немцами на горе Ястребац. В романе «Раздел» Чосич описывает переделы Сербии, которые, как злой рок, сопровождают сербский народ от Косова до сегодняшнего дня и которые во время Народно-освободительной борьбы привели к братоубийственной войне. Бранко Чопич привнес в сборник рассказов «Случаи из жизни Николетины Бурсача» юмор. В романе для детей «Орлы летят рано», вдохновленный народной традицией, он в игровой форме, с юмором и эпизодами детских проказ смягчает картину ужаса, смерти и страдания. Джордже Лебович в автобиографическом романе «Semper idem» показывает атмосферу в оккупированном Сомборе, жизнь евреев, погромы сербов и евреев, будто предчувствуя Освенцим, в котором он встретил конец войны. Картины реальных военных событий, погромы, преступления литераторы изобразили так, как сами их переживали и как хотели, чтобы читатель их пережил.

Примечания

¹ *Максимовић Д.* Сабране песме, Друга књига, 1985 С. 173. В дальнейшем цитируется это же издание, страницы указаны в тексте.

² Поэты Югославии XIX–XX вв. М., 1963, С.336.

³ *Максимовић Д.* Стихотворения. М., 1971 С.150.

⁴ *Бербер С.* Небеска скела, Српска читаоница и књижница. Ириг, 1988. С. 42.

⁵ Там же. С.28.

МИРОВАЯ ВОЙНА В ПРОГНОЗАХ ЧЕШСКИХ ФАНТАСТОВ (КАРЕЛ ЧАПЕК, ЯН ВАЙСС, ИРЖИ ГАУССМАНН)

Наука о литературе интересуется в основном пост-рефлексией художественной словесности на тему Второй мировой войны (опыт, последствия, уроки). Возможен, однако, и иной подход: «война как предчувствие» в литературе предвоенных лет. При этом в центре внимания оказываются главным образом фантастические произведения с прогностической функцией. В чешской межвоенной драматургии и прозе данный тип текстов представляют, в частности, пьесы К. Чапека «R.U.R.» (1920), «Белая болезнь» (1937) и (отчасти) «Адам-творец» (1927) и «Мать» (1938), его же романы «Фабрика абсолюта» (1922), «Кракатит» (1924) и «Война с саламандрами» (1936), а также ряд рассказов и роман «Дом в тысячу этажей» Я. Вайсса (1929) и памфлет И.Гауссмана «Фабричное производство добродетели» (1922).

Три заявленных автора значительно разнятся по жизненному опыту (включая наличие/отсутствие военных впечатлений), задачам творчества и художественной манере. Сопоставительный анализ, однако, позволяет без труда выявить в их произведениях общие характеристики: проблемно-тематическое поле, связанное с прогнозом развития социально-политических процессов, могущих привести в более или менее близком будущем к новой мировой войне; единые принципы создания фантастической образности, родственные композиционные схемы (история изобретения, хроника вымышленных событий) и жанровые формы (антиутопия, притча, роман-памфлет), схожие способы повествования (смена рассказчиков, авторский комментарий).

Место и роль военной темы при этом варьируются от основных («Белая болезнь») до фоновых и косвенных («Дом в тысячу этажей»). Различна и степень конкретизации прогнозов, их привязки к реальной исторической ситуации (минимальна в произведениях 1920-х, максимальна во второй половине 1930-х гг.) и опыту Первой мировой (обратная зависимость). Однако в совокупности тексты создают вполне целостное представление о том, какой видится чешским фантастам грядущая война.

Привлекает внимание обоснование экономической основы будущего конфликта, изображение мировых промышленных корпораций (заводы «МЕАС», комбинат в Балтине, монополии острова Утопия, тысячэтажный дом-город-государство) и их руководителей (Карсон, Бонди), а также политических ставленников магнатов, защитников их интересов и проводников их воли – тиранов, диктаторов, военных вождей, мнящих себя избранныками Провидения (Муллер, Маршалл, Вер-

ховный саламандр). Эти персонажи подчас обретают мифологизированный облик, воспринимаясь как inferнальные архетипы, воплощение вселенского зла («Кракатит», «Дом в тысячу этажей»).

Не менее точно охарактеризован и противоположный полюс: толпа, послушные солдаты, исполнители приказов Великих. Тревогу авторов вызывает милитаризация социума и бессилие творческой интеллигенции перед однородностью механизированных масс («R.U.R.», «Белая болезнь»). Исследуются механизмы утверждения идеологического диктата (националистические и расовые теории в «Адаме-Творце», «Войне с саламандрами», «Белой болезни») и способы манипулирования общественным сознанием (деятельность концерна «Вселенная» в романе Я. Вайсса).

Подробно воссоздана роль науки и ее представителей – творцов-одиночек и целых инженерных коллективов – в создании средств массового уничтожения, от кракатита в одноименном романе К. Чапека до биологического оружия у Я. Вайсса. В основе большинства сюжетов лежит некое изобретение: рецепт изготовления роботов, карбюратор инженера Марека, «агатергия» профессора Фабрициуса. И хотя порой сюжетная посылка носит условный характер (уничтожившая мир Пушка отрицания в пьесе «Адам-творец»), нельзя не признать за авторами удивительной точности предвидений. В их числе атомная энергия («Фабрика абсолюта»), планетарные эпидемии («Белая болезнь»), газовые камеры («Дом в тысячу этажей»).

Наконец, весьма достоверно предсказан глобальный характер грядущей войны – массовые разрушения и жертвы, вплоть до полной («R.U.R.») или почти полной («Война с саламандрами») гибели людей, – а также ее последствия, в том числе экологические катастрофы, смена общественных укладов и политических режимов (революции анархистского и социалистического толка в «Адаме-творце», «Фабричном производстве добродетели»).

Актуальность прогнозов отнюдь не была утрачена с концом Второй мировой войны. Проблематика книг чешских фантастов – как и их зарубежных коллег, от Г. Уэллса и О. Степлдона до Д. Симмонса и П. Уоттса, – гораздо более широка, нежели просто попытка предсказать ход мировой истории на несколько десятилетий вперед. Главный тезис социально-философской фантастики XX столетия не опровергнут до сих пор: цивилизация слишком стремительно движется по пути прогресса. Социальные институты, нравственность и мораль катастрофически отстают от развития технологий. Это чревато новыми кризисами и войнами, в перспективе – угрожает самому существованию человечества.

Б. КОСАНОВИЧ

(НОВИСАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, СЕРБИЯ)

ЛЕРМОНТОВСКИЕ ТЕМЫ И МОТИВЫ В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ МИХАИЛО ЛАЛИЧА

Доклад является результатом авторских исследований восприятия творчества М.Ю. Лермонтова в Сербии.

Черногорско-сербский писатель Михаило Лалич (1914–1992) прославился своими романами «Свадьба» (1950), «Ненастная весна» (1953), «Разрыв» (1955–1969), «Лелейская гора» (1957/1962), «Облава» (1960), «Военное счастье» (1973) и др. Главной темой творчества Лалича была Народно-освободительная и гражданская война 1941–1945 гг. Лалич был известен как писатель, который не придерживался упрощенного, стереотипного черно-белого описания партизанской борьбы. Его преимущественно интересовали сложные, запутанные человеческие судьбы, будь то судьбы революционеров или четников. Драматическая борьба, сложные переживания, душевные волнения, развертываемые в психоаналитическом ключе, сомнения и страдания представлены так, что они постоянно переплетаются. Присутствие демонических сил зла и причудливые, бредовые видения преследуемых героев пополняют впечатление о фантазмагоричности военного образа мира.

Под конец жизни Лалич написал драму «Разгромленные» (1989), из которой, путем трансформации, получился интересный смелый антидогматический роман «Тамара» (1992). В нем идет речь о трагической судьбе студентки-коммунистки Тамары Годачич, невинно пострадавшей в черногорских партийных чистках. Конечно, в ткань романа часто вплетаются реминисценции на известную лермонтовскую поэму. Интересно, что писатель где-то в начале романа прямо намекает на Лермонтова, намеренно цитируя восемь стихов из перевода Й. Йовановича Змая.

М.Ю. Котова

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

СТИЛИСТИКА ВОЕННОЙ ТЕМЫ В ПРОЗЕ ЙОЗЕФА ШКВОРЕЦКОГО

Автобиографический герой Данни Смиржицкий, появившийся из-под пера чешского писателя Йозефа Шкворецкого в 1948 году, фигурирует в большинстве его произведений, в которых затрагивается тематика Второй мировой войны («Příběh inženýralidských duší», «Prima sezona», «Vas saxofon», «Red Music» и др.). В докладе основное внимание уделено стилистическим особенностям двухтомного романа

«Příběh inženýra lidských duší» (1977).

Ich-повествование в этом романе и в других прозаических произведениях Й. Шкворецкого не позволяет читателю избавиться от ощущения, что главный герой – это сам писатель, который предпочитает оставаться под псевдонимом Данни Смиржицкого. Й. Шкворецкий неоднократно признавал автобиографичность своего героя, в частности в своих мемуарных публикациях в чешском литературно-критическом журнале «Dappu», названном в честь этого самого популярного персонажа в творчестве писателя.

Нарратив в виде отображения непрерывного потока сознания Данни Смиржицкого / Йозефа Шкворецкого ведет к размытости композиционной структуры романа, в котором фактически параллельно сосуществуют два пласта: описание эмигрантского настоящего в Канаде и воспоминания о прошлой жизни в Чехии во время Второй мировой войны. Таким образом, налицо все признаки нетипичного повествования.

Реминисценции из военных лет при этом постепенно приобретают канонический оттенок и формируют главный нравственный стержень Данни, что заметно в идеализации воспоминаний о совсем не идеальных, но близких герою, давно ушедших людях – его возлюбленной Наде, друзьях, родителях.

Эта идеализация во многих сюжетных линиях военного пласта романа развивается крещендо и достигает героизации как его друзей, так и самого повествователя, представленных в романе скромными борцами чешского народного сопротивления гитлеровской оккупации, использующими все доступные средства для отпора фашизму. По признанию Й. Шкворецкого в его книге эссе «Samožerbuch», написанной совместно со З. Саливаровой, эти факты его борьбы с нацизмом сильно преувеличены по сравнению с его собственной биографией.

Прозу Й. Шкворецкого отличает стилистическая черта, которую чешское литературоведение называет «vícejazyčnost» (многоязычие). Его герои легко переходят с чешского языка на английский или немецкий, и по этому переключению языковых кодов читателю легче определить, в каком именно из временных пластов пролегал повествование. Но если английский язык как средство коммуникации в среде окружения прорастает и в родном чешском в форме английских вкраплений, создающих в речи некоторых чешских эмигрантов (например, Блбьенки) некий гибридный разговорный англо-чешский субстрат, то немецкий язык используется писателем исключительно функционально для описания диалогов Данни с немцами. Последняя черта проявляется и в новелле «Бас-саксофон», и в романе «Сезон что надо». Однако есть и исключение: в одном из военных эпизодов романа «Příběh inženýra lidských duší» диалог Данни с немецким

обермайстером Уиппелтом идет, по инициативе немца, не по-немецки, а по-английски, то есть на языке противника Германии, что важно для создания характеристики взаимоотношений немецкого персонажа с Данни, которому английский ближе, чем немецкий.

Общечеловеческие ценности (например, увлечение джазом, запрещенном в фашистской Германии, и пр.), значимость которых неожиданно выявляется в диалогах Данни с некоторыми немцами, определяют в ряде эпизодов нейтральную объективацию их облика. Но такие факты малочисленны и не влияют на общую негативную оценку фашизма (ненависть чехов к нацистам, жажду мести, внутреннюю непримиримость при вынужденной покорности), раскрытую писателем: например, в признаниях Нади и ее друзей.

Таким образом, канонизация воспоминаний героев о годах в Чехии времен Второй мировой войны как постоянного подтекста настоящего – одна из важнейших стилиобразующих черт художественной прозы Йозефа Шкворецкого.

О.В. ЛАПШИНА

*(САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО)*

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ ГЕОРГИЯ ЭФРОНА (ПО ДНЕВНИКАМ И ПИСЬМАМ)

Георгий Сергеевич Эфрон (1925–1944) – сын великого русского поэта М.И. Цветаевой, оставил после своей короткой девятнадцатилетней жизни дневники, письма, рисунки, сборник стихов и прозы «Проба пера».

Дневники (1940–1943) Г.С. Эфрона, написанные на русском и французском языках, интересны и как источник о последних годах жизни М.И. Цветаевой, и как свидетельство современника о жизни в СССР в предвоенные и военные годы. Тем более, что это взгляд на события подростка, приехавшего из Франции в СССР, человека культурного и образованного, свободного в своих суждениях и оценках. Войну Г.С. Эфрон воспринимает, прежде всего, как Вторую мировую, а политику ведущих стран – Германии и СССР – определяет как «искусную и опасную игру» (1; 82)¹. Уже 16 июля 1940 г. он предполагает, что договор о ненападении, заключенный между СССР и Германией, – «только стратегический маневр – недолговечный» (1, 81); «если Германия победит, она непременно пойдет против нас» (1; 81).

В дневнике 1940 г. фиксируются его впечатления о том, как постепенно меняется жизнь в стране: введены восьмичасовой рабочий день, семидневная рабочая неделя (1; 95), уроки военного дела в старших классах школы (1; 183), вышли приказы о платности обучения в

старшей средней и высшей школах (1; 203) и о мобилизации молодежи в ремесленные и железнодорожные школы-училища (1; 203).

Автор детально описывает Москву в первые военные дни и месяц: назначен вечерний час, столица покрылась антинемецкими и патриотическими плакатами, показывают антинацистские фильмы (1; 398), введены карточки на продукты (1; 467), Георгий Эфрон назначен пожарным – тушить бомбы на крыше (1; 419). После первых бомбежек столицы население охватывает паника и страх, начинаются массовые эвакуации.

Второй том дневников (1941–1943) отражает борьбу за выживание подростка, оставшегося сиротой после самоубийства матери. Голод, болезни, одиночество, постоянные мысли о добывании еды не сломили внутреннего духа автора: он по-прежнему хорошо учится в школе, много читает, анализирует военные события, верит в свою счастливую звезду, тоскует по Франции.

Наступает разочарование в марксистских идеалах, привитых отцом, первоначальное стремление стать «советским человеком» сменяется критикой советского государства: «Я почти уверен, что “опыт”, даже в случае победы над Германией, окончательно провалится. Он приносит всем слишком много несчастья. [...] Как и до революции, народ глупый, грязный, малокультурный [...]» (2; 109) (перевод с фр. – В.К. Лосской). Острой критике подвергается поведение советской интеллигенции: «Из разговоров явствует, что жалеют не о Днепротэсе и майкопской нефти, а о санаториях в Кисловодске и дачах» (2; 138).

Г. Эфрон осознает, что в этой войне СССР несет самые тяжелые потери. И в то же время верит в победу «самого дезорганизованного» и «не способного к порядку народа» над немцами (2; 102). Большую роль в прогнозируемом разгроме Германии Г. Эфрон отводит помощи союзников – Англии и Америки, его дневники полны ожидания открытия Второго фронта.

Описание мобилизации и военных будней находим в письмах 1943–1944 гг. В них встречаются и резко негативное восприятие резервной армии – «выпущенных уголовников», и удивление сказочным русским «богатырям-силачам» на фронте².

В дневниках и письмах меняется тональность записей о войне: от захватывающего интереса к «историческому времени» (2, 63) до понимания личной и всеобщей беды, рока, преследующего семью: «Неумолимая машина рока добралась и до меня»³. Георгий Эфрон был ранен в бою под Витебском и пропал без вести в июле 1944 г. По собранным С.В. Грибановым воспоминаниям, Георгий Эфрон был страшным воином.

Примечания

¹ Здесь и далее дневники Г.С. Эфрона цитируются по изданию: *Эфрон Г. Дневники*. В 2 тт. М., 2004, с указанием в скобках номера тома и страницы.

² *Эфрон Г.С. Письма*. М., 2002. С. 172, 189.

³ Там же. С. 102.

Э. Льяйич

(САРАЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

ТРАГИЗМ ВОЙНЫ (РАССКАЗ Ч.СИЯРИЧА «ЖЕНЩИНА В НОЧИ»)

Рассказ Ч. Сиярича «Женщина в ночи» раскрывает глубокую трагедию коллектива и личности: группа женщин в годы военного лихолетья осуждена на смерть, а одной из них предоставлена ужасное право решать, кому жить, а кому умереть. Она вынуждена распределять дукаты, при помощи которых осужденные на смерть могут купить себе жизнь. На первый взгляд, кажется, что героиня рассказа находится в более выгодной позиции, чем остальные, однако на самом деле на ее плечи ложится неподъемный груз. Последний дукат, который она берегла для себя, она бросает в воду, осудив себя на смерть, или, точнее, предпочитая смерть жизни, где бы ее преследовали души убитых вследствие ее выбора женщин.

Интересно, что этот рассказ был написан Сияричем через сорок лет после Второй мировой войны, свидетелем и активным участником которой был писатель. Значительная временная дистанция обуславливает относительный рационализм видения автором ужасных событий 1939–45 гг., отличающегося от предшествующих попыток других литераторов. Этот рассказ был написан за несколько лет до повторения подобных злодеяний в тех же самых местах в сходном идеологическом контексте.

Прекрасный стилист, Сиярич придает романтическим картинкам символическое значение. В начале рассказа месяц, мост и звезды отражаются в воде, но зеркальное отражение предсказывает в дальнейшем поставленную с ног на голову жизнь, где ненормальное становится нормальным, где добро (а оно воплощено в образе женщины, раздающей дукаты и обозначенной по имени мужа) превращается в свою противоположность. При этом рассказ не ограничивается символическим противостоянием добра и зла: героиня Сиярича – живой человек со своими достоинствами и недостатками, но человек, наделенный совестью, человек, нашедший единственный выход из безвыходной ситуации, отказавшийся от последнего дуката – своего спасения.

Именно такой взгляд на жизнь отличает Сиярича от большинства писателей бывшей Югославии. И когда он пишет о войне, он пишет о людях. И когда он пишет о жертвах, он пишет о живых людях, потому что он по собственному опыту знает, что война, прежде всего, происходит в душе человека, и из этого знания у него, прекрасного стилиста, рождаются рассказы.

А.Д. МАГЛИЙ

(МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА)

**ВОЕННАЯ ЛИРИКА «ДВАДЦАТИЛЕТНИХ»,
ПОКОЛЕНИЯ «ВРЕМЕНИ БУРЬ»
(К. БАЧИНСКИЙ, Т. ГАЙЦЫ, А. ТШЕБИНСКИЙ)**

«Культуру рождают боль и мужество».

А. Тшебинский

«Времена не выбирают, в них живут и умирают».

А. Кушнер

В период Второй мировой войны и в России, и в Польше появилась целая плеяда талантливых поэтов, отразивших в стихах своё время, жестокое, залитое кровью – «время бурь». Уходя в огонь и смерть совсем ещё юнцами, многие из них так и не вернулись с фронта. О себе, о своем поколении – студентах-сверстниках, расстрелянных, погибших на полях сражений, – М. Кульчицком, П. Когане, Н. Майорове, Б. Смоленском, Н. Отраде – Д. Самойлов скажет:

Как это было! Как совпало!
Война, беда, мечта и юность

Война гуляет по России,
А мы такие молодые!¹

Польский поэт К. Бачинский в стихотворении «Поколение» («Pokolenie», 1943) так напишет о своём поколении – «поколении Колумбов», на долю которого выпали тяготы и горечь войны: «Мы вырастали трудно, чтоб дорасти до смерти» (перевод А. Гелескула)². Позднее в его стихотворении «Варшава» («Warszawa», 1946) предстанут «поколений черные лица», а родной город превратится в «болью вспаханную столицу» (перевод А. Гелескула). Во время войны в оккупированной Варшаве на протяжении нескольких лет выходило подпольное издание – «Искусство и народ» («Sztuka i Naród»). На страницах этого альманаха печатались стихи польских поэтов – ровесников войны. Многие из них бесследно утрачены, сгорели в дни Варшавского восстания в 1944 г.

Как отмечает переводчик А. Гелескул, в поэзии «двадцатилетних»: К. Бачинского, Т. Гайцы, А. Тшебинского – польского Ницше, по выражению Ч. Милоша, «много горечи, но нет ненависти и жажды мести; её ключевые слова – любовь и добро». Зло же – это «великан, который «упился, а проспится – образумится»³. Написанные во время,

когда мир переполнен злом и жестокостью, когда испокон веков существовавшие ценности обесцениваются, заповеди нарушаются и *Человек убивает Человека*, поправ заповедь «Не убий», стихи «двадцатилетних» отличает особая поэтика – поэтика «катастрофизма». Ностальгия по миру любви, добра и гармонии звучит в строках, наполненных апокалиптическими образами.

Ностальгия по светлому, радостному мирному времени особенно проявилась в «Снежной песенке солдата» К. Бачинского («Piosenka śnieżna żołnierza», 1944. Перевод А. Гелескула):

Все забыто и безответно, что любили до иступленья –	руки девушек, брызги ветра, над озерами сны олени. ⁴
--	--

В «Поколении» дан апокалиптический образ мира – земли, покрытой «реками огня и гари» и образ «холодного потопа». В мире, искаженном бедствиями войны, «солнце в ночном кошмаре катится с гильотины», а счёт времени потерян: «стоит ли, течет время» («stoi czy rypnie czas»).

Стихотворения «двадцатилетних» наряду с почти идиллическими картинками, в которых проступают библейские мотивы и аллюзии, наполнены натуралистическими образами, порожденными ужасами войны. Это поэтика контраста, основой которой стала извечная оппозиция добра и зла, рая и ада, небесного и земного, Господа и сатаны: «Уже сатана или Бог показал нам и кровь, и сталь в городах, над которыми медленный дым» (К. Бачинский «Снова осень», 1942. Перевод Г. Ефремова)⁵. Образ земли, покинутой Богом, (земля часто переводится как сад) становится ключевым для многих стихотворений «двадцатилетних». В «Молитве» К. Бачинского:

и брошен Господом, как мертвый, – что я могу под этим небом? а «мир не садом дышит – мором» («z ziemi nie owoc – zaduch trupi», «Modlitwa», 1942. Перевод Б. Дубина) ⁶ .

Т. Гайцы в стихотворении «О нас» («O nas». Перевод А. Гелескула) скажет:

А полыхнет закатом огненной капли трепет	небо садовой тропкой к сердцу вернет и встретит. ⁷
---	--

Надеждой на спасение проникнуты строки стихотворений «Прежде чем уйти» («Przed odejściem»), «Пристань» («Przystań») Т. Гайцы. Многие стихотворения «двадцатилетних» написаны в боевом духе тиртейской лирики:

Поход ударной группы и мой (и мой, и мой).
Так в солнечное утро мы песню запоем.
Землей славянской мягкой легко идти на бой [...]
И хоть бы не вернулся к тебе я цел и жив,

Я нес в твоих колосьях славянских запахов жнив.⁸
А. Тшебинский «Поход ударной группы»
(перевод Н. Горбаневской)

Примечания

¹ *Самойлов Д.С.* Сороковые // *Михайлина О.В.* Строки, добытые в боях. Поэты Великой Отечественной войны. Справочно-библиографическое пособие. Тула, 2015. С. 4.

² *Бачинский К.К.* Поколение // *Гелескул А.М.* Двадцатилетние // *Иностранная литература*, 2005, № 10. С. 154.

³ *Гелескул А.М.* Двадцатилетние // *Иностранная литература*, 2005, № 10. С. 153.

⁴ *Бачинский К.К.* Снежная песенка солдата // *Гелескул А.М.* Двадцатилетние // *Иностранная литература*, 2005, № 10. С. 156.

⁵ *Бачинский К.К.* Снова осень // *Новая Польша*, 2004, № 11. С. 11.

⁶ Там же.

⁷ *Гайцы Т.* О нас // *Гелескул А.М.* Двадцатилетние // *Иностранная литература*, 2005, № 10. С. 157.

⁸ *Тшебинский А.* Поход ударной группы // *Акопова Н.* Анджеж Тшебинский // *Лексикон*, 2011, выпуск 60. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lexicon555.com/voina2/tshebinsky.html>.

О.А. МЕЩЕРЯКОВА

(ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.А. БУНИНА),

Н.В. ШЕСТЕРКИНА

(МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.П. ОГАРЕВА)

ПОЭТИКА СТИХОТВОРЕНИЯ В. И. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА «СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»

«Священная война» – патриотическое произведение периода Великой Отечественной войны, поднимавшее солдат на бой, – стало гимном защиты Родины. Стихи, написанные В.И. Лебедевым-Кумачом, были опубликованы уже 24 июня 1941 г. В настоящее время «Священная война» остается самым популярным лирическим текстом о том периоде жизни нашей страны и выступает символом памяти о нём.

Слово *священный*, вынесенное в заглавие, имеет несколько значений. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова отмечаются такие, как: ‘обладающий святостью, признаваемый божественным (церк.)’; ‘связанный с религиозным культом, относящийся к богослужению (церк.)’; ‘оправдываемый религией, соответствующий религиозно-нравственному идеалу (церк., ритор.)’; (перен.) ‘необычайный, возвышенный, как бы мистический (поэт., устар., иногда ирон.)’; (перен.) ‘дорогой, заветный (книжн. ритор.)’; (перен.) ‘чрезвычайно почетный, высокий, исключительный по важности. неукоснительный (книжн. торж.)’. На наш взгляд, ни одно из них (особенно, если учитывать атеистический нас-

трой того времени) не отражает в полной мере содержания (что есть в тексте) и того, что есть сам текст.

С одной стороны, заглавие текста «Священная война» указывает на авторскую оценку событий: праведные цели вступающих в бой, справедливый характер ведения войны. Не случайно в самом тексте развертывается словесный ряд аксиологических эпитетов и метафор: [...] *смертный бой // С фашистской силой темною, // С проклятой ордой!*; *Не смеют крылья черные // Над Родиной летать [...]; Гнилой фашистской нечисти // Загоним пулю в лоб.* Они дополняются перифразами, которые также несут оценочный характер нравственного начала нападающих на Советскую страну: *Дадим отпор душителям // Всех пламенных идей, // Насильникам, грабителям; // Мучителям людей!* Идея соответствия войны нравственному идеалу советского человека уходит вглубь народных представлений о чести, справедливости, и в этом отношении она выступала универсальным объединяющим началом для людей многонационального Советского Союза.

С другой стороны, употребление в тексте сочетания *священная война* формирует историческую и политическую аллюзию. В истории уже были «священные войны»; к примеру, так назывались войны религиозного характера, когда все члены Дельфийского союза в Греции клялись охранять неприкосновенность Дельфийского храма, соблюдать во время войны некоторые правила пощады, не нападать на соплеменников во время празднеств и т.д. Не исполнивший постановления союза являлся преступником против религии и наказывался.

Наконец, сочетание *священная война* имеет функцию отсылки стихотворения к текстам особого характера – сакральным текстам. Сакральное (от лат. *sacrum* – священный предмет, священный обряд, таинство, мистерия) – священное, заветное; о словах, речи: имеющее магический смысл, звучащее как заклинание. Сакральность выступает основой поэтики данного текста. Конечно, можно говорить о том, что вся поэзия происходит из первоначального сакрально-поэтического (Н.О. Гучинская¹). Однако для стихотворения начала Отечественной войны именно актуальность неосознаваемого включения религиозного мышления (в отличие от обыденного сознания, «здорового смысла», научного, логического мышления») стала основой его и создания, и восприятия. Соединение сакрального и поэтического, по Канту, «возбуждает массу невыразимых словами ощущений и побочных представлений»². «Священная война» была текстом песни, «уподобляющейся» жанру первобытной синкретической народной поэзии, – песне хора как составляющей синкретического ритуального действия. Присутствие многих лингвопоэтических элементов доказывает соприродность, гомогенность сакрального и поэтического. Кроме того, основу поэтики стихотворения «Священная война» составляет ее близость *народной молит-*

ве, которая, восходя к каноническим и апокрифическим молитвам, имеет сугубо прагматическую цель применения, конкретную «полезность».

Указанные черты составляют основу поэтики стихотворения В.И. Лебедева-Кумача «Священная война».

Примечания

¹ Гучинская Н.О. Hermeneutica in nuce: Очерк филологической герменевтики. СПб., 2002. 128 с.

² Цит. по: Абрамов С.Р. Сакральный и поэтический текст как предмет филологической герменевтики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 36 с.

В.Г. МОИСЕЕВА

(МГУ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА)

ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ В.П. НЕКРАСОВА 1950–1960-х ГОДОВ

По общему признанию критики, Виктор Платонович Некрасов является одним из основоположников нового подхода к освещению военной темы в послевоенной русской литературе, получившего дальнейшее художественное развитие в так называемой «лейтенантской прозе». Это – ставшее на сегодняшний день аксиоматичным – утверждение определяет роль в литературном процессе второй половины 1940-х – начала 1960-х гг. повести Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946). Военная тема раскрывается и в более поздних произведениях писателя, однако в настоящий момент они оказались забыты, на наш взгляд незаслуженно. Речь идет, прежде всего, о новеллистике Некрасова 1950-х – 1960-х гг.

Часть рассказов 50-х гг. («Сенька», «Рядовой Лютиков», «Судак», «Вторая ночь») можно объединить в цикл под условным названием «рождение героя». В основе их сюжетов лежит одна из наиболее распространенных новеллистических коллизий – «узнавания». Общность этих произведений определяется и типом героя – все они, по толстовскому определению, люди «мира», не приспособленные к военной жизни. В рассказах этой группы писатель ведет полемику с литературными штампами, существовавшими в те годы, в подходе к изображению «слабых» людей («Рядовой Лютиков», «Судак»), дезертирства на фронте (рассказ «Сенька»).

В рассказе «Вторая ночь» показана ситуация первой встречи с врагом, первого убийства, которое тяжело, нравственно и психологически, переживается героем – молодым бойцом Ленькой Богорадом. Критика тех лет обвиняла автора в том, что он «отступил на позиции абстрактного, всеобъемлющего человеколюбия, сдал позиции подлинного социалистического гуманизма»¹. В начале 60-х Некрасов обраца-

ется к тем проблемам, о которых военная проза заговорит позднее, в 70-е гг., когда она по своей сути становится антивоенной (вспомним повести В. Астафьева «Пастух и пастушка», В. Кондратьева «Сашка»).

По композиционным особенностям объединяются в одну группу рассказы, в основе сюжета которых лежит интересный, занимательный случай. Это может быть встреча с бывшим саксонским королем («Август-Фридрих-Вильгельм»); непривычный поворот обыденной на фронте ситуации нехватки бойцов («Вася Конаков») или военной неразберихи («Переправа»); страстная и несколько странная на фоне осажденного города приверженность молодого радиста к чтению («Посвящается Хемингуэю»); неожиданное разоблачение нового бойца, оказавшегося писателем («Новичок»). В каждом из этих рассказов присутствует элемент неожиданности, таинственности, интригующий читателя. В выборе основной сюжетной ситуации ощущается связь с традициями классической новеллы, строящейся на анекдоте, занимательном происшествии. Но содержание рассказов выходит за рамки частных случаев. Происходит это за счет присутствия в тексте образа рассказчика – участника событий, через призму восприятия которого они даются. Эти произведения отличает ярко выраженное лирико–публицистическое начало, привнесение которого в прозу, открывает перед автором возможность сочетания лаконичности изображения и особой многозначности образа.

В творчестве Некрасова сосуществуют две разнонаправленные тенденции: стремление к размыванию границ между «миром вымысла» и действительностью и утверждение автономности сотворенной художником реальности и права писателя на «волюнтаристическое» отношение к фактам. В этом плане показателен один из лучших рассказов В. Некрасова 60-х гг. – «Случай на Мамаевом кургане» (1965), где с документальной точностью изображается фантастическая ситуация возвращения героя в военное время. Фантастика служит в рассказе средством художественного выражения идеи неразрывной связи разных эпох и человека со своим временем.

Новеллистика Некрасова интересна для историка литературы как пример поиска новых художественных форм и преодоления, разрушения идеологических канонов в русской военной прозе 1950-х – 1960-х гг.

Примечания

¹ Бушин В. Солдат и Джоконда // Москва. 1963, № 12. С. 195.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТАХ ОДНОГО АВТОРА

Отличия устной и письменной речи очевидны и достаточно подробно рассмотрены, например, во второй половине прошлого века в работах лингвистов, исследующих функционально-стилевую дифференциацию языка (см. работы Е.А. Земской, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой и т.д.). Влияние на отбор языковых средств формы речи, степени её подготовленности, официальности, объём и статус явления *разговорная речь* – актуальные для того времени темы для обсуждений.

Имея разную материальную основу, письменная и устная речь по-разному организуют текст, причём если авторы письменных текстов имеют время для обдумывания этой организации, то устная речь формируется в условиях цейтнота, поэтому, как считают лингвисты, порядок слов, самоперебивы, перестройка предложений на ходу, меньшие возможности использования синонимов, однако большие возможности интонации, активность местоимений, частиц, лексические повторы – её отличительные черты. Сравнение устных воспоминаний о Второй мировой войне и письменных вариантов этих воспоминаний одного и того же автора¹ хорошо иллюстрирует приведённые выше языковые характеристики устной речи (во фрагменте из устных тестов наиболее показательные отличия выделены):

Из устных текстов: *«Обход делали двора университетского / чтобы никого постороннего там не было // Однажды поймали так сказать постороннего // Оказался что он студент мединститута Московского // И вот он 16 октября убежал из Москвы / на чем он доехал я конечно не знаю / но он попал в Саратов [...]». Вот такая была тогда вот паника».*

Из книги воспоминаний: *«Делали обход университетского двора, чтобы никого постороннего там не было. Однажды поймали такого, так сказать, постороннего. Им оказался студент Московского мединститута. 16 октября он убежал из Москвы, на чем доехал – не знаю, но попал в Саратов [...]». Вот такая была паника».*

Современная антропоцентрическая парадигма позволяет с большим вниманием отнестись к фигуре автора речи, вплоть до его эмоционального состояния в момент создания текста, и в этом аспекте оценить выбор им языковых средств выражения. Конечно, в этом отношении особо интересен устный текст, поскольку и с точки зрения дистанции между *мыслью* и *словом*, и с точки зрения отсутствия «посредников» в лице редакторов, корректоров он существенно отли-

чается от текста письменного. Приведём фрагмент из устных воспоминаний:

«Ощущение было [...]. // Во-первых общая обстановка в мире / победоносное наступление гитлеровских войск на западном фронте / захват одной другой третьей страны // И вот ощущение что страшно // Вот-вот что-то может начаться // Но были всякие успокоительные сообщения ТАСС / поэтому более-менее шла нормальная жизнь // Но при этом каждую ночь мимо нашего дома / я жила тогда на Комунарной теперь она Соборная / около Липок / шли грузовые машины с военными и их отправляли ближе к западной границе / поэтому было вот такое тревожное ощущение».

В данном, как и в аналогичных проанализированных нами фрагментах устной речи с сильной эмоциональной составляющей (эмоции в момент воспоминаний о войне с годами не стали слабее), волнение автора передаётся, в частности, стремлением к градации текста (будто это отражение учащенного сердцебиения): *захват одной другой третьей страны*, настойчивым повтором ключевых слов (*ощущение, ощущение, тревожное ощущение*), насыщенностью оценочной лексикой разной стилистической природы (*победоносное, страшно, успокоительные, вот-вот, более-менее, тревожное*), частотностью местоимений, частиц (*и вот, вот такое*) и т.д. В письменный вариант этих воспоминаний описание *ощущения* войны не вошло.

Таким образом, отличия письменной и устной форм речи связаны не только с их разной материальной природой, но и с разным участием в их формировании фигуры автора.

Примечания

¹ Сиротинина О.Б. Жизнь вопреки, или я счастливый человек. Саратов, 2009. 290 с.; Сиротинина О.Б. Война коснулась и моей семьи // Война коснулась и нашей семьи. Саратов, 2014. С.46–51.

В.О. НЕЧАЕВСКИЙ

(ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МО РФ)

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ИЗМЕНЕНИЕ И УНИФИКАЦИЮ ПОЛЬСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Кодификация польской военной терминологии началась после восстановления независимого польского государства в 1918 г. В ходе работы польские терминологи столкнулись с влиянием сразу трёх языков – немецкого, русского и французского. Влияние первых двух было связано с тем, что до обретения государственности территория Поль-

ши находилась в составе Германии, Австро-Венгрии и России, где под влиянием немецкого и русского языков формировались соответственно «познаньский», «галицийский» и «конгрессовский» варианты польского литературного языка¹. Влияние французского языка на польскую военную терминологию объясняется, во-первых, формированием на территории Франции в 1917–1918 гг. так наз. «голубой армии» генерала Ю. Халлера, сыгравшей впоследствии решающую роль в советско-польской войне 1919–1920 гг., и, во-вторых, сохранением за Францией в межвоенный период статуса важнейшего политического и военного союзника Польши.

С вышеозначенным влиянием связано присутствие в межвоенный период определённой терминологической дублетности. Так, например, ‘сапёр’ в различных документах того времени обозначается как *saper* (влияние русского языка или от фр. *sapeur*) и *pionier* (от нем. *Pionier*), а такое подразделение, как ‘велосипедный эскадрон’ – терминами *szwadron cyklistów* (от фр. *cycliste*) и *szwadron kolarzy* (калька с нем. *Radfahrer*)².

После окончания Второй мировой войны, в результате которой Польша оказалась в сфере влияния СССР, польская военная терминология подверглась определённым изменениям по сравнению с предвоенной как под влиянием русского языка, так и в связи с изменениями, произошедшими в концепции строительства и использования вооружённых сил в связи с вхождением Польши в состав Организации Варшавского договора.

Обозначающий такое воинское формирование, как ‘род войск’, термин *rodzaj broni* (возможно, калька употреблявшегося ещё в Российской империи термина *род оружия*) был заменён калькой современного русскоязычного термина *rodzaj wojsk*³.

Крупнокалиберный пулемёт, который до Второй мировой войны называли *najcięższy karabin maszynowy* (возможно, калька с немецкого *überschwere Maschinengewehr*), после войны стали называть *wielokalibrowy karabin maszynowy* (калька с русского языка).

В 30-е годы прошлого века в польских ВВС существовал класс так наз. «линейных самолётов» (*samolot liniowy*), которые, согласно французской концепции авиастроения, должны были осуществлять разведку прифронтовой территории и при удобном случае бомбить вражеские войска (например, PZL.23 *Karaś*). Впоследствии в соответствии с советской классификацией подобного рода самолёты были причислены к бомбардировщикам (*samolot bombowy*)⁴. Подобная ситуация сложилась также с самолётами класса «самолёт взаимодействия с армией» (*samolot towarzyszący*). Позднее подобного рода самолёты отнесли к классу самолётов-разведчиков (*samolot rozpoznawczy*)⁵.

Определённые изменения произошли в терминологии, связанной с материально-техническим обеспечением армии. Так, например, вмес-

то употреблявшихся до войны терминов *intendentura* ‘службы тыла’ (от нем. *Intendantur* ‘интендантство’), *zbrojmistrz* ‘начальник службы вооружения’ (калька с нем. *Waffenmeister*), *taborы wojskowe* ‘транспорт служб тыла’ были введены соответственно *szef służby uzbrojenia* (калька с русского), *konwój wojskowy*.

Таким образом, события и итоги Второй мировой войны непосредственно повлияли на унификацию и изменение польской военной терминологии, которая изменилась под влиянием русского языка.

Примечания

¹ *Rzepka W.* Status regionalizmów w polszczyźnie XIX wieku // Handke K. Region, regionalizm. Pojęcia i rzeczywistość. Warszawa, 1993. S. 135.

² *Pragłowski A.* Myśli kawalerzysty // «Przegląd Kawalerski». Warszawa, 1933, R.X., nr 9 (35). S. 259.

³ Примеры военной терминологии межвоенного периода здесь и далее см.: *Jurga T.* Obrona Polski 1939. Warszawa, 1990.

⁴ *Mała encyklopedia wojskowa.* Т. II. Warszawa, 1970. S. 829.

⁵ *Ibid.* S. 214.

А.С. НОВИКОВА

(МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА)

ЖИВЫЕ ПОМОЩИ.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВОЙНЕ ПРОФ. В.К. ЖУРАВЛЕВА (03.07.1922–12.02.2010)

«Живые помощи». Так называют с любовью православные верующие 90-ый псалом из книги «Псалтирь». Божественный Дух устами псалмопевца Давида раскрывает в этом псалме величие дел Божиих.

«**Живѣй въ помѣщи вышнѣгѣ, въ кровѣ бѣгѣ нѣнагѣ водворѣтсѣ**» читаем мы в первом стихе 90-го псалма. Упованием на помощь Божию, путеводной звездой стал для ныне покойного известного русского ученого, профессора Владимира Константиновича Журавлева этот псалом. «Под сердцем, в подкладке теплой курточки зашито мамино благословение, переписанный ее рукой, – псалом 90-ый – “Живые помощи” солдата, как говорили в простонародье»¹, – вспоминал Владимир Константинович, отправляясь вместе с московскими призывниками в конце октября 1940 г. на восток. Псалом остался в вещевом мешке, когда новобранцу выдали солдатское обмундирование. Но уже во время войны к Владимиру Константиновичу на фронт приехала его мама и привезла ему меховую безрукавку с зашитым в ней 90-ым псалмом. Еще один листок с псалмом она зашила под подкладку шинели. Вот и получилось, что 90-ый псалом В.К. Журавлев пронес под своим сердцем через всю войну.

Упова на Господа, Владимир Константинович избрал Всевышнего своим Прибежищем. И весь его путь служения в армии в течение семи лет, путь через войну от Москвы до Сталинграда и от него до Вены (Румыния, Болгария, Югославия (освобождение Белграда), Венгрия (битва за Будапешт), Австрия (Венская операция)) свидетельствует о постоянно оказываемой ему Божией помощи.

Рассказывая о событиях своей фронтовой жизни, Владимир Константинович часто вспоминает тот или иной стих 90-го псалма, цитируя или пересказывая его, за все благодаря Бога.

«В судьбоносные опаснейшие моменты (а их было немало) я ощущал, будто заботливые родительские руки брали меня и переносили туда, где и Отечеству можно послужить с максимальной пользой, и не погибнуть от случайной шальной пули»², – прямая связь с 12–13 стихами 90-го псалма: «**На рѣкѣхъ възмѣтъъ тѣ, да не когдѣ преткнѣши ѡ камень ногѣ твою**».

С горечью говоря о гибели своего друга Юрия Жакова и многих студентов вузов под Тулой, Владимир Константинович воскликнул: «Падут подле тебя тысячи и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизятся!»³. А ведь это пересказ седьмого стиха 90-го псалма: «**Падѣтъ ѡ страны твоѣа тысаща, ѡ тѣмѣ ѡдеснѣю тебѣ, къ тебѣ же не приближитса**».

Очень интересно рассказывает Владимир Константинович об освобождении от фашистских захватчиков города Киева. «Осень 1943-го. Подошли к Днепру. Где-то под Запорожьем левый берег Днепра. Приказано найти место для радиостанции. Раннее утро начала ноября. Иду между двумя рядами развалин взорванных отступившим противником хат, слегка припорошенных снегом. Темное осеннее небо. И вдруг... откуда-то брызнул с неба яркий, радостный, как в детстве, луч. Пал на одну развалину хаты, от чего-то отразился и засветился еще ярче. Подхожу к припорошенной снегом куче. И чем ближе подходил, тем ярче светило. Подхожу – сверху дымящейся развалины вижу маленькую икону Божией Матери. Она плачет. То ли слезы, то ли тающие снежинки. Взял икону, положил под гимнастерку. Утром 3 ноября началось наступление на Киев. 6 ноября Киев возвращен Отечеству. Явившаяся мне в начале ноября икона была Казанской иконой Божией Матери, празднование которой отмечается 4 ноября (22 октября ст. ст.) в память избавления Москвы и России от иноземных поработителей в 1612 г. И в 1943 г. Заступница Усердная помогла освободить от иноземных захватчиков Киев, мать городов русских. Позже я узнал, что в этот день моя мама слезно молилась в Москве перед Казанской иконой Божией Матери. Да, видно, и не одна она. Миллионы русских солдатских матерей молились в тот день о чадах своих, об Отечестве нашем, уповая на Заступницу Усердную»⁴.

Весной 1944 г. под Днепропетровском В.К. Журавлев прошел ночью с иконой Божией Матери и 90-ым псалмом по заминированному полю. Невольно вспоминаются 13–14 стихи 90-го псалма: «**на ѱспѣда ѱ васїліска настѣпиши, ѱ поперѣши львѣ ѱ смѣлѣ. ѱкв на мѣ оуповѣ, ѱ ѱзбѣвлю ѱ: покрѣю ѱ, ѱкв познѣ ѱмѣ моѣ**».

Ветеран Великой Отечественной войны В.К. Журавлев известен не только как выдающийся ученый-славист, автор около 500 научных работ. Он много потрудился на ниве православного просвещения, призывал к восстановлению преподавания церковнославянского языка в русской школе. Владимир Константинович заповедал русским детям учить наизусть 90-ый псалом на церковнославянском языке. Светлая ему память!

Примечания

¹ Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. Московский Патриархат. Отдел религиозного образования и катехизации. Лицей духовной культуры. М., 2002. С. 247.

² Там же. С. 247–248.

³ Там же. С. 249.

⁴ Там же. С. 250.

Л. ПИСАРЕК

(ВРОЦЛАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В «ПОЛЬСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ ПЕРЕВОДНЫХ ПАР» („POLSKO-ROSYJSKI SŁOWNIK PAR PRZEKŁADOWYCH”, OPOLE, 2014)

1. «Польско-русский словарь переводных пар» является сводным томом ранее изданных пяти частей польско-русских тематических словарей, так называемых «Настольных польско-русских идиоматиконов» („Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski”, z. 1–5, red. W. Chlebda, Opole 2006–2013). Особенность этих лексикографических изданий (идиоматиконов) состоит в том, что это словари не отдельных слов, а многословных единиц. Эти единицы закрепились в польском языке как особые неоднословные выражения, привычные для носителей языка, стабильные по своей структуре и значению, воспроизводимые как одно целое, т.е. функционирующие как номинативные единицы. Можно их назвать идиомами в расширенном понимании этого термина.

2. Нас будут интересовать те неоднословные польско-русские идиоматические единицы, которые по своему значению связаны со Второй мировой войной, иными словами, те, что в сознании носителей польского языка касаются событий этой войны.

3. Из общего словарного списка 28 000 польско-русских переводных пар мы выбрали около 80 (82) польских неоднословных идиоматических единиц. Некоторые из них, однако, имеют по несколько переводных русских соответствий. Поскольку же речь идёт о переводных парах, то в источнике нашего материала каждое такое отдельно взятое соответствие подается как особая словарная единица, так называемая минимальная переводная пара¹.

4. Предметом рассмотрения будет тематическое пространство, довольно широко отраженное в анализируемом материале, а именно: военные конфликты, вооружённые (военные) действия, исторические события, встречи глав коалиций, официальные документы, а также оставленные в памяти поляков эмоциональные и метафорические определения некоторых фактов военного времени.

5. Анализ языкового материала имеет целью выявление этих тематических групп и их описание.

Примечания

¹ Polsko-rosyjski słownik par przekładowych. Tom zbiorczy *Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego* (z. 1–5). Opole, 2014. S. 35–37.

И.Г. Родионова

(ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕНЗЕНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ»)

Дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами»¹.

Газета «Сталинское знамя» в первой половине XX века имела статус Органа Пензенского Обкома и Горкома ВКП(б) и Областного Совета депутатов трудящихся. Издание существует в настоящее время под названием «Пензенская правда».

Особенности газетного дискурса в годы Великой Отечественной войны продиктованы прежде всего событиями, происходящими в стране и мире. Поэтому из всех функций газеты (информативной, воздействующей, образовательной, рекламной, развлекательной и др.) на первый план выходят функции информативная и воздействующая. Газета «Сталинское знамя» информировала читателей о событиях на фронте: представляла официальную хронику (рубрика «От советского Информбюро»), заметки о боевых действиях («Бои на Курском направлении»;

«Напряжённые бои на подступах к столице»), сообщала о подвигах земляков (*«Рассказ о земляке»*), рассказывала о событиях в регионе (рубрика *«В городах и сёлах области»*; материалы под заголовками *«Грибоедовские дни в Пензе»*; *«Письмо ленинградцев трудящимся Пензенской области»*; *«Стахановцы Кузнецка самоотверженно крепят тыл»*), а также описывала события, происходящие за рубежом (рубрика *«За рубежом»*; материалы под заголовками *«Усиление канадской авиации в Англии»*; *«Военные действия в Западной Европе»*).

Особенностью газетного дискурса является сочетание визуальной и вербальной информации. В газете «Сталинское знамя» в годы Великой Отечественной войны публиковались как фотографии, сделанные пензенскими фотографами, так и снимки с пометой *«Фото ТАСС»*. Значительная часть региональных фотоматериалов посвящена изображению трудовых будней колхозников и работников промышленных предприятий. Тексты подписей к фотографиям, как правило, построены по определённой модели: сначала давалась информация о трудовом коллективе, затем – об отдельных звеньях, бригадах, тружениках: *«Ежедневно колхоз им. Максима Горького Бессоновского района сдаёт государству тонны чистого зерна урожая этого года. / На снимке: обоз с зерном. На переднем плане – член колхоза А.С. Егорцова. / Фото П. Тихонова»*.

Воздействующая функция газеты «Сталинское знамя» в годы Великой Отечественной войны заключалась в стремлении мобилизовать читателей на борьбу с врагом и сохранить веру в победу. Отметим тесную взаимосвязь информативной и воздействующей функций: информируя читателей о тех или иных событиях, газета оказывала воздействие на массовое сознание. Реализация воздействующей функции газеты связана прежде всего с выбором языковых средств. Наиболее ярко языковые особенности отражены в заголовочных конструкциях как ключевых компонентах текстов. В заголовках газеты «Сталинское знамя» используется общественно-политическая лексика (*«7 сентября – комсомольско-молодёжный воскресник»*; *«Семинар руководителей агитколлективов»*). Реалии военного времени вызывают активное употребление оценочной лексики с ярко выраженной отрицательной коннотацией при описании врага (*«Немецкую сволочь бьём и фамилий не спрашиваем»*) и с положительной коннотацией при описании советского солдата или труженика тыла (*«Стойкость, отвага, военное мастерство»*). Особенностью анализируемого издания является использование лексики, отражающей региональную специфику газеты, – топонимов и оттопонимических наименований – с целью показать вклад жителей Пензенского региона, в том числе отдельных населённых пунктов, в дело приближения победы (*«Первые дни ударной декады в*

колхозах **Башмаковского района**»; «По призыву **тамалинских колхозников**»; «В ответ на призыв **лунинцев**»).

В области грамматики отметим преобладание в заголовках императивных конструкций («**Стойко дерись с проклятыми фашистами**»; «**Самоотверженным трудом крепите мощь фронта**»; «**Пусть ненависть к врагу удесятрит ваши силы!**»; «**Горожане, помогите колхозам!**»), в том числе образованных путём грамматического переноса («**Дадим фронту и стране больше продуктов питания**»). Зачастую заголовки представляют собой афористичные высказывания («**Каждый колос – пуля по фашисту**»; «**Бдительность – закон военного времени**»; «**Всю жизнь без остатка – делу защиты Родины**»). В заголовках газеты «Сталинское знамя» широко используются личные и лично-притяжательные местоимения («**Мы поклялись жестоко мстить**»; «**Лютая ненависть в сердце моём**»). Часто заголовочные конструкции представляют собой определённо-личные предложения («**Вернусь домой, когда уничтожу фашистов**»). Данные языковые средства используются с целью показать необходимость и возможность вклада каждого читателя в дело достижения общей цели – победы над врагом.

Примечания

¹ Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С.136.

О.В. РОЗИНСКАЯ

(МГУ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА)

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА.

О «ДНЕВНИКАХ ВОЕННЫХ ЛЕТ» ЗОФЬИ НАЛКОВСКОЙ

Литература факта, идущая в ногу со временем и отвечающая его требованиям, приобрела в наше время особое значение. Интерес к художественно-документальной прозе представляет собой явление, получившее широкое распространение во многих литературах. Интерес к жизненно достоверному материалу свидетельствует о стремлении читателя еще глубже познать окружающий мир, узнать правду о происходящем, воссоздать точную картину прошлого. Лучшие достижения современной документальной отечественной и зарубежной литературы традиционно связаны с темой Второй мировой войны. Произведения разных жанров документальной прозы появилась во всех странах, испытавших на себе ужас гитлеровской оккупации.

Важным обличительным документом преступлений против человеческой личности становятся дневники известных писателей, пере-

живших эти годы. Авторы обращаются к поиску новых художественных средств, способных передать переживания военного времени. Их книги превращаются во внешне бесстрастный, лишенный вымысла и зачастую прямой авторской оценки, насыщенный лишь фактами и цифрами рассказ, способный, однако, уже в силу своей достоверности вызвать глубокое моральное переживание и потрясение.

Темы войны, фашистской оккупации, движения Сопротивления были ведущими в польской послевоенной прозе. Наряду с произведениями, написанными с позиций активной борьбы с фашизмом и героизации подвигам борцов Сопротивления, создавались и другие, не столь явно выражающие отношение их авторов к событиям истории. Это субъективно-психологическая документальная проза, фиксирующая внимание на морально-этической проблематике, стремящаяся философски осмыслить время и его героев, дать этому времени свою собственную оценку. Сила непосредственного отражения жизни велика, особенно если наполнена трагическими событиями сама жизнь.

В 1970 г. в Варшаве были изданы «Дневники военных лет» выдающейся польской писательницы Зофьи Налковской. Это часть дневника, который она вела на протяжении всей своей жизни. «Дневники военных лет» – явление совершенно особое в современной польской прозе. Писавшиеся во время войны, но увидевшие свет спустя пятнадцать лет после смерти автора, они стали достоянием литературы семидесятых годов. Это не только повествование о времени оккупации, но и непосредственное выражение личности самой писательницы – личности интересной, многогранной, противоречивой.

Д. РОТТ

(СИЛЕЗСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В КАТОВИЦАХ, ПОЛЬША)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ 1944 ГОДА В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье автор представляет избранные современные темы, относящиеся к Варшавскому восстанию в популярной культуре в Польше и за рубежом. Восстание, которое вспыхнуло 1 августа 1944 года и продолжалось 63 дня, до 3 октября 1944 года, организовала Армия Крайова, это был беспрецедентный подвиг – попытка освобождения польской столицы ещё перед входом Красной Армии. До сегодняшнего дня в разных кругах продолжают споры и разногласия по вопросу о целесообразности и эффективности Варшавского восстания. Это не влияет на тот факт, что тема восстания присутствует в современной популярной культуре в Польше и Швеции.

Первый анализируемый текст – это стихотворение повстанческого поэта Иосифа Щепанского (Józefa Szczepańskiego), псевдоним – Ziutek, под заглавием «Czerwona zaraza», которое было создано во время Варшавского восстания в августе 1944 года. Автор показывает в нём разочарование повстанцев Варшавы, которые безуспешно ждут помощи Красной Армии. В 2010 г. музыку к этому тексту сочинила молодая польская певица Каролина Циха (Karolina Cicha) и вокалист и басист группы «Acid Drinkers» Титус (Titus). Песня была размещена в альбоме на сайте «www.wawa2010.pl» (музей Варшавского восстания 2010). Это одна из инициатив созданного в Варшаве в 2004 г. музея Варшавского восстания, некоторые его мероприятия в области реализации исторической поэтики (особенно образовательных проектов, планов уроков и семинаров, адресованных молодым людям) также будут представлены. В течение первых десяти лет существования, музей посетили почти 5 миллионов человек. Другие инициативы музея – это диски Мариуша Малеёнка (Mariusza Malejónka), озаглавленные «Mogowe Panny» (2012), диск, посвященный женщинам, которые сражались в Варшавском восстании, и диск «Gajcy!» (2009), содержащий стихи Тадеуша Гайцы (Tadeusz Gajcy), поэта, который в возрасте 22 лет погиб во время восстания.

В докладе будут обсуждаться также интересные песни шведской группы «Мардук», основанной в 1990 г., играющей блэк-метал (песня «Warschau» из альбома 2004 г. «Plague Angel»), и песни шведской группы «Сабатон», происходящей из Фалунь, их альбом 2010 г. «Coat of Arms» и песня «Uprising». В Польше этот альбом быстро получил золотой статус, а министр обороны Польши подарил членам группы памятные мечи.

Наибольшее внимание будет посвящено альбому польской группы «Lao Che» (из Плоцка). В 2005 г. группа издала концептуальный альбом под названием «Powstanie Warszawskie». Он содержит 10 композиций, в состав которых входят собственное творчество, цитаты, пересказы стихов, повстанческих песен и исходных сообщений. Этот альбом, в понятной для современного слушателя форме, передал атмосферу восстания и был с воодушевлением встречен польской аудиторией.

Последним анализируемым текстом современной культуры является польский фильм «Город 44» (2014, режиссёр Ян Комаса).

Все приведённые выше композиции показывают, насколько актуальной в современной массовой культуре сегодня, более семидесяти лет спустя, является тема Варшавского восстания и как разнообразны ее реализации.

А. СЕЛИМОВИЧ
(САРАЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БИГ)

**СПОСОБЫ ВОССОЗДАНИЯ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РОМАНЕ ИВО АНДРИЧА «БАРЫШНЯ»
И В ПОЭМЕ СКЕНДЕРА КУЛЕНОВИЧА
«СТОЯНКА, МАТЬ ИЗ КНЕЖЕПОЛЬЯ»**

В докладе выявляются способы воссоздания женских образов и их идентичность в контексте военного времени. Цель работы – показать авторское понимание положения женщины в обществе во время конфликтной ситуации. Рассматривается ситуация, при которой война как своеобразный катаклизм мужской истории ведет к эмансипации женщины, прослеживается, каким образом представлены отличия женщины от мужчины и ее неравноправное положение.

С точки зрения В. Вульф, женщина, желающая сохранить себя как цивилизованное и социализированное создание, должна глушить в себе ощущение отчужденности и удаленности от мужского общества, что постепенно превращается для нее в невыносимую психологическую нагрузку. В работе анализируется этот тезис и рассматривается способ, при помощи которого героини Райка Радакович и Стоянка, мать из Кнежеполя, воссозданы как личности, находящиеся в мужском мире, выявляется, как развивалась их индивидуальность в общественном и культурном контексте, что повлияло на них, чтобы они стали женщинами, представленными в этих литературных произведениях, как они восстали против женских качеств, которые, очевидно, женщины обретают при рождении, а это, прежде всего, пассивность, зависимость от мужчины, согласие на подчиненное положение.

Анализируемые произведения созданы писателями-мужчинами, и потому нас интересует, каким образом в этих классических произведениях югославской литературы создавалось представление о женщине. Мы пытаемся выяснить, действительно ли «андротекст» создает «образцовый образ» женщины и женственности или отступает от него. Нас также интересует, должны ли женщины, желающие остаться в мужском обществе, но лишённые мужчины, приписывать себе мужские качества.

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НЕМЕЦКИЕ ДОКУМЕНТЫ
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ: О ПОСЛЕВОЕННОМ СОСТОЯНИИ
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ БАЗЫ***

Одной из важных тем отечественной истории является Новгород Великий. Наряду с открытиями археологии и другими исследованиями материальных свидетельств особое значение имеют письменные источники. С конца XII в. до потери политической самостоятельности Новгород имел тесные торговые и дипломатические связи с Ганзой, события которых отражены в массе текстов не только русской, но и немецкой стороны. Историки и археологи учитывают этот комплекс свидетельств как один из наиболее богатых: «Для раннего периода (X–XIII вв.) [...] важны археологические и нумизматические свидетельства. Напротив, период XIV–XV вв., когда особенно интенсивными были новгородско-ганзейские отношения, освещен в письменных источниках достаточно подробно, и археология лишь дополняет их»¹.

В связи с актуальностью новгородской темы, особенно социально-политической истории Новгорода, важность приобретает максимальный охват письменных источников. Одним из аспектов этой работы является реконструкция традиции исторического документа из городов Ганзы, определяющей последующую географию его архивного хранения. Филологическими методами установлены этапы традиции: создание русского договора и его списков для отдельных городов-участников, их перевод на нижненемецкий, отражение (цитирование полным текстом) в письмах другим городам, приведение немецкого текста в протоколе съезда Ганзы. Отсюда видно, в каком количестве русских оригиналов, их русских списков, их нижненемецких переводов и списков ганзейской стороны традировался данный текст, что позволяет количественно оценить базу источников и указывает географию ее поисков, поскольку акты ганзейских магистратов впоследствии хранились в архивах тех же городов.

Особенности традиции правовых текстов в городах Ганзы XIV–XVI вв. важно знать в условиях сильных архивных утрат, как в случае Новгорода. Поскольку оригиналы Новгорода и Готланда (который часто представлял Ганзу) в основном утрачены, эти пробелы компенсируются из других ветвей традиции.

* Работа в рамках проекта РГНФ 14-01-00126а.

Средневековые акты городов Ганзы доступны в изданиях, созданных историками в основном в XIX в. Многотомные собрания грамот существуют практически для каждого города (для Любека: *Urkundenbuch der Stadt Lübeck: 1139–1470*, в 12 т., 1843–1905). Существуют сводные издания актов Ганзы (*Hansisches Urkundenbuch*, 1876–1939). Для Новгорода важны издания регионального охвата, где собраны акты городов Прибалтики. В результате этой научной и издательской деятельности сложилась система множественной публикации: источники по одному и тому же событию доступны в нескольких списках и изданиях.

Этим корпусом источников активно пользовались отечественные историки. С.Н. Валк использует в своем издании «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (М. –Л., 1949) древнерусские акты архивов СССР в сочетании с изданиями немецких документов Ганзы.

После Второй мировой войны не сразу были осознаны изменения в сохранности и местонахождении известных источников. Еще в 1980-х гг. историки ссылаются на архивную информацию из старых изданий (Рыбина Е.А. *Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв.* М., 1986). Частично изменения, возникшие в ходе военных утрат и перемещений, были освещены в конце 1990-х-начале 2000-х гг. (Сквейрс Е.Р., Фердинанд С.Н. *Ганза и Новгород.* М., 2002).

Новые факты, а также обращение к рукописным оригиналам побуждали к поискам источников, не известных науке. После 2000 г. найден ряд важных документов, не отраженных в собраниях грамот частично из-за большого объема работы для издателей. Однако в ряде случаев имело место «случайное перемещение»: так, один из любекских списков договора 1269 г. (грамота Ярослава II) был в середине XVIII в. подарен Академии наук в Санкт-Петербурге, из-за чего не попал в издание грамот Любека, но и не получил заслуженного внимания со стороны российских историков.

Примечания

¹ Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 9.

Н.Н. СТАРИКОВА

*(ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН,
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА)*

ТЕМА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ СЛОВЕНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ*

В докладе рассматриваются долгие годы игнорировавшиеся в Словении литературные произведения представителей послевоенной словенской эмиграции. Причины этой эмиграции напрямую связаны с военной обстановкой на словенской территории в годы Второй мировой войны и внутривойсковой ситуацией после 1945 г. В период оккупации Словения была разделена между Италией, Венгрией и Германией. В отличие от венгерских и немецких, итальянские оккупационные власти уделяли некоторое внимание просвещению и культуре, поэтому в Любляне не были закрыты школы, университет, выходили журналы и книги на словенском языке. Несмотря на это, Освободительный фронт Словении, организованный антифашистскими силами, начал оказывать захватчикам яростное сопротивление. Его поддержала значительная часть творческой интеллигенции, в знак солидарности выступившая с лозунгом «молчания культуры» – призывом не публиковаться в изданиях, находившихся под контролем итальянских властей. В то же время некоторые политические партии открыто встали на их сторону. Они способствовали тому, что при поддержке оккупационного режима были созданы национальные военизированные формирования («Словенский легион»), выступавшие на стороне коллаборационистских сил. В 1943 г. были организованы добровольческие вооруженные подразделения домобранцев для борьбы с партизанами и частями народно-освободительной армии, находившиеся в подчинении Вермахта. Тем самым, общество было расколото, словенцы оказались втянуты в гражданскую войну.

После вхождения Словении в состав новой Югославии народная власть без суда и следствия расправилась с участниками воинских соединений, воевавших на стороне ее противников, это по сей день одна из самых трагических страниц новейшей национальной истории. Все подозревавшиеся в лояльности к оккупационному режиму, в том числе деятели культуры, не прекратившие в период оккупации выступать в разрешенной печати, также стали мишенью для преследования, многие, опасаясь ареста, были вынуждены покинуть родину. Центром словенской послевоенной литературной эмиграции становится Аргентина.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 15-04-00161а.

Нашедшие там прибежище Т. Дебеляк, С. Коципер, В. Житник, Ф. Папеж, З. Симчич, Р. Юрчеч и многие другие активно публикуются, учредают литературно-критический журнал «Меддобье» (с 1954), создают международную организацию «Словенская культурная акция» (1954), объединившую деятелей словенской культуры из разных стран мира. Центральной для всех этих авторов становится тема недавней национальной трагедии и ее последствий – раскол словенского общества, братоубийственная война, репрессии, вынужденное бегство, жизнь на чужбине.

Первая посвященная этой теме книга, вышедшая в Аргентине, – эпическая поэма Т. Дебеляка «Великая черная месса по убиенным словенцам» (1949). Через призму религиозного таинства поэт пытается осмыслить самый кровавый в послевоенной истории Словении эпизод – массовые расстрелы коммунистами в мае–июне 1945 г. депортированных на родину бойцов домобранской армии – и обвиняет новый режим в неоправданной жестокости. В 1957 г. выходит, пожалуй, самое известное произведение, написанное словенцем в Аргентине, – психологический роман З. Симчича (род. 1921) «Человек по обе стороны стены», раскрывающий внутренний мир человека, вынужденного по политическим причинам покинуть родину. Эта книга – экзистенциальная по мироощущению и автобиографическая по материалу – обращена, по сути, к проблеме изгнания: физического – бегство от коммунистического режима и внутреннего – поиск героем самого себя. В 1991 г. книга Симчича вышла на родине, став не только политическим, но и литературным событием. Судьба этого романа отражает общую тенденцию постепенного сближения литературы эмиграции с национальным литературным процессом.

Н.А. СТАРОДУБЦЕВА

(ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ О ВОЙНЕ

Живое непосредственное общение носителей говоров определяет многовариантное эмоционально-образное словоупотребление, обилие экспрессивных средств в спонтанной коммуникации, изучение которой дает возможность охарактеризовать особенности мировидения определенного этнического сообщества и уточнить знания о тенденциях развития литературного языка и диалектов на современном этапе. Экспрессивность создается взаимодействием нескольких субъективно ориентированных компонентов значения, к числу которых отно-

ются интенсивность, образность и эмоциональная оценочность коннотативного значения единиц¹.

В докладе использованы данные, собранные в диалектологических экспедициях в 2009–2015 гг. в селах, станицах и хуторах Киквидзенского, Иловлинского и Урюпинского районов Волгоградской области и зафиксированные в неподготовленной речи деревенских жителей. В центре внимания предлагаемого исследования находятся релевантные средства выражения экспрессии и способы создания контекстуальных смыслов в лексиконе донских казаков, коренных жителей и украинских переселенцев.

Трагические события Великой Отечественной войны занимают особое место в воспоминаниях сельчан. Рассматриваемый материал прежде всего отражает записи мемуарного характера не ветеранов – солдат, принимавших участие в ВОВ, а детей и подростков 1941–1945 гг., глазами которых представлена война на Сталинградской земле. В своих рассказах информанты описывают начало войны, последующий голод и годы тяжелой работы в колхозах, на полях, рытье окопов на подступах к Сталинграду.

Несмотря на то, что участники и свидетели тех страшных событий неохотно и весьма скупко повествуют о пережитом, проведенный анализ позволяет выявить, что экспрессия в речи сельских жителей достигается при использовании эмоционально-окрашенных лексем или включении нейтральных по своей окраске единиц в определенные риторические приемы.

Одним из распространенных способов выражения интенсивности выступает в речи носителей говоров лексический повтор: удвоение или даже утроение слов направлено на актуализацию значимых для информанта смыслов и указывает на степень глубины переживаемых эмоциональных состояний человека во время войны, характеризует длительность и всеохватность исторического события (*«Вот. Война началась, мамка поехала в город. А там – война, война, война»*). Экспрессия может достигаться и многообразными словами-интенсификаторами, определяющими количественную меру оценки качества различного рода действий, состояний или отношений.

Образности высказывания способствует использование единиц фразеологического характера, идиоматических оборотов разговорно-сниженной стилевой окраски, придающих особую красочность и выразительность живой народной речи. Важным средством создания экспрессии служат различного рода риторические тропы и фигуры (метафора, метонимия, сравнение, анафора, антитеза, синтаксический параллелизм и др.), а также индивидуально-авторское, окказиональное употребление языковых единиц. С помощью данных приемов жителям Волгоградской области удается передать весь ужас и трагизм военных

лет, рассказать о том незримом подвиге обычного человека, который внес важный вклад в победу над врагом.

Неподготовленность и автоматизм обиходной формы общения дают возможность получить богатый и разнообразный материал для наблюдений о наиболее типичных способах выражения экспрессии в речи диалектоносителей, охарактеризовать сложные процессы взаимодействия различных форм бытования общенародного языка.

Примечания

¹ Нефедова Е. А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М., 2001. С. 6.

Е.В. СУРОВЦЕВА

(МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА)

«ЗОСЯ»: Ф.Ф. ТОРНАУ И В.О. БОГОМОЛОВА

В докладе будет предложен сопоставительный анализ повестей «Панна Зося» (1876) Ф.Ф. Торнау и «Зося» (1963) В.О. Богомолова.

Произведения роднят имя главной героини и основная сюжетная канва – любовная линия на фоне военных действий русских (советских) войск в Польше. У Торнау речь идёт о польской войне 1831 года, у Богомолова – о Второй мировой войне. В произведении Торнау рассказывается о домогательствах Франциска Викентьевича Бжрержинославского (прозванного сослуживцами «жёлтым лейтенантом»), влюблённого в Зосю, а в произведении Богомолова – о несостоявшемся романе молодого советского солдата, от чьего имени ведётся повествование, с польской девушкой. В текстах мы встречаемся также с попытками философского осмысления описываемых событий, однако сконцентрированы они на абсолютно разных аспектах – Торнау задаётся вопросом о причинах преступления Бжрержинославского и об ответственности окружающих за произошедшее, Богомолов же рассуждает о природе любви и способах завоевания женской благосклонности.

В обоих произведениях отражены реалии военной жизни, причём у Торнау они описаны намного обстоятельнее и подробнее, нежели у Богомолова.

Особый пункт сопоставления произведений – отражений польских реалий в текстах. При рассмотрении данной темы необходимо отметить, что с лингвистической точки зрения интересен анализ иноязычных вкраплений в русскую речь – как транслитерированных кириллицей, так и переданных латиницей.

«Панну Зосю» Ф.Ф. Торнау и «Зосю» В.О. Богомолова роднит сюжетная канва и имя главной героини и отличают философские обобщения и изображение реалий военной и польской жизни.

ЯЗЫК И ЮМОР В РОМАНЕ «СЛУЧАИ ИЗ ЖИЗНИ НИКОЛЕТИНЫ БУРСАЧА» БРАНКО ЧОПИЧА

Бранко Чопич еще при жизни был признан классиком сербской литературы XX в. На критические отзывы о его творчестве влияло время их возникновения и степень идеологической чувствительности литературных критиков. Однако Чопич быстро приобрел популярность в кругах читателей и на протяжении всей жизни оставался любимым писателем, несмотря на оценку критиков. Нам известно авторитетное мнение Александра Белича, который сразу после Второй мировой войны подчеркнул, что непрерывная связь Чопича с народной традицией и народным языком является одним из секретов его успеха. Также в 1969 г. в предисловии к роману «Сад цвета мальвы» Борислав Михаилович Михиз, подобно Беличу, выделил главные характеристики произведений Чопича: неиссякаемую связь с местом рождения и с народным языком и познание души человека.

Чопич рос в бедной деревенской семье, усваивая идеи социальной справедливости. По этой причине он присоединился к партизанским отрядам в Боснийской Краине сразу после начала Второй мировой войны. Его прозаические и поэтические произведения в большинстве случаев посвящены военной теме, т.е. Второй мировой войне. «Прорыв» является самым известным и самым знаменитым романом военной тематики, но сборник рассказов «Случаи из жизни Николетины Бурсача» стал одним из самых популярных. Необыкновенный успех данного романа связан с юмором, в то время как в романе «Прорыв» элементы юмора отсутствуют. Впрочем, оттенки юмора позволили писателю релятивировать идеи социальной справедливости, которую партизанские комиссары пропагандировали среди крестьян – партизанских бойцов. В настоящей работе речь идет о том, как в романе Чопича употребляются языковые средства для выражения юмора.

В ходе чтения «Случаев из жизни Николетины Бурсача» читатель забывает о военной теме, наслаждается юмором. Все юмористично: и партизаны, и главный герой Николетина Бурсач, и его боевые отряды, крестьяне, даже вражеская армия не вызывает чувства страха. Вопрос о том, как Бранко Чопичу удалось таким образом представить войну и революцию, усугубившую горе народа, остается открытым. Чтобы понять суть, мы должны объяснить роль языка. На всех языковых уровнях обнаруживается особенный юмор. Подробно мы остановимся на некоторых языковых приемах. Для произведения «Случаи из жизни Николетины Бурсача» характерна частотность диалога между героями. Слова героев, в большинстве случаев, сопровождаются по-

яснительной авторской речью. В состав данных конструкций, как правило, входят глаголы речевой деятельности. Чопич употребляет глаголы различных классов¹, многие из них производят юмористический эффект. Кроме обычных глаголов данного класса, он использует такие глаголы, которые подчеркивают комическую реакцию персонажей в определенной ситуации, напр.: «*Некуд нас опет гоне – забобоњи Николетина*». («Опять нас куда-то гонят, – забасил Николетина»). Также, в диалогических абзацах эффекты юмора обусловлены глаголами, обозначающими звуки животных, напр. медведя: «*Па дабоме да сам ја, није ваљда мој ћаћа – брунда митраљезац*». («Правда, не я, а мой отец, – зарычал пулеметчик»). Следует заметить разнообразие глаголов в пояснительных конструкциях диалога персонажей, в которых присутствуют юмористические черты.

Ситуации, когда Николетина Бурсач пытается выступить с речью перед своими бойцами, также заканчиваются юмористично, хотя он старается быть серьезным: «*Е, онда добро да знаш: кад ја данас будем у чети држао говор, има да сједиш као сеоска млада*». («Запомни, когда я сегодня буду произносить речь, сиди как просватанная») – здесь писатель использует прием декомпозиции глаголов. Также в романе широко употребляются фразеологизмы, их функция – создание комической ситуации, они наблюдаются в говоре крестьян, составлявших большинство в партизанских отрядах.

С помощью юмора Чопич смешит читателей, но он корректирует и свою позицию по вопросу революции, выражая то, что в обычных условиях не могла позволить идеология. В народе говорят: пострадал из-за языка. Это к Чопичу особенно относится.

Примечания

¹ *Tanasuš S.3.* О дијалогу у прози Бранка Топића: глаголи у уводним конструкцијама // Српски језик, № 20, Београд, 2015. С. 117–126.

Н.А. ТУПИКОВА

(ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ ХРОНИКАЛЬНЫХ СООБЩЕНИЙ О НЕФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ В «СТАЛИНГРАДСКОЙ ПРАВДЕ» ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

В массиве исторических документов особого внимания требуют издания военного времени, которые фиксировали переломные и малоизвестные события Великой Отечественной войны. Для воссоздания

картины прошлого важен и тот, и другой материал, который выстраивается в целостную картину.

Созданная в Волгограде научная школа профессора М.М. Загорюлько по изучению Сталинградской битвы обозначила ключевые темы, связанные с данной проблематикой; среди них – газетная журналистика. Деятельность редакции областной газеты «Сталинградская правда» в 1941–1945 гг. еще ждет подробного описания, пожелтевшие страницы выпусков в период, когда город стал центром сражения на Волге, многое могут рассказать о нефронтовой жизни населения. Последний номер газеты «мирного времени» в Сталинграде вышел 22 июня 1941 года, с 24 июня «Сталинградская правда» фиксирует реальные события, в основном связанные с военно-оборонительными задачами. Материал публикаций позволяет говорить о формировании особого информационного поля. До 1942 г. центральное место занимают статьи и заметки по хозяйственным проблемам; на периферии находятся критические статьи, практически не отражена проблема эвакуации жителей. При этом сельскохозяйственная тематика ничем не напоминает о войне, организация текстов часто выглядит как рапорт о выполнении взятых обязательств; о промышленном производстве корреспонденты, напротив, пишут с использованием военной лексики, в том числе характеризующей напряженную обстановку на фронте.

С началом военных действий под Сталинградом многое из того, что находило отражение в сводках Совинформбюро, сталинградцы видели своими глазами: противник занимал населенные пункты, улицы, кварталы, территории предприятий, строил концентрационные лагеря, убивал и грабил мирных жителей. Статус центральной нефронтовой информации приобретают в газете, казалось бы, совершенно незначительные сообщения: о работе хоперских пчеловодов, производстве зубного порошка из местного сырья в Урюпинске, о варежках, связанных жительницей Малой Ольховки для красноармейцев, обуви, сделанной сверх плана работницами Камышина и др. С осени 1942 г. важную роль начинают играть противопоставленные понятия «оккупированная территория – освобожденная территория». Устойчивые эпитеты, экспрессивно-эмоционально-оценочная лексика, «военные» метафоры, обозначения информативно-концептуального типа, реализующие ключевой смысл сообщения и являющиеся семантическим стержнем текста, выступают средствами формирования авторского отношения, приемов выражения коллективной социальной оценки, имеющей нравственную природу.

После освобождения Сталинграда публикации газеты насыщаются словами с высокой стилистической окраской, маркирующей обстановку на отражение патриотического трудового подъема тех, кто восстанавливал разрушенное. Следует отметить наблюдаемое в текстах

метафорическое переосмысление военной лексики применительно к обозначению мирных дел. Особое значение в период с 1943 по 1945 гг. имеет оппозиция «ликвидировать – возродить»; с периферии в центр информационного поля перемещаются средства выражения иронического, констатирующего осуждения в критических материалах. Специфическим эмоциональным фоном, внутренней экспрессией наполнены почти все майские номера издания за 1945 г. Для сталинградцев, кажется, нет тем очень и не очень важных – решение разных вопросов требует одинаково высокого душевного подъема, который стремятся передать корреспонденты. Объем и масштабность содержания не являются решающими при определении отнесенности материала к центральной сфере информационного поля: главными в этот период являются все сообщения о событиях мирной жизни – сверхплановых гектарах засеянной земли и гастрольях драмтеатра им. М. Горького в помещении полуразрушенного клуба Тракторного завода, о стахановской вахте рабочих и новых медицинских препаратах, восстановлении первой станции пригородного сообщения и первом экзамене по русскому языку и литературе (сочинении) на аттестат зрелости. Наверное, среди тех, кто писал сочинение, были и те, о ком «Сталинградская правда» рассказывала еще в сообщениях далекого 1941 г. Теперь газетная заметка «На экзаменах» свидетельствует, что из трех предложенных тем («Песни и легенды раннего Горького», «Женщина в произведениях Некрасова», «Уж и есть за что, Русь могучая, Полюбить тебя, Назвать матерью». Иван Никитин») большинство выпускников выбрали первую и третью, чтобы рассказать о гордых и непреклонных людях, о такой силе любви к Родине, Человеку, которая способна побеждать самого сильного врага. В подтексте остались оценки, эмоции, чувства не только автора газетной информации, но и жизненный опыт старшеклассников – очевидцев героического и трагического на сталинградской земле, определившей судьбу сидящих за партией и составляющих часть особого понятия – сталинградцы.

М.В. Турилова

(МОУ «ГРАБЦЕВСКАЯ СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА»,
КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОБЕДЕ ПО ДАННЫМ РУССКОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОВ

В докладе исследуется лексика русского языка и диалектов с семантикой 'победа', 'победить'. Анализ контекстов употребления данных слов, выделение мотивационных моделей развития указанной семантики позволят определить, каковы представления о *победе* по данным языка.

Слова данной лексико-семантической группы употребляются в следующих контекстах:

– «война» (*овла'деть, поберж'дать, поберж'дение, по'беда, раз'бить непри'ятеля на по'вал, поко'рять, поло'нять*);

– «драка, физическая борьба» (*поби'вать, поби'вала, поби'ватель, по'битець, побо'рать, побо'роть, побо'рить, поши'бать, пребо'рати, пребо'ро(и)ти, пре'брати*);

– «столкновение, борьба между людьми в каком-либо деле» (*перемо'гать, превозвы'шать, превозмо'гать, преодол'вать*);

– «ссора, спор» (*прети'рать, пре'прети*);

– «соревнование, игра» (*одерж'жать (взять) верх, ла'фа*);

– «отношения между людьми» (*овла'деть, пленять*).

Ключевые слова употребляются во всех контекстах: *по'беда* 'успех в битве, войне при полном поражении противника' (*одерж'жать по'беду*), 'успех в борьбе за что-н., осуществление, достижение чего-н. в результате преодоления чего-н.'; *побе'дитель* 'тот, кто победил, одержал победу', *побе'дить* кого-что 'одержать победу над кем-чем-н.' (*победить врага, победить в бою, в соревновании, в конкурсе, в споре*), перен. что 'то же, что преодолеть' (*победить страх. Ты победил, гали'леянин!* (книжн.)) 'признание своего поражения в упорном противостоянии более слабому противнику, в борьбе с ним' [по легенде, о римском императоре Юлиане, перед смертью признавшем истинность учения Иисуса Христа]; *по'бедный* 'относящийся к *по'беде*', *до по'бедного кон'ца, до по'бедного* 'до тех пор, пока дело не завершится удачей'; *победо'носный* 'завершающийся полной победой, одерживающий победу'.

Выделяются следующие мотивационные модели развития семантики победы:

– 'превзойти' → 'победить' (*брать вверх, пере'вес, превоз'мочь, преодо'леть, прети'рать, пре'прети, одерж'жать (взять) верх, верхо'водить*);

– 'справиться' → 'победить' (*овла'деть, одо'леть, преодо'леть, сладить, совла'дать, перемо'гать, поко'рять*);

– 'овладеть, брать в плен' → 'победить' (*возобла'дать, пле'нять, поло'нять*);

– 'побить, физически одолеть' → 'победить' (*класть на 'обе ло'патки, на'мать бо'ка, нокау'тировать, о'силить, перебо'роть, пере'дужить, пере'силить, по'бить, побо'роть, поби'вать, поби'вала, поби'ватель, по'битець, побо'рать, пск. побо'рить, раз'бить непри'ятеля на по'вал, поши'бать, пребо'рати, пребо'ро(и)ти, пре'брати*);

– 'сместить' → 'победить' (*по'вергнуть*);

– 'торжествовать' → 'победить' (*восторжество'вать, торже'ство, у'спех, три'умф, 'лавры*);

- ‘выиграть’ → ‘победить’ (*вы'играть*);
- ‘после беды’ → ‘победить’ (*по'беда, побе'дить, побеж'дение, по'бедное 'войско, побе'димостъ, по'бедище*);
- ‘переломить’ → ‘победить’ (*перело'митъ*);
- ‘наступить’ → ‘победить’ (*по'пратъ*);
- ‘ударить, физически поразить’ (*пора'зить, раз'бить, разгро'мить, разда'вить, раздол'бать, расколо'тить, расколо'иматить, сло'мать, сло'митъ, сокру'шить, сра'зить*).

На этапе древнерусского языка *победа* связывается с бедой, см. этимологию слова (*по + беда*). Этим словом называется то, что бывает после беды, что объясняет энантиосемию (‘победить’ и ‘поражение, несчастье’): др.-рус. *по'бѣда* ‘поражение, несчастье’ (при ст.-слав. *побѣда* ‘победа, victory’ (Клоц., Остром., Супр.), *по'бѣдънии* ‘несчастный’. Значение, утраченное затем литературным языком, сохраняется в диалектах: диал. *по'бедная го'ловушка* ‘несчастливая’.

Е.В. ФЕДЮКИНА

(ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

ДИНАМИКА КОНФЕССИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ПОЛЬШЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ АКЦИИ «ВИСЛА»

Культурно-языковой самостоятельности восточнославянского ареала Речи Посполитой нанесли непоправимый урон международные, социальные и политические катаклизмы XX в., завершающим из которых стало переселение коренного населения из родных мест обитания с юго-восточной окраины Польши на ее (северо)-западные земли при проведении акции «Висла».

«Висла» – репрессивного характера акция польского правительства (1947), направленная на уничтожение украинских националистических вооруженных формирований, преследовала в действительности гораздо более масштабную цель, состоявшую в унификации национального состава страны путем распыления национальных меньшинств среди польского большинства. Прямым ее последствием стало резкое изменение конфессионально-языковой карты Польши. Веками складывавшийся этнокультурный ареал был практически полностью разрушен.

За последние два десятилетия появилось довольно много исторических исследований об акции «Висла», в большей или меньшей степени обнаруживающих политические пристрастия ее авторов. Немного слабее она изучена в лингвокультурологическом аспекте, в частности, с точки зрения влияния депортации на судьбу лемков, причис-

лявшихся в то время властями к украинцам. Лемковский язык лишь с 2005 г. на основании «Закона об этнических и национальных меньшинствах и региональном языке» стал считаться этнолектом этнического меньшинства – лемков.

Во время депортаций было переселено в общей сложности 15 тыс. лемков¹, что составляло примерно десятую часть всех переселенных с родных мест обитания. На исторической Лемковщине происходило уничтожение следов присутствия коренного населения, в частности, в виде изменений в топонимике (Ujście Ruskie → Ujście Gorlickie). Характерным явлением стало манипулирование этнической принадлежностью известных лемковских деятелей².

Прямым следствием переселений стала ассимиляция восточнославянского населения в польской языковой и культурной среде. Определенным тормозом для утраты переселенцами своей культурно-языковой идентичности стала деятельность Церкви с ее церковнославянским богослужебным языком. О постепенном возрождении непосредственно лемковских общественно-культурных институтов можно вести речь лишь в применении к эпохе, наступившей после правления Э. Герека, когда возникает ряд культурно-образовательных организаций лемков: «Stowarzyszenie Łemków», «Ruska bursa», «Lemko tower». Утрату «малой» родины со временем стало восполнять литературно-мемуарное творчество, довольно активно развивающееся в лемковской среде³.

С перспективы современности можно вести речь об определенной антиассимиляционной тенденции, обозначившейся среди лемков. Об этом свидетельствуют две последние переписи населения в Польше. Если в 2002 г. лемками назвали себя 5850 граждан Польши, то в 2011 – уже около 10 тыс., причем увеличилось число использующих лемковский язык в быту (более 6 тыс.). Такой феномен объясняется во многом общественно-исторической позицией лемков, проявивших с момента своей консолидации в XIX в. активную приверженность к собственной этнической концепции в противостоянии украинской пропаганде и польскому давлению⁴. В настоящее время культурное развитие лемков, как отмечают современные исследователи, идет двумя путями: через популяризацию своей региональной специфики и путем развития лемковской идеи, опирающейся на коренные для данного этнического сообщества ценности.

Примечания

¹ Kuprianowicz G. Akcja „Wisła” i jej skutki dla Kościoła Prawosławnego. ЕЛПШ / 2007. Rocznik. IX. Zeszyt 15–16. S.30.

² К примеру, художника-примитивиста Епифания Дровняка (Никифора Крыницкого).

³ Среди литераторов, пишущих по-лемковски: Petro Murianka, Nestor Repela, Władysław Graban (двуязычный поэт).

⁴ Ср.: *Duś-Fajfer O. Tożsamość narodowa i język Łemków w. XIX i XX w. Łemkowie*. Red. B. Machul-Telus. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2013. S. 45.

Ч. ХАНИФЕ

(КАРАДЕНИЗСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ТУРЦИЯ)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» С ДРУГИМИ КОНЦЕПТАМИ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Концепт «война» является универсальным концептом, значимым во всех европейских языках, важным компонентом культурного знания. Особенно это характерно для русского языка, поскольку только в XX в. в жизни «ровесников века» было пять войн – ушедшие на Гражданскую в двадцать, они встретили Отечественную сорокалетними. Это, несомненно, отразилось на всей русской жизни, и на русской языковой картине мира, в частности. Так, например, произошла активизация книжно-письменного слоя, высокого стиля речи, актуализировалась архаичная лексика. Актуализировались считавшиеся «классово чуждыми» понятия «солдат» и «офицер», «погоны», «генерал» и пр.; было переосмыслено значение слова «гвардия», была снята оппозиции «белая гвардия/красная гвардия».

Основной целью данного доклада является выявление главных концептов, отражающих влияние Второй мировой войны на русский язык, на примере русских пословиц и поговорок, в которых отражается тема войны.

Рассмотрение концепта война мы проводим на фразеологическом уровне. Пословицы и поговорки рассматриваются в современной науке как значимый материал в изучении исторических событий, которые, в свою очередь, отражаются в бытовых и мировоззренческих взглядах народа¹. Основным концептом, объединяющим все русские пословицы и поговорки о войне, возникшие в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, является концепт «война». Как отмечают многие исследователи, данный концепт проявляет большую активность в русской языковой картине мира². Прежде всего, это связано с большим военным опытом России, который, конечно же, не мог не отразиться в таком пласте лексической системы русского языка, как пословицы и поговорки. В русском языке лексическими репрезентатами концепта «война» являются прежде всего *война*, *воевать*.

Военный фольклор занял важное место во время войны и в послевоенные годы. Вот лучшие примеры источников военного фольклора: книга «Русский фольклор Великой Отечественной войны» под редакцией В.К. Гусева (1964), книга «Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны», напечатанная под редакцией А.Н. Кожина (1985), работа Б.Л. Бойко «Фрагменты “чужого” в “языковой картине мира” в тексте и словаре: (на материале рус. и нем. воен. жаргона 1941–45 гг.)» (2005), исследования А.А. Воробжитова «Лингвориторические ориентиры анализа публицистики Великой Отечественной войны» (1995) и «“Официальный советский язык” периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация» (2000). Исследования русского фольклора времён Великой Отечественной войны проводились достаточно давно и уже устарели по многим причинам, при этом пословицам тех лет внимание практически не уделялось. В то время их историческая ценность была не оценена. Однако по прошествии времени их культурная ценность стала очевидной.

Это определяет актуальность нашего доклада и его научную новизину, так как русский фольклор XX в. вне всяких сомнений все еще явление мало изученное и требующее детального рассмотрения.

Примечания

¹ Мохаммадзаде Ш.Г. Национальные, культурные и исторические общности в персидских и русских пословицах и поговорках // Молодой ученый. 2015, №1. С. 404.

² Венедиктова Л.Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 24 с. См. также: Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. Калининград, 2012. 313 с.; Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Минск, 2004. 256 с.

А.Л. ХОРОШКЕВИЧ

(ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН)

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

(ЗАМЕТКИ ИСТОРИКА ОБ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

*Дети войны - и веет холодом,
Дети войны - и пахнет голодом, [...]
Дети войны - и волосы дыбом.*

Л.М. Голодяева

Литература о детстве и отрочестве, традиционная для отечественной литературы XIX – начала XX вв., в XXI столетии стала прак-

тически необозримой, хотя узкая «детско-военная частная» тема (скорее – одна из системообразующих мироощущение и миропонимание общества) не привлекла достаточного внимания ни филологов, ни культурологов, ни историков. В настоящее время она приобрела особую актуальность в связи с тремя обстоятельствами – сложным международным положением (братоубийственным конфликтом двух братских по происхождению восточнославянских народов), катастрофически быстрым сокращением детей и отроков войны 1941–1945 гг., чему немало способствует названный выше конфликт, и, наконец, повышенным с 2008 г. вниманием властей к воспитанию так называемого «патриотизма» (не путать с любовью к родине).

Существует качественное отличие автобиографической литературы на эту тему в нашем XXI и «советском» XX веках от такой же предшествующего столетия. В XIX и начале XX в. «мемуаристика» (в самом широком смысле слова) входила в сферу художественной литературы, была результатом творчества профессиональных писателей, выдающихся деятелей культуры и искусства, даже просвещенного купечества. Ныне соотношение авторов существенно изменилось. К «профессионалам» и лицам, овладевшим культурой своего времени, добавилась многотысячная «армия» рядовых граждан, имеющих некоторые возможности (в интернете или в печати) для обнародования своих воспоминаний о самых тяжелых или радостных событиях в жизни. Изменились и жанры отнюдь не равноценных произведений этих «рядовых» мемуаристов. В книге «На уцелевшем челне» минчанин В. Скобло сочетает отчетливо живое воспроизведение пережитых в детстве и отрочестве страданий с описанием минского гетто, а также с документально точным изложением архивных материалов о действиях белорусского подполья, в котором участвовали и чудом уцелевшие евреи¹. «Короткая прогулка перед долгим сном» Г.П. Бельской² – увлекательный рассказ о фантастических поворотах судьбы девочки до, во время войны, во время которой тяжело больную костным туберкулезом в далеком тылу поставили на ноги) и, наконец, после войны на фоне воспоминаний об итальянских памятниках искусства, описанных с таким же артистизмом и любовью, как это столетием раньше сделал П.П. Муратов, открывший русским сокровища духовной и изобразительной культуры Италии.

Этот аспект – авторский состав мемуаристов в предшествующей историографии не учитывался. Два приведенных выше примера мемуаров принадлежат представителям того слоя, который еще недавно именовался интеллигенцией, а ныне в своей основной массе превратился в наемных служащих госаппарата, крупного капитала, органов государственной безопасности и СМИ, что давно уже (в 2005) констатировал филолог Д.М. Буланин («Эпилог к истории русской интелли-

генции. Три юбилея») и о чем в то же время размышлял историк XX столетия Г.А. Бордюгов³.

Основой систематизации автобиографических сочинений с конца XIX в. считалась их форма (дневник, письма, мемуары). Впрочем, в 60-ые гг. XX в. раздавались голоса и в пользу разделения этих видов источников⁴, как правило, создававшихся в различных временных интервалах от описываемого события. Дневник фиксирует недавно или только что произошедшее событие и непосредственную, часто не от-рефлексированную реакцию на него. Поэтому в нем содержится или могут содержаться более точные сведения о хронологии событий.

В дневниках, пусть и немногочисленных⁵, мы можем слышать собственные голоса детей и отроков времени войны. Чудом сохранился дневник 15–16-летнего ленинградского блокадника Юрия Рябинкина, уже вполне сложившегося как мыслитель и гражданин, ясно и четко оценивавшего ситуацию в стране и в армии, защищавшей город⁶, безжалостно и бескомпромиссно честного по отношению к себе. Горько и невыносимо больно читать, как «царь беспощадный» – голод ломает психику талантливого и порядочного человека и на пороге юности сводит его в могилу.

Что касается мемуаров в узком смысле слова, т.е. воспоминаний, написанных много лет спустя описываемых в записках событий, то они являются результатом долгих размышлений, подвержены идеологической конъюнктуре и требуют осторожного текстологического анализа. Казалось бы, наиболее достоверны должны быть воспоминания тех наших сограждан, которым сейчас было бы около 80 и более лет, однако в данном случае следует учитывать возможности аберрации памяти. Шок зимы 1941–1942 гг. и блистательная память И.В. Поздевой, которую война застала в 7-летнем возрасте, позволила ей описать все мельчайшие трагические подробности пребывания гитлеровского воинства в Детском городке (как тогда именовался Иосифо-Волоколамский монастырь, превращенный в детский дом для детей репрессированных родителей)⁷. Ирина Васильевна могла бы тоже туда попасть (поскольку ее отец врач был выслан, а дед священник расстрелян за то, что внучку окрестили), если бы мать не работала в больничке при этом детдоме. Сами воспоминания были настолько ошеломляющи, что врезались в подкорку девочки намертво, и увиденная спустя 25 лет после окончания войны коробка от конфет с дивными розами впервые поразившая девочку в 1941 г. («Не трогай – это фашистские обедки» – одернул старший брат), снова повергла ее в состояние шока. Публикация известного археографа – единственная, известная автору тезисов, посвященная Подмосковию, но не единственная о жизни на оккупированных территориях (К упомянутой книге В. Скобло стоит добавить «Качели» Р. Борецкого об оккупации Киева).

Географическая или, условно говоря, территориальная градация мемуаров обусловлена местом пребывания авторов в годы войны: как уже упоминалось – на месте довоенного пребывания (оно тоже делится: на осажденные города типа Ленинграда, ныне Санкт-Петербурга, на прифронтовые местности, подвергавшиеся бомбардировкам, сюда относится столица СССР), на оккупированных территориях – в столице Украины (Р. Борецкий), Белоруссия (В. Скобло), в западной части современной Российской Федерации (И.В. Поздеева), наконец, на восточные районы, куда были эвакуированы жители из центра страны. К сожалению, автор тезисов не нашла воспоминаний этой категории лиц. Есть лишь упоминания о военном детстве в глубоком тылу в произведениях В. Маканина, В. Астафьева, В. Аксенова и других классиков позднесоветской литературы. Между тем из устных рассказов возникает мало утешительная картина недоброжелательства местных жителей-сибиряков к неожиданно нагрянувшему к ним «десанту» нищих мам с большим количеством голодных детей. Положение таких семейств доходило до катастрофического, в особенности тогда, когда глава семьи оказывался погибшим или, пуще того, временно попадал в плен, аттестат на получение пособия у вдов отнимался, а семьи чудовищно голодали (Устные воспоминания В.П. Тарасовой, урожденной Федориной).

Возможна и дополнительная классификация воспоминаний – по политико-социальному положению (в первую очередь следует назвать авторов, интернированных из «республик Прибалтики» в Среднюю Азию и Казахстан). Здесь следует назвать воспоминания эстонки Антони Ляйч о судьбе смешанной эстонско-польско-еврейской семьи из Тарту, сумевшей бежать из Австрии после аншлюса 1938 г. Подросток, потерявший отца в советском лагере, стал знаменитым австрийским историком и торжественно заявлял, что своей жизнью был обязан советскому ГУЛАГу⁸. Однако это не авторская рукопись: сын записывал и переводил воспоминания матери, при этом утратившие живость изложения и слегка «засушенные». В связи с последней публикацией стоит назвать еще один критерий для классификации мемуаристов – к сожалению, национальный, отчасти совпадающий с одним из территориальных (из оккупированных территорий).

Война, однако, для многих жителей оккупированных районов продолжалась и после 1945 г. Вывезенные из родных мест в Германию и Польшу в 1942–1943 гг. смешанные семьи украинцев (с немецкими отцами) по возвращении на родину были отправлены в ссылку. Те, кто попал в Коми АССР, были, как правило, рядовые граждане СССР, преимущественно колхозники, никогда не «баловавшиеся» сочинительством, их воспоминания воспроизводятся иными людьми, причастными к литературной деятельности⁹. В результате возникают «псевдомемуары», имеющие сходство со стенограммами, которые,

впрочем, по мнению Л.И. Деревниной, читались «авторами» по бумажкам, составлявшимся в разного рода официальных учреждениях. Однако и «псевдомемуары» и тем более забюрократизированные «стенограммы» обезличены. Ни те, ни другие, ни третьи (помещенные школьными преподавателями в интернете в сайты «Дети войны» в 2008–2012 гг., когда началась активная государственная (?) компания по воспитанию патриотизма, рассказы со слов бабушек учеников о жизни первых в дни войны) не могут считаться принадлежащими к типу автобиографических *литературных* произведений¹⁰.

За пределы мемуаристики выходят и литературные художественные произведения разных жанров, даже основанные на личном опыте писателей и обобщении трагического опыта большой массы соотечественников, к которым они и обращены. И, наконец, на последний вопрос: как воздействовали ужасы Великой Отечественной войны на судьбы, психику и идеологию поколений 1930-х – начала 40-х гг. и их детей и внуков, наиболее отчетливо хотя и не специально отвечали классики советской и российской литературы. Историк же представляется, что испытания войны и последних голодных «сталинских» лет (наряду с борьбой против так называемого «космополитизма») надорвали психику россиян, способствуя перерождению интеллигенции, ее пассивности и оторванности от народа¹¹, легко дававшего обмануть себя мифом о собственной уникальности и избранности и верой в «доброе вождя», прекращая тем самым попытки самостоятельного осмысления жизни. Впрочем, этот вопрос требует специального изучения, как и вопрос о возрождении формального христианства, а также язычества и бесконечных суеверий.

Примечания

¹ Скоблов В.А. На уцелевшем челне. М., 2006.

² Бельская Г.П. Короткая прогулка перед долгим сном. М., 2015.

³ Проблеме трактовки войны был посвящен его доклад в Лондоне 14 сентября 2001 г. «Пространство памяти о войне: подчинение при Сталине, локализация при Хрущеве».

⁴ Ананьева Т.Б. Мемуары: «непроявленный жанр» в процессе истории // Иконников В.С. Опыт русской историографии. Том второй. Книга третья. СПб., 2013. С. 676–677.

⁵ Большинство дневников подростков пропало, их содержание, вернее, просто воспоминания пересказывают старушки, которым много за 80 лет. Габриэлова А. «Папа стоял перед ней на коленях и просил хлеба» // «Новая газета», № 59. 08.06. 2015. С. 20–21.

⁶ «В каждом батальоне десять винтовок, в каждой винтовке – последний патрон», – писал он. Ситуация с вооружением и руководством военными действиями оставалась безобразной и позднее («беспросветная неразбериха» царила и в 1942–1943 годах). См. подробнее: «...Слышался лягз и треск сшибающихся винтовок, стоны раненых, визг и храп озверевших людей». Фронтовые записки А.Ф. Жданова. 7 августа 1942 – март 1943 гг. // Отечественные архивы. 2015. № 3. С. 75–108.

⁷ Поздеева И.В. «Война не заканчивается, пока еще живы люди, ее пережившие // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Материалы научно-практической конференции,

посвященной 530-летию Иосифо-Волоколамского монастыря и 20-летию возрождения в нем монашеской жизни. Вып. II. М., 2013. С 464–475.

⁸ *Ляйч А.* Моя странническая жизнь. Из Эстонии через Сибирь в Вену и снова из Эстонии через Центральную Азию в Вену. М., 2013. С.7.

⁹ *Москвина Т.В.* Осуждены властью безвинно (Сборник очерков). Воспоминания репрессированных. Сыктывкар, 2010. Знакомством с этим сборником автор обязана Эмме Андреевне урож. Красман, отец которой колхозник был арестован в самом начале войны, но ее мать Ирина Родионовна ждала мужа много лет спустя ее окончания и не отказывалась на самостоятельное решение о судьбе сына: «А что же скажет Андрюша?!»

¹⁰ До сих пор не проделан анализ подобных «псевдомемуаров», хотя можно предполагать, что престарелые и запуганные информаторы либо сами умалчивали о причинах их бедствий, или не задумывались о причинах своих страданий, либо сами интервьюеры и публикаторы подчищали рассказы до полагавшейся. властью нормы. Эту проблему уже в начале нашего века ставил Г.А. Бордюгов (*Бордюгов Г.А.* От испытания войной к испытанию правдой // «Волгоград», 5 апреля 2003 г.)

¹¹ Этим, на наш взгляд, определяется ничтожный круг поколения не только так называемых шестидесятников – «романтиков и мечтателей», по определению талантливого политолога В. Пастухова, и такие же итоги их деятельности: они «остались в исторической памяти поколением, пропевшим гимн свободе и вслед за этим сошедшим со сцены» (*Пастухов В.* Поколенческий шаг россиян. «Новая газета», № 77. 22.07. 2015. С. 6–7). Эхо Большого и Послевоенного сталинского террора 1945–1853 гг. донеслось до «потерянного поколения мегapotребителей» и консьюмеритов 1985–2000 гг., думается, слишком слабо. «Поколение исторического тупика» лишает страну надежды на будущее.

З.К. ШАНОВА

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Современный болгарский литературный язык начал формироваться в период Болгарского национального возрождения еще до освобождения от турецкого ига. Создавался он на основе народных говоров, их фонетики, грамматики, словарного состава. Известное влияние на развитие современного литературного языка оказали церковнославянский язык и русский языки. Еще до Освобождения появилась учебная, научно-популярная, художественная литература, развивались публицистический и художественный стили. Процесс формирования литературного языка ускорился с приобретением Болгарией государственной самостоятельности после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., развитие получили административный и научный стили болгарского языка. В Болгарии проводились орфографические реформы: в 1870 г. (*Дриновски правопис*), в 1899 г. (*Иванчевски правопис*), в 1921 г. (*Омарчевски правопис*), в 1923 г. (был восстановлен *Иванчевски правопис*).

Значительные преобразования произошли в стране и в болгарском языке после 9 сентября 1944 г. В связи с новой политической обстановкой возросло влияние русского языка, выразившееся в заимствовании слов, терминов, словосочетаний, приспособленных к особен-

ностям болгарской фонетики, морфологии и словообразования (*съвещание, обмяна на опит, снегозадържане, заслужил артист*). «Значительная лексическая близость между русским и болгарским языками позволяет употреблять в обоих языках одни и те же слова и термины для обозначения очень многих понятий»¹.

Займствуются не только слова и словосочетания, но и словообразовательные средства, напр., суффиксы *-ник, -чик, -ка, -овка* (*монтажник, нормировчик, задвижка*), создаются сложные слова, в которых первая часть (иногда и вторая) является начальным слогом (*стенвестник, райсвет*), широко используются аббревиатуры (*ВУЗ, БАН, ТКЗС*). В литературном языке под воздействием западных говоров и под влиянием разговорного языка образованных болгар исчезает употребление формы винительного падежа личных имен существительных мужского рода: *чакам Иван* (а не *Ивана*), *пismo от Петко* (а не *от Петка*). Закрепились формы причастий на *-ащ* и *-ещ* и деепричастий на *-айки* и *-ейки*.

В 1944 г. правительство назначило комиссию, перед которой была поставлена задача разработать новую орфографию, упростив старую. В комиссию под председательством Д. Осинина вошли языковеды В. Георгиев, С. Илчев, И. Леков, К. Мирчев, С. Романский, С. Стойков, С. Чукалов, писатели Елин Пелин, Г. Караславов, Н. Лилиев, К. Петканов, Х. Радевский, А. Разцветников, Л. Стоянов, Т. Траянов, И. Хаджов, Г. Цанев и др. В соответствии с реформой из болгарского алфавита исключались буквы **Ѣ** (заменялась в зависимости от произношения на *я* или *е* – *бял, бели*) и **Ѧ** (заменялась на *ъ* или *а* – *бѦда*); исключался **Ѣ** на конце слов, где он не звучал; исключался **Ѧ** на конце слов, где он не звучал, но сохранялся в середине слова перед **о** для обозначения мягкости (*актьор*). Было упрощено написание некоторых слов, напр., *празник* стали писать без буквы *д*, которая не произносится. Было уточнено написание сложных слов, заглавных букв, употребление знаков препинания. Сохранилось синтаксическое правило употребления полного и краткого артикля у существительных мужского рода единственного числа. Научно обоснованная языковая реформа способствовала установлению норм литературного языка, отразила тенденцию к демократизации болгарского литературного языка, выразившуюся в интенсивном общественно-экономическом и культурном развитии страны. В первые послевоенные годы были опубликованы основные грамматические и лексикографические труды, и один из самых важных, имевший несколько переизданий, – «Правописен речник на българския книжовен език», созданный в 1945 г. Л. Андрейчиным, В. Георгиевым, И. Лековым. Велась большая работа по развитию языковой культуры. В 1949 г. основан Институт болгарского языка Болгарской академии наук.

¹ *Андрейчин Л.* Из историята на нашето езиково строителство. София, 1977. С. 70.

И.А. ШЕЛКОВА

(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА)

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В РОМАНЕ Б.Л. ВАСИЛЬЕВА «В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ»

Имена собственные, представленные в романе Б.Л. Васильева «В списках не значился», разнообразны по отношению к действительности и по называемому объекту. Фиктонимы представлены только среди антропонимов, тогда как остальные группы имен способствуют изображению реального времени и пространства.

Имя главного героя *Николай* символично: оно происходит от греческих слов *nikāo* ‘побеждать’ и *laos* ‘народ’¹. На вокзале Плужников встречается с лейтенантом по имени Николай, который говорит: «Вот как смешно получается: оба только что кончили, оба – Николаи...»²; их общение кончается тем, что тёзка Плужникова отправляется на Брестский вокзал, куда недавно приехал Николай. Номинация героя в авторском повествовании отражает перелом в его судьбе: если в первой части, которая заканчивается первыми взрывами, автор называет молодого лейтенанта *Коля*, то с начала второй части – *Плужников*, а в пятой части – чаще *он* (именование *Плужников* используется лишь во избежание двусмысленности). В финале романа мать героя читает на мраморной плите только имя сына, написанное с пометой «фамилия неизвестна».

Петр Сальников, два раза спасший жизнь Николаю, носит одно имя с его отцом. Фамилии *Плужников* и *Сальников* аналогичны по словообразовательной структуре и обе своим дономастическим значением связаны с мирным трудом: *плужник* – 1) ‘лемех плуга’; 2) ‘пахарь за плугом’; 3) ‘в дореволюционной России – кустарь, занимающийся изготовлением плугов’³; слово *сальник* имеет в русских диалектах много значений⁴, фамилия происходит «из отчества от наименования по занятию: в старину *сальник* – тот, кто занимается вытопкой сала в салотопне (сальне) и продажей его»⁵.

На уровне имен собственных осуществляется связь между жизнью Плужникова в Москве и его пребыванием в Бресте: *Матвеевна* – *Степан Матвеевич*, ср. тж. формулу именования *Яновна*; как дома, так и в ресторане «Беларусь» он слышит песни «*Черные глаза*» и «*Очи черные*».

Имя героини *Мирра* созвучно омонимичным существительным *мир*¹ и *мир*², которые сталкиваются в узком контексте: «Но то, что крикнула она, было оттуда, из того **мира**, где был **мир**, а здесь, здесь не было и не могло быть женщины, которая вот так страшно и призывно кричала бы его имя» (С. 403). Рассмотрим также пример звукописи: «Дожить, встретить своих, доложить, что крепость не сдана, отправить **Миру** к **маме** в **Москву**...» (С.460). Можно провести частичную параллель между судьбой Мирры и древнегреческим мифом: мать Адониса Мирра, будучи беременной им, превратилась в дерево, но ее ребенок был спасен, тогда как героиня романа погибает вместе с неродившимся ребенком.

Христина Яновна (**Христина** рус. – из греч. Christinē от christianos ‘христианин’⁶; **Ян** – вариант имени **Иван** из др.-евр. uḇḥānān ‘бог милует’⁷, не молится, но хочет молиться: «Сама она давно не молилась не потому, что не верила, а потому, что обиделась...» (С.419–420).

Есть в романе и символические имена: «Двое на Земле: Мужчины и Женщина» (С.446) (в данном контексте наименование *Земля* находится в позиции нейтрализации, но более вероятно здесь символическое имя). Не только в прямом, но и в переносном значении употребляется наименование *Красная Армия*: «Ты – Красная Армия, – сказала она. – Ты – моя Красная Армия» (С. 404) и др. Представлена и деонимация – как общезыковая («А из пулемёта ты стрелял? – Стрелял. – Из “максима”? – Из “максима”») (С.290), так и контекстуальная (фамилия персонажа – сдавшегося в плен старшего сержанта – становится в тексте именем нарицательным: «Разглядел и понял, что женщин стерегут не только немцы, но и дошедшие до немцев федорчуки») (С.460).

Имена в романе Б.Л. Васильева «В списках не значился» выполняют различные функции (воссоздание исторической эпохи, характеристика персонажей, их группировка и пр.), причем значимыми оказываются разные свойства имен.

Примечания

¹Справочник личных имен народов РСФСР / Под ред. А.В. Суперанской (отв. ред.), Ю.М. Гусева. 3-е изд., испр. М., 1987. С.489.

² *Васильев Б.Л.* В списках не значился // *Васильев Б.Л.* А зори здесь тихие...; Не стреляйте в белых лебедей; В списках не значился. М., 1978 С.300. В дальнейшем цитируется это же издание, страницы указаны в тексте тезисов.

³Словарь русских народных говоров. Выпуск 27 (Печечки – Подельвать). Л., 1992. С. 164.

⁴Словарь русских народных говоров. Выпуск 36 (С – Святковать). СПб., 2002. С. 68–69.

⁵Словарь современных русских фамилий. М., 2001. С. 422.

⁶Справочник личных имен народов РСФСР / Под ред. А.В. Суперанской (отв. ред.), Ю.М. Гусева. 3-е изд., испр. М., 1987. С. 609.

⁷Там же. С. 470.

**ТЕМА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В МАКЕДОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1945–2010-Е ГГ.)**

Тема Второй мировой войны – основная тема в истории македонской литературы XX–XXI вв. Эволюция ее осмысления отражает основные этапы развития национальной литературы. Формирование македонской литературы на македонском языке (в силу ряда исторических причин) началось в 1945 г. в результате победы над фашизмом и социальной революции, поэтому тема войны тесно переплетена с темой революции. Художественное освоение этой тематики в 1945–2010-е гг. отразило особенности становления македонской литературы, формирование творческих индивидуальностей писателей и национальной жанровой системы, расширение художественных поисков, углубление изображения человеческой личности, обогащение языка и стиля произведений. Эволюция художественных стилей от «социального / социалистического реализма», переплетение опыта реалистического искусства модернистских и авангардистских течений, сюрреализма, философии и литературы экзистенциализма, «фантастического реализма», постмодернизма происходило при неизменном осмыслении событий военного времени. Многие национальные авторы были их участниками и очевидцами. Для них война оставалась важнейшим личным опытом, ключом к пониманию человеческой природы. Формирование и развитие творческих индивидуальностей Б. Конеского, С. Яневского, А. Шопова, В. Малеского, Д. Солева и др. служит тому яркой иллюстрацией. С художественным воплощением темы войны связано рождение национальной прозы (Й. Бошковский), освоение ею нравственных, психологических (Д. Солев) и философско-экзистенциальных проблем (В. Малеский, С. Яневский), переплетение реальности и фантастики (Ж. Чинго), поиски новых возможностей современной драмы (Г. Стефановский). Менялся и герой литературы: от романтически возвышенного, готового на любые жертвы во имя победы над врагом в произведениях первых послевоенных лет, затем к герою психологически сложному, совершающему нелегкий нравственный выбор, оплаченный ценой жизни. При этом неизменным оставался гуманистический пафос, подчеркнутый появлением у современных писателей особого ракурса – детской перспективы (Т. Урошевич) и обращением к теме холокоста (Г. Смилевский).

**ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ СЛОВАЦКОЙ ПРОЗЫ О
ВОЙНЕ В ДИНАМИКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗВИТИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI В.)**

Тема Второй мировой войны и Словацкого национального восстания стала основой для одной из важных литературных традиций Словакии второй половины XX в. Рассматривая хронологию становления военной прозы, можно проследить специфику развития словацкой литературы, в том числе – в области жанров.

Для начального, послевоенного этапа 1945–1948 гг., было характерно жанровое и идейно-стилевое разнообразие литературы. К теме войны обращались начинающие писатели, многие из которых сами были ее участниками: В. Минач (роман «Смерть ходит по горам»), К. Лазарова (повесть «Друзья») и др. Писатели, уже имевшие к тому времени определенный литературный опыт, воплотили военную тему в стилистически близком для себя ключе. Среди них – Ф. Швантнер (рассказы «Крестьянин», «Священник», «Дама», «Письмо»), П. Илемницкий (роман «Хроника»), Я. Боденек (сборник рассказов «Из волчьих дней»), К. Горак (роман «Горы молчат»).

Новой ступенью в творчестве Ф. Швантнера, одного из ярких представителей словацкого натурализма 1930–1940-х гг., стали произведения малых жанров, созданные им в первые послевоенные годы. События рассказов «Крестьянин» и «Священник» происходят во время восстания. Место действия традиционно для натурализма – это удаленные от большого мира деревеньки, затерянные среди гор. Но центральные герои существенно отличаются от прежних, неоромантических, своим реальным жизненным содержанием. Человек – дитя природы, средоточие отвлеченных, мифологизированных воплощений добра и зла уступил в новых произведениях Швантнера место другому герою, чьи поступки и весь облик определялись во многом его социальным статусом.

Посвященный событиям восстания роман П. Илемницкого «Хроника» (1947) долгое время считался эталонным произведением социалистического реализма; при этом непренменные атрибуты народности и партийности сочетались в нем с достойным художественным уровнем. Особенность повествовательной конструкции – «аутентичный» рассказ от лица местного жителя, лесничего Гондаша – обусловила способ отбора и изложения фактов. Название романа отражает и его жанровую специфику: в повествовании прослеживается поступательное движение исторических процессов, пусть и показанных в местных масштабах, их нарастание и кульминация.

Период 1949–1955 гг. отличался усилением политического и идеологического давления на культуру, внедрения в литературу метода социалистического реализма. Итогом стало создание целого ряда произведений, как правило, крупных прозаических жанров, отмеченных элементами схематизма (романы Д. Татарки «Первый и второй удар», П. Карваша «Это поколение», «Поколение атакует»). Первые попытки преодоления шаблонов в военной прозе относятся к середине 1950-х гг. (роман А. Беднара «Стеклопанна гора» и особенно – его сборник новелл «Часы и минуты»).

Развитие военной темы достигло своего апогея во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов, когда были созданы крупные эпические произведения о Второй мировой войне и Словацком национальном восстании В. Минача (трилогия «Поколение», 1958–1961), Р. Яшика (роман «Площадь святой Альжбеты», 1958 и незавершенная трилогия «Мертвые не поют», 1961), Л. Тяжкого (роман «Аменмария. Только хорошие солдаты», 1964), Л. Мнячко (роман «Смерть зовется Энгельхен», 1959) и др. Разные по идейной концепции и способу ее художественной реализации, они масштабно отразили поколенческий и личный опыт современников и участников исторических событий.

Всплеск интереса словацких прозаиков к военной тематике отмечается и в середине 1970-х – начале 1980-х гг. Так, В. Шикунула вступил в полемику с идеологией социалистического реализма на традиционной для того почве большого эпического произведения. Трилогию Шикунулы составляют романы «Мастера» (1976), «Герань» (1977) и «Вильма» (1979), объединенные общей фабулой, центральными героями и оригинальной повествовательной манерой, массой авторских отступлений на самые разные темы – от рассуждений о литературе до кратких эссе об истории и нации.

С конца 1980-х гг. и вплоть до начала 2000-х тема Второй мировой войны надолго ушла из словацкой литературы, возникая лишь эпизодически. Однако в последнее время писатели вновь заговорили об истории и событиях военных лет, делая акцент на общегуманистических, нравственных аспектах. Жанр романа обретает при этом все больший удельный вес, усложняясь и видоизменяясь на основе новейших литературных тенденций, опыта постмодернизма.

В ряду таких произведений – книга П. Виликовского «Первая и последняя любовь» (2013), жанр которой сам автор определяет, как «двойной роман». Он состоит из двух относительно автономных частей-романов – с разными фабулами и героями, однако связанных между собой общей, хотя и неявно сформулированной проблемой исторической памяти, нравственными аспектами, авторской интонацией. Тему исторической памяти, памяти о войне поднимают в своих романах и П. Ранков («Это случилось первого сентября», 2010; «Матери», 2011),

П. Криштуфек («Дом глухого», 2012), Мирослав Биелик («Действительность. Венецианский диптих I», 2007) и др. Обретая различные модификации, жанровые и идейно-художественные воплощения, проза о войне продолжает сохранять актуальность и в наши дни.

И.Е. ЮДИНА

(САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ РАЗЯДОВ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ЗАМЕТКАХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Материалом нашего исследования послужили информационные заметки в газете «Правда» периода Великой Отечественной войны и нашего времени (по 50 заметок из каждого источника). Из каждого источника методом сплошной выборки были выбраны обстоятельства и распределены на лексико-семантические разряды.

Мы распределили все выявленные обстоятельства по лексико-семантическим разрядам и сравнили количественные показатели для одного и другого источника. И в заметках периода ВОВ и в заметках нашего времени распределение разрядов по частотности оказалось одинаковым: на первом месте – обстоятельства времени, затем обстоятельства места и образа действия. Но обстоятельства в двух типах источников по-разному реализуют информативную и воздействующую функции.

В заметках нашего времени обстоятельства времени и места реализуют функцию информирования, и их преобладание определяется самим жанром информационной заметки и особенностью восприятия информации человеком о том или ином событии, когда оно должно быть привязано к пространственной и временной системе координат. Для читателя, хорошо разбирающегося в событиях истории и международных отношениях, обстоятельства времени могут играть важную роль, поскольку позволяют сопоставить событие, о котором идет речь, с другими недавними и составить таким образом более цельную картину из предложенных новостных сюжетов (*ранее украинские неонацисты пытались осквернить могилу, письмо было разослано еще накануне празднования 70-летия освобождения Украинской ССР*). В заметках нашего времени чаще всего отражается оценка событий 1941–1945 гг. и их роль для нынешней истории, поэтому употребляются обстоятельства времени, выражающие противопоставление «тогда-сейчас»: *признать его архаичным в наше время*.

В заметках периода ВОВ обстоятельства времени и места реализуют, безусловно, информативную функцию, но и несут большой воздействующий потенциал, поскольку время и место воспринимаются более широко, чем точка отсчета. Время и пространство можно расценивать как культурологические категории, существующие в сознании. Названия городов, сел, рек – это не только точки на карте, это уголки Родины, за которые сражается народ (*Красная Армия вышла на границу с Чехословакией!, достигнута юго-западная граница родины, на Украине и в Молдавии войскам 2-го Украинского фронта приходилось преодолевать весеннее бездорожье*).

Среди обстоятельств образа действия в заметках периода ВОВ мы выделили те, которые выражают способ действия (*фашисты двигались двумя группами*), реализуя информативную функцию, и те, которые выполняют воздействующую, подчеркивая мужество защитников Родины в боях, призывая к единству и стойкости (*они сражались до последнего дыхания, отважно дрался сержант Елькин, эскадрон героически сражался*).

Таким образом, несмотря на сходство количественных показателей употребления лексико-семантических разрядов обстоятельств, соотношение информации и воздействия различно: в заметках времен ВОВ преобладает воздействующая функция, в современных заметках – информативная.